

НИКОЛАЙ ТОМАН

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕНСАЦИИ

ПОВЕСТИ-ПАМФЛЕТЫ

Содержание:

История одной сенсации
Катастрофы не будет, если
Пленники 'Большого Джо'

Три повести, составляющие эту книгу, связаны общим содержанием и как бы продолжают одна другую, Пользуясь средствами политического памфлета, приключенческой и научно-фантастической литературы, автор, занимательно строя сюжет, показывает, как империалисты некоей западной страны пытаются в своих корыстных целях использовать новейшие достижения науки, как они терпят крах в этом. В книге разоблачены разжигатели военного психоза, проповедники "холодной" и "горячей" войн.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕНСАЦИИ

1. Видение из космоса

Лоб профессора Реймонда Писфула покрылся легкой испариной, что случилось с ним лишь в минуты крайнего волнения. Вот уже добрых четверть часа настраивал он свой телевизионный приемник на ту волну, на которой принял вчера необыкновенную передачу. Однако все было напрасно. Экран то светился тусклым зеленоватым светом, то покрывался рваными светлыми линиями, торопливо бежавшими по его диагонали.

Может быть, сместилась антенна? Едва ли. Еще вчера он проверил ее крепления и уточнил положение по звездному атласу. Антенна телевизора была направлена на "альфу" Центавра -

ближайшую к нашей планете звезду. Проверял профессор положение антенны и сегодня вечером. Направление ее было тем же.

В чем же тогда дело? Телевизионная аппаратура тоже совершенно исправна.

Чтобы убедиться в этом еще раз, Писфул переключил направленную антенну на обычную и попробовал принять передачи столичных телевизионных станции. Мягко защелкали под пальцами профессора переключатели диапазонов. Конверторы автоматически перестроили генераторы строчной развертки на частоту строк телевизионного изображения соседних государств. Телевизор работал безупречно. На его экране возникали кадры бешеной ковбойской скачки, колеса и фары рекламируемых автомобилей, сцены из телевизионных пьес и театральных постановок. Но, как только Писфул переключился на остронаправленную антенну и вчерашнюю частотную полосу, снова все, исчезло. На экране наблюдалось лишь слабое мерцание люминофоров, сопровождаемое хаотическим потрескиванием электрических разрядов в динамиках телевизора.

Неужели сегодня не удастся принять то, что так таинственно возникло на экране телевизора вчера ночью? Он предположил даже, что изображение это принесли электромагнитные волны, идущие откуда-то из глубины Вселенной, может быть даже с одной из планет звездной системы "альфы" Центавра. В этом не было ничего невозможного.

Человечество вступило в эпоху радиоастрономии и уже принимает своими радиотелескопами электромагнитные волны, идущие к нам из глубин Галактики.

Профессор Писфул хорошо знал, что в 1946 году был обнаружен первый мощный источник радиоизлучений в созвездии Кассиопей. В настоящее время радиоастрономы уже располагают картой, на которую в пределах одной только нашей Галактики нанесено около двух тысяч "радиозвезд". А с помощью современных остронаправленных приемных антенн удалось обнаружить радиоизлучения и за пределами нашей Галактики - в туманности Андромеды, удаленной от Земли более чем на миллион световых лет.

Человечество и само уже посылает радиосигналы в космос. В 1946 году в сторону Луны был направлен первый радиоимпульс, который, отразившись от ее поверхности, вернулся на Землю. А в январе 1959 года впервые в истории человечества в течение шестидесяти двух часов осуществлялась надежная радиосвязь с советской космической ракетой на расстоянии полумиллиона километров от Земли. Для распространения электромагнитных волн в космосе нет, следовательно, никаких препятствий. Нет, значит, ничего невероятного в том, что с, какой-то из планет ближайших к Земле звездных систем могла, прийти к нам телевизионная передача. Наивно думать, что населена разумными существами, достигшими высокой технической культуры, только наша планета. Естественнее допустить, что мы не составляем исключения.

Профессор Писфул хорошо знал все это, и у него не было сомнений в возможности приема космической телепередачи. Его смущало только то обстоятельство, что так упорно не удавалось принять ее снова. Он включал свой телевизор и в дневное время, но бушевавшая весь день гроза мешала настроить приемник с достаточной точностью.

В чем же теперь помеха? Почему на экране мелькает лишь нервный пунктир светлых прерывистых линий?

Нечасто приходилось профессору Писфулу нервничать так, как в этот вечер. Ему все яснее становилось, что сегодня, видимо, уже не удастся принять никакой космической передачи...

На мгновение мелькнула мысль: "А может быть, все, что он видел вчера на экране своего телевизора, - просто какой-то неизвестный пока вид телевизионного миража или результат нервного переутомления?.." Но тогда пусть бы и генерал Хазард оказался каким-нибудь фантастическим видением...

Хазард, однако, присутствовал в кабинете Писфула совершенно реально и вот уже около часа с иронической улыбкой наблюдал за суетливыми движениями профессора.

Нужно же было столь поспешно рассказать ему о вчерашней космической телепередаче!

Можно было бы, конечно, привести многие причины, по которым не удастся принять ее сегодня. Виной всему, видимо, капризы ионизированных слоев атмосферы, но разве объяснения эти удовлетворили бы генерала Хазарда, человека нетерпеливого, верящего только конкретным фактам? Он теперь не только иронически улыбался, но и позевывать начал довольно демонстративно.

Когда-то Писфул и Хазард учились вместе в средней школе и даже дружили некоторое время, но от прежней их близости не осталось теперь и следа, если не считать ничего не значащих улыбок да вялых рукопожатий при встречах.

Были они людьми не только разных профессий, но и не сходных характеров. Столь же различна была и их внешность. Генерал Хазард - весь воплощение воинственности: огромный рост, могучий голос, грудь, выпяченная столь величественно, что черты лица уже не имели никакого значения. Профессор же Писфул - полная противоположность своему бывшему однокашнику: прост, скромн, неприметен. Если он и выделялся чем-нибудь из общей массы коренных жителей Грэнд-Сити, то главным образом своей необычайной худобой. Не отличалось ничем особенным и выражение его худощавого, слегка продолговатого лица интеллигентного человека, не избалованного успехом.

Генерал Хазард после войны стал важной персоной в военном министерстве, а Писфул

оставался все тем же скромным ученым, специалистом по электронике и телевидению, каким был и в довоенные годы. Хазард, не раз предлагавший Писфулу хорошо оплачиваемую работу в военном ведомстве, махнул в конце концов на него рукой, как на человека, по его мнению, не только чудаковатого, но и недалекого.

Писфул же считал Хазарда типичным карьеристом и солдафоном, однако знакомства с ним не только не порывал, но в последнее время даже стал побаиваться, как бы Хазард не перестал его узнавать. Оттого-то он и нервничал теперь так, беспрестанно вращая ручку настройки телевизора и чувствуя, как постепенно начинают неметь от усталости кончики пальцев.

А генерал Хазард, между тем, уже не только позевывал, но начал и покашливать. Экая всетаки досада, что не удастся поймать вчерашнюю передачу! Не избежать теперь насмешек генерала.

- Так-так, - усмехаясь, проговорил Хазард, шумно поднимаясь с дивана. - Твои гости из космоса, кажется, чертовски застенчивые парни и предпочитают являться тебе одному. Признайся-ка лучше, старина, не хватил ли ты лишнего вчера вечером?

- Ну, знаешь ли!.. - обиженно воскликнул Писфул и с раздражением выключил телевизор.

- Какой ты обидчивый, однако! - рассмеялся генерал. - Шуток не понимаешь. Ну что ж, давай тогда поговорим серьезно. Ты, значит, совершенно уверен, что принял вчера передачу из космоса, из иного мира, так сказать?

- Вне всяких сомнений, - холодно отозвался профессор Писфул, задетый за живое грубой шуткой Хазарда.

- А чем же ты докажешь это?

- Да хотя бы числом строк в кадре. Их было 1200! Это не только более чем вдвое превосходит четкость нашего отечественного телевидения, но и вообще является предельной четкостью, какую только способен воспринять человеческий глаз.

- А какова четкость в других странах? - спросил Хазард, все еще не проявляя серьезного интереса к словам Писфула.

- Тоже не далеко от нас ушли, - без особого энтузиазма продолжал профессор. - Наибольшее количество строк имеет пока только Франция - 819. Есть, правда, сведения, будто русские успешно осуществили лабораторные опыты по передаче изображения с разбивкой его на 1050 строк. Но ведь это всего лишь опыты. Да и потом Советский Союз слишком далеко от нас, а ультракороткие волны, на которых осуществляются современные телевизионные передачи, могут достаточно устойчиво распространяться только по прямой линии до горизонта. Практически, следовательно, в радиусе 80-100 километров. Лишь при особо благоприятных условиях достигают они дальности в несколько сот километров.

Профессор зажег полный свет в кабинете и усталой походкой прошелся по ковровой дорожке, проложенной от письменного стола через всю комнату. Генерал снова уселся на диван и, закулив сигарету, с рассеянным видом стал рассматривать картины, развешанные по стенам. Все они были либо подлинниками, либо хорошо исполненными копиями работ старых мастеров реалистической школы.

"Чертовски старомоден наш профессор", - не без самодовольства подумал генерал Хазард, признававший в живописи только "шедевры" абстракционистов.

- Ты, я вижу, все еще не веришь мне? - остановившись перед Хазардом, спросил Писфул.

В прищуренных глазах Хазарда светилась явная насмешка.

- Откровенно говоря, старина, не особенно верю, - признался он. - Что-то очень уж все это похоже на фантастику. Мы чертовски увлекались ею в детстве, но благоразумно остерегаемся теперь, став взрослыми людьми. Да и, сказать по правде, доказательства твои не очень-то убедительны. Ты только не обижайся, пожалуйста...

- Хорошо, - все еще не сдавался Писфул, - я подтвержу свои выводы еще некоторыми фактами, хотя такого скептика, как ты, ничем, пожалуй, не проймешь.

- Да, - самодовольно усмехнулся Хазард, - я действительно привык верить только бесспорным фактам. Даже в атомную бомбу поверил только после того, как увидел собственными глазами ее великолепную "работу".

- Может быть, ни к чему тогда и дополнительные доказательства? - снова насупился Писфул.

- Напротив, старина, выкладывай все, и как можно обстоятельней.

- Ну что ж, изволь.

Писфул, усевшись рядом с Хазардом, прикурил предложенную им сигарету и продолжал теперь уже спокойным, бесстрастным голосом, каким беседовал обычно со своими студентами на лекциях:

- Ты знаешь, наверно, что при приеме обычных наземных телевизионных станций нельзя избавиться от искажений даже с помощью самых усовершенствованных антенн. Их можно лишь уменьшить в какой-то степени. Особенно заметно это в городах, где высокие здания и крыши домов отражают сигналы телевизионных станций в разные стороны. Ну-с, а я вот принял вчера телепередачу без малейших искажений. А это возможно только в том случае, если она ведется сверху.

- А почему бы не допустить, что ее вели с самолета? - заметил Хазард.

- Но кто? Я запросил все наши экспериментальные телестудии - никто из них не проводил вчера подобных опытов. К тому же принял я эту передачу поздно ночью, когда вообще не работала ни одна телевизионная станция.

Хазарда все это, видимо, не очень убеждало; однако он спросил теперь уже без иронии:

- Ну хорошо, допустим на мгновение, что ты действительно принял передачу с другой планеты, но почему же принял ее только ты?

- Да по той простой причине, что ни у кого другого нет столь чувствительного приемника и такой остронаправленной антенны, как у меня.

- Допустим и это. Но откуда могла прийти подобная передача? С Марса, с Венеры? Ученые если и не отрицают полностью возможности жизни на этих планетах, то сомневаются, что она могла достичь там столь совершенного развития, как у нас на Земле. Что ты возразишь на это, старина?

Писфул ожидал подобного вопроса и не задумываясь ответил:

- Сомневаются о существовании разумных существ на Марсе и Венере не все. Советский астроном профессор Шкловский, например, совсем недавно высказал довольно убедительное предположение об искусственном происхождении спутников Марса. А если это так, то не может быть сомнений, что создали их разумные существа, достигшие очень высокого технического совершенства.

- Но где же они? - усмехнулся Хазард. - Почему не дают знать о себе?

- А кто знает, - серьезно отозвался Писфул, - может быть, принятые мною телевизионные сигналы и являются одной из их попыток связаться с нами... Ну, а к тому же, кроме Марса и Венеры, есть еще и другие планетные системы. Никто из астрономов не отрицает возможности существования планет у таких ближайших к нам звезд, как "альфа" Центавра, звезда Бернарда, Вольф, Лаланд, "альфа" Большого Пса...

- Ого, куда ты хватил, старина! - рассмеялся генерал. - Мой тебе совет - не рассказывай никому о твоём "видении", а то тобой не только университетская газета, но и вся наша пресса займется, и уж тогда мне труднее будет выручить тебя из беды.

Долго в этот вечер не ложился спать профессор Писфул. Он досадовал на все: на себя, на свой телевизор, на капризы ионосферы, а более всего на генерала Хазарда, напомнившего ему один из неприятнейших дней его жизни, когда его скромной персоной действительно заинтересовалась университетская газета. Случилось это года полтора назад, когда на одной из лекций по электронике профессор Писфул случайно обронил фразу, что недалеко, видимо, то время, когда прямая радиосвязь окажется возможной не только с самыми отдаленными точками земного шара, но и с другими планетами.

Одно это заявление не наделало бы, конечно, большого шума в университете. За

Писфулом давно уже укрепились слава неисправимого фантазера, и над его верой в обитаемость иных миров могли бы только добродушно посмеяться. Однако профессор Писфул, утверждая обитаемость Вселенной, пытался не только полемизировать с английским астрофизиком Джемсом Джинсом, но и критиковать его теорию об исключительности происхождения нашей Солнечной системы. Джине же был весьма почитаем в университете, ректор которого считал себя самым ревностным его учеником и последователем.

Масла в огонь подлила университетская газета, упрекнувшая Писфула не только в материализме, но и в марксизме. Поводом к этому послужила высказанная им мысль о том, что слишком уж сложная структура материального мира убедительнейшим образом свидетельствует о не божественном его происхождении. Богу, по мнению Писфула, незачем было бы так мудрить.

Дело тогда могло бы кончиться для Писфула весьма плачевно, не обратился он за помощью к генералу Хазарду...

Вспоминая теперь всю эту не очень приятную историю, профессор Писфул невольно задумался и над возможными последствиями своего теперешнего открытия. Найдутся, конечно, люди, которые припомнят ему его вольнодумство. И сделать это может не только недруг Писфула, преподаватель богословия, но и декан философского факультета Бросерс.

- Да, не безопасно в наше время делать научные открытия! - тяжело вздохнул Писфул, стараясь вспомнить таинственный кадр, возникший прошлой ночью на экране его телевизора.

Сегодняшняя неудача и неприятный разговор с Хазардом очень расстроили профессора. Он и сам теперь начал во всем сомневаться и уже не без труда восстановил в памяти внешние контуры какого-то странного сигарообразного сооружения, могущего быть как аппаратом для полета, так и гоночной машиной или вездеходом. Ничего подобного Писфулу не доводилось видеть прежде.

Однако не только эта необычная конструкция привлекла внимание профессора. Поразило его и другое - причудливая природа, на фоне которой наводился этот аппарат да какие-то фигуры, облаченные в скафандры... Жаль только, что изображение было не очень четким, к тому же оно померкло вскоре, и Писфул не смог разглядеть его во всех подробностях.

Досадно было также, что не удалось принять звука, которым, видимо, сопровождалась эта телепередача. Да и вообще все это телевизионное изображение казалось теперь Писфулу каким-то фантастическим сновидением. Может быть, ему и в самом деле только померещилось все это или приснилось? Он ведь почти всю ночь просидел тогда у экрана телевизора и чертовски устал... Но что бы там, однако, ни было, а он никому уже больше не будет рассказывать об этом, пока окончательно не убедится, что действительно принял телевизионную передачу из космоса. Он и Хазарду, пожалуй, не сообщил бы об этом так поспешно, если бы сам генерал не зашел к нему с приглашением принять участие в испытании нового телевизионного аппарата, предназначавшегося для военных целей.

Лишь под самое утро заснул, наконец, Писфул тревожным сном. Снилось ему разная фантазмагория то марсиане в том уродливом виде, в каком описал их Уэллс в "Войне миров", то разъяренные студенты во главе с деканом философского факультета, иступленно скандирующие его имя...

Разбудил Писфула телефонный звонок. Писфул недовольно поднялся с постели и нехотя снял трубку.

- Это ты, старина? - услышал он веселый голос генерала Хазарда. - Ну, как поживают твои марсиане? Они не являлись тебе больше?

- Оставь, пожалуйста, меня в покое с этими марсианами! - раздраженно ответил Писфул, чувствуя, как снова начало тоскливо ныть сердце.

- Вот и напрасно, - все тем же веселым тоном продолжал генерал. - О твоих марсианах есть уже экстренное сообщение в утренних газетах.

- Как?! - не то простонал, не то выкрикнул профессор, судорожно хватаясь за спинку

стула...

2. Сенсационное сообщение генерала Хазарда

Торопливо набросив на плечи теплый халат, Писфул выбежал в коридор и выхватил торчавшие из щели почтового ящика утренние газеты.

На первой полосе одной из них было крупно напечатано: "Профессор нашего столичного университета доктор технических наук Реймонд Дж. Писфул принял сконструированным им

сверхчувствительным телевизором передачу из космоса!

Генерал Хазард свидетельствует достоверность сообщения профессора Писфула. То, что он увидел на экране телевизора Писфула, встревожило его. По словам генерала Хазарда, космическая телепередача носила агрессивный характер".

- Боже мой! - воскликнул изумленный профессор. - Что за бред! Какой агрессивный характер имеет он в виду? И потом, Хазард вообще ведь ничего не видел...

А в это время генерал Хазард уже нажимал кнопку звонка у дверей квартиры Писфула.

- Слушай, что же это такое?! - набросился на него профессор, нервно теребя газету. - Не понимаешь разве, в какое положение ты меня ставишь? Все это пахнет шарлатанством и грандиозным скандалом! Я уверен...

Не договорив, он торопливо бросился к радиоприемнику и настроился на волну центральной радиостанции Грэнд-Сити. Из динамика раздался взволнованный голос диктора:

- Генерал Хазард уверен, что видел на экране сверхчувствительного телевизора профессора Писфула мощную космическую ракету, несущуюся в сторону Земли. По его словам, внешне имеет она много общего с нашими управляемыми снарядами и межконтинентальными ракетами, предназначенными для обстрела стратегических объектов...

Профессор с сердцем выключил радиоприемник и совершенно обессиленный опустился в кресло. А генерал Хазард как ни в чем не бывало закурил сигарету и развалился на диване в самой непринужденной позе.

- Я сошел с ума или уже началось светопреставление? - прохрипел Писфул, прикладывая ладонь ко лбу.

- Нет, ты не сошел с ума, старина, - невозмутимо отвечал Хазард. - Светопреставление тоже пока еще не произошло.

- Но, позволь, что же тогда такое они печатают и передают по радио?

- Только то, что я сообщил их корреспондентам. Ни слова больше.

- Так выходит, что ты поверил мне? - удивился Писфул, и усталые глаза его слегка оживились.

- Ничуть не бывало, - усмехнулся генерал, беспечно попыхивая сизоватым дымком сигареты.

- К чему же тогда вся эта комедия?! - раздраженно воскликнул окончательно выведенный из себя профессор.

- А ты что же, и сам уже не веришь, что принял телевизионную передачу из космоса? - ехидно улыбаясь, спросил Хазард.

- Перестая верить... Почти не верю! И уж, конечно, никаких космических аппаратов типа межконтинентальной ракеты я не видел на экране моего телевизора, если только все еще нахожусь в здравом уме...

Генерал Хазард по-прежнему сохранял не только спокойствие, но и веселое настроение. Улыбаясь, посмотрел он на покрывшийся испариной лоб профессора и укоризненно покачал головой.

- Возьми себя в руки, старина, - наставительно проговорил он. - К чему вся эта

истерика? Ничего страшного не произошло. Напротив даже, все идет как нельзя лучше. И если только у тебя осталась хоть крупица здравого смысла, ты должен понять, что никогда еще не было у тебя большей возможности прославиться.

- Черт с ней, со славой, - безнадежно махнул рукой Писфул. - Только бы выпутаться из этой кутерьмы...

- А я тебе говорю, ты прославишься, - убежденно повторил генерал Хазард, шелчком посылая окурочек сигареты в массивную пепельницу, стоявшую на письменном столе. - Давай только действовать теперь сообща...

Профессора Писфула, как и всех прогрессивных ученых его страны, беспокоила, конечно, военная истерия, всячески разжигаемая атомными генералами типа Хазарда. Но в отличие от других ученых, более или менее активно выступавших против этого, Писфул предпочитал отмалчиваться, ибо был самым обыкновенным трусом, перепуганным на всю жизнь университетской газетой, обвинившей его в марксизме.

Читая тайком прогрессивные газеты, профессор в душе соглашался почти со всем, что в них писалось. Он и сам был не только против новой мировой войны, но и против балансирования на грани такой войны. Более того, он был за решительное смягчение отношений между Западом и Востоком, но никому не решился бы сказать об этом открыто, ибо не сомневался, что за столь крамольные мысли в два счета вылетел бы из университета.

А вот теперь ему предлагалось соучастие не только в разжигании военной истерии, но и в явном обмане общественного мнения, в прямом шарлатанстве. Что же делать в таком положении? Как отказаться от этой аферы, чтобы не разгневать всесильного генерала Хазарда? А ведь он, Хазард, зашел так далеко, что, возрази Писфул против того, что наговорил он журналистам и представителям радиовещательных компаний, генералу нелегко будет выпутаться, а уж потом он, конечно, ни за что не простит этого Писфулу.

Хазард стоял теперь перед профессором с очень решительным видом, и уже не усмешка, а почти угроза светилась в его прищуренных глазах.

- Ну, как же, старина, долго ты еще будешь раздумывать? Учти, что газетам, особенно "Сирене", мое сообщение очень понравилось. На этой сенсации они заработают большие деньги и никогда не простят тебе, если ты сорвешь им этот бизнес. А ты сам знаешь, что могут сделать с человеком газеты, если захотят. И потом, могу сообщить тебе совершенно конфиденциально, что и военное министерство не безразлично ко всему этому... Надеюсь, ты понимаешь меня?

- Ничего я не понимаю, Оливер... - почти простонал Писфул. - Дай мне подумать, собраться с мыслями. Завтра утром мы вернемся к этому...

- Никаких проволочек, старик! - уже совсем грозно проговорил Хазард. - Не понимаешь ты разве, в какое положение ставишь теперь меня? Газеты ждут от нас новых сообщений о "марсианах". И они будут! В противном случае для тебя это может очень плохо кончиться. Сам ведь вчера весь вечер бубнил мне об этих марсианах, клялся, что видел их, а теперь от всего отказываешься. В хорошенькую историю ты меня впутал.

- Но ведь ты же не верил... - попробовал было возразить Писфул, но Хазард раздраженно прервал его:

- Да, сначала не верил. А потом пришел домой, поразмыслил хорошенько и решил, что все действительно может быть так, как ты говорил. Почему бы и в самом деле не пожаловать к нам марсианам? Астрономы утверждают, что их Марс в климатическом отношении куда хуже нашей Земли, так почему бы им не перебраться на нашу планету? Я даже думаю теперь, что "летающие тарелки", еще совсем недавно наделавшие столько шума на нашем континенте, есть не что иное, как управляемые на расстоянии телевизионные разведчики этих марсиан. Они, видимо, уже давно приглядывались к нашей планете и изучили ее с помощью таких "летающих тарелок". Да и потом, ты же сам рассказывал мне, что видел на экране своего телевизора их воинственные фигуры и аппараты?

- Нет, Оливер, я не видел там ничего воинственного, - вяло возразил генералу профессор Писфул. Он уже потерял всякую надежду хоть в чем-нибудь разубедить Хазарда. -

Я теперь не уверен даже, что принял в ту злополучную ночь вообще какую-либо телепередачу... Но уж если допустить все же, что собираются к нам лететь разумные существа с Марса или с одной из планет "альфы" Центавра, то нет сомнения, что они должны быть настроены к нам миролюбиво.

- Миролюбиво! - раздраженно передразнил Писфула Хазард. - Очень ты разбираешься в том, что миролюбиво, а что агрессивно. Я человек военный и мыслю строго логически. Для меня несомненно, что, если у марсиан есть военное преимущество, они непременно им воспользуются для улучшения своего жизненного пространства. А преимущество у них явное, раз они в состоянии передавать свои запугивающие телепередачи к нам на Землю. По этим вопросам ты со мной не спорь, пожалуйста! Ну, так как, согласен ты на мое предложение, старина?

Положение Писфулу казалось теперь таким безнадежным, что терять уже вроде было нечего, и он вяло кивнул Хазарду в знак согласия.

Выудив у профессора все необходимые ему сведения, генерал в тот же день развил бешеную деятельность. А несколько дней спустя вечерние газеты и последние известия по радио уже трубили не только по всей стране, но и по всему западному полушарию:

"Профессор Писфул предлагает всем владельцам телевизоров лично убедиться в достоверности его сообщения с помощью конверторов, которые преобразуют 1200 строк космической передачи в 525 отечественного стандарта. Конверторы эти со следующей недели можно будет приобрести в магазинах акционерного общества "Эфир" не только в Грэнд-Сити, но и во всех других городах нашей страны".

Газеты и радио умалчивали при этом, что генерал Хазард скупил почти все акции "Эфира" до того, как стремительно поднялся их курс в связи с сенсационным сообщением о космических телепередачах.

3. Керри интервьюирует генерала Хазарда

Мистер Хэйт - издатель многотиражной газеты "Сирена" - немолодой уже человек с длинной жилистой шеей и многоярусными мешками под глазами, не дослушав доклада одного из своих редакторов, прервал его раздраженно:

- Не думал я, что вы пошлете к Хазарду эту девчонку.

- Она очень толковая журналистка, мистер Хэйт, - попытался оправдаться редактор.

- А нам не нужны толковые и даже талантливые журналисты, - повысил голос издатель "Сирены". - Вы еще, может быть, скажете, что у нее есть свое мнение? Этого только не хватало! Нам такие не годятся, мистер Пейдж. Запомните это раз и навсегда! Сколько уж раз говорил я вам: нанимайте в нашу газету только тех, кто пишет просто и быстро. Наша "Сирена" должна быть доступна каждому кретину, не привыкшему много философствовать.

- Но у нее хороший слог...

- К черту ваш хороший слог! Все это одно кривляние. Сотрудники нашей газеты должны писать настолько просто, чтобы понять их смог любой рядовой болван.

Стоило ли уверять Хэйта в том, что Керри Демпси пишет как раз очень просто и доходчиво? Издатель не влюбил девушку за какую-то ее статью, показавшуюся ему непонятной.

- Учту это на будущее, мистер Хэйт, - покорно проговорил редактор, хорошо знавший, что хозяину "Сирены" все равно теперь ничего уже не докажешь.

- А то, что принесет эта девица от Хазарда, покажете мне лично, - смилостивился наконец Хэйт. - Не верится мне что-то, чтобы справилась она с таким серьезным материалом. Плохое у вас чутье, мистер Пейдж. Как же вы не чувствуете, что интервью с генералом Хазардом обещает быть сенсационным?

- Уж очень все неправдоподобно, мистер Хэйт... - робко заикнулся было Пейдж.

- Неправдоподобно? А много вы знаете правдоподобных сенсаций? В основе

добротной сенсации, если хотите знать, всегда лежит отказ от логики. Если, например, собака укусила человека - разве это сенсация? А вот если человек укусил собаку - совсем другое дело! Это уже сенсация!

...А Керри Демпси сидела в это время перед генералом Хазардом и задавала ему такие вопросы, которых он никак не ожидал от корреспондентки такой газеты, как "Сирена". Он не сомневался, что его непременно попросят рассказать поподробнее, что он имел в виду, сообщив радиослушателям и читателям столичных газет об агрессивном характере космических передач. Но вместо этого совершенно естественного, с точки зрения генерала, вопроса пришедшая к нему журналистка спросила вдруг:

- А вам не кажется, мистер Хазард, что демонстрируемые профессором Писфулом космические телепередачи папахируют мистификацией?

- Ну, знаете ли!.. - только и мог проговорить пораженный генерал, широко разведя руками.

- В погоне за славой эти старички ученые иногда ведь...

Но тут генерал решил одернуть дерзкую девчонку.

- Да вы за кого же меня принимаете, уважаемая? Что же, по-вашему, меня ничего, значит, не стоит одурачить?

- Я этого как раз не думаю, мистер Хазард. Напротив, не сомневаюсь, что вас не легко одурачить, - с деланной наивностью проговорила Керри. - Потому и спрашиваю вас: не показалось ли вам, что профессор Писфул...

- Если бы мне это показалось, - снова самым решительным образом прервал ее генерал, - я бы не стал сообщать об этом ни газетам, ни радиокомпаниям. И вообще, мне думается, уважаемая мисс...

- Демпси, - подсказала Керри.

- Уважаемая мисс Демпси, - повторил Хазард внушительным голосом, - вам следовало бы не сомнения свои мне высказывать, а поинтересоваться теми бедствиями, какие грозят в недалеком будущем нашей планете.

- Вы полагаете, значит...

- Я не полагаю, я утверждаю это.

И генерал Хазард стал развивать свою идею космической опасности, нависшей над человечеством. Керри добросовестно записывала его разглагольствования, хотя не верила ни одному его слову. А генерала почему-то смущали глаза этой молоденькой журналистки. Они казались ему то дерзкими, то насмешливыми, хотя в них светились лишь недоверие к его словам и прирожденная пытливость.

"Черт знает, что может написать обо мне такая девица, - с беспокойством думал генерал. - Нужно будет, пожалуй, позвонить самому издателю "Сирены", Уж он-то знает, как все это нужно подать..."

Когда беседа была закончена, Демпси неожиданно спросила:

- А не смогли бы вы помочь мне встретиться с самим профессором Писфулом, мистер Хазард?

- Думаю, что в настоящее время это совершенно исключено, - категорическим тоном заявил генерал. - Профессор занят сейчас усовершенствованием своей телевизионной аппаратуры, и ему не до бесед с журналистами. К тому же, вам следовало бы, прежде чем вести со мной этот наивный разговор, самой посмотреть космические телепередачи. Их принимают уже некоторые телевизоры, оборудованные конверторами профессора Писфула. Не сомневаюсь, что они рассеют все ваши сомнения.

На этом интервью было закончено. А несколько часов спустя Керри Демпси сидела уже перед разгневанным мистером Хэйтом. Жилистая шея его казалась еще длинней, чем обычно, и придавала ему выражение хищной птицы.

- Что это такое, я вас спрашиваю, мисс Демпси? - говорил он, теребя рукопись Керри и нещадно брызгая слюной сквозь редкие зубы. - Кому нужны ваши скептические замечания? Не понимаете вы разве, какой сенсационный материал гибнет по вашей милости? Не

забывайте, что все вы - мои служащие, и мне нет дела до ваших личных мнений и тем более сомнений. Я владеец газеты, и я требую от вас писать о том, во что верю я лично. А если вы со всем этим не согласны - идите тогда к мистеру Каннингу в его жалкий "Прогресс". Он ведь, кажется, приглашал вас к себе. Там вам, может быть, будет дана возможность иметь некоторую свободу собственного мнения. Но, повторяю, только некоторую, в пределах политических задач газеты "Прогресс". Да учтите еще к тому же, что эту свободомыслящую газетенку в скором времени непременно прикроют.

Никогда еще не была Керри в более скверном настроении. Как ей понимать слова Хэйта? Считать себя уже уволенной или это только предупреждение? Редактор ее отдела, мистер Пейдж, к которому она обратилась с этим вопросом, ответил не очень уверенно:

- Пожалуй, пока только предупреждение, но, если вас действительно приглашал к себе мистер Каннинг, мой вам совет - идите к нему, не теряя времени. Хотя, бог видит, мне бы не хотелось расставаться с вами, ибо не сомневаюсь, что рано или поздно из вас вышел бы толк.

Редактор "Прогресса" действительно приглашал Керри к себе в газету. Но ведь там придется получать мизерный заработок, а у нее на иждивении больная мать. К тому же Керри нравился ритм жизни и широкий размах такой большой газеты, как "Сирена", оснащенной всеми новинками полиграфической техники. Целая армия работников редакции отбирала и редактировала в ней самую разнообразную информацию, поступающую как в письменной форме, так и по телеграфу, радио и телефону. Одни сотрудники газеты распределяли эту информацию по отделам редакции, другие монтировали различные сообщения в единое целое, третьи придавали им стилистическую форму и придумывали заголовки, а метранпажи торопливо планировали полосы. Все эти люди были непрерывно заняты только тем, что обрабатывали миллионы слов поступающей к ним информации, пока, наконец, количество их не доходило до средней нормы одного номера такой газеты, как "Сирена".

А как готовился фотоматериал? Десятки фоторепортеров (по двадцать, тридцать и даже по сорок человек!), словно боевые ударные части в разгар ожесточенного сражения, бросались по приказу мистера Хэйта в районы интересующих его событий. А там разрабатывались детальные планы съемок, определялись места осветителей, назначались маршруты кратчайшей доставки заснятой пленки к дежурным автомашинам.

Бурлило все и в фотолаборатории. Сотнями снимков заваливала она фоторедакторов, которым предстояла нелегкая задача - отобрать двадцать три или двадцать пять фотографий из пятисот!

Увлеченная размахом современной газетной индустрии, ее деловитостью и оперативностью, Керри не сразу разобралась, что за девизом "свободы печати" скрывается всего лишь "свобода предпринимательства".

- Пресса, - сказал ей однажды один прогрессивный журналист, - это не богатство, принесенное его владельцами в жертву великому идеалу. Это - собственность, назначение которой - извлекать прибыли.

Керри не очень поверила тогда этим смелым словам, но с каждым днем все более убеждалась в их справедливости. Циничная откровенность Хэйта окончательно отрезвила ее.

Печальная вернулась она в этот день к своей больной матери и, чтобы не расстраивать ее, решила пока ничего не говорить о своих неприятностях.

4. Керри принимает решение

Ночью Керри почти не спала. В голову лезли мысли одна мрачнее другой. Казалось, что в "Сирене" ей теперь уже не работать и лучше уйти оттуда самой, чем ждать, когда выгонят. Решила даже, что утром, непременно позвонит Каннингу и попросит его взять ее к себе в газету. Чарльз Каннинг-старый друг ее покойного отца, и он не откажется помочь ей, тем более, что и сам уже приглашал ее однажды перейти к нему на работу.

Не легко, однако, решилась она на это. Теперь ее, конечно, причислят к "красным"

многие знакомые, хотя "Прогресс" был вовсе не коммунистической газетой, а лишь органом прогрессивно настроенной интеллигенции.

Керри и сама толком не знала, какие идеи пропагандирует "Прогресс", но уж только ни в какой мере не подрывает он устоев государства. Славу же "красной газеты" снискала ему борьба за мир и разоблачение пропаганды "холодной войны". А разве Керри, у которой погиб отец на фронте, хотела новой войны? Разве хотят ее даже те, которые, может быть, завтра назовут Керри "красной" журналисткой? Не верила Керри, чтобы вообще кто-нибудь из ее знакомых желал этой войны. А отмалчивались они и не поднимали против нее голоса лишь по той причине, что боялись привлечь к себе внимание Комиссии по расследованию антипатриотической деятельности.

Однако Керри размышляла так решительно о дальнейшей своей судьбе лишь в часы ночной бессонницы. Утром же, передумав все заново, она тяжело вздохнула, решив не торопиться и не уходить самой из "Сирены". Кто знает, может быть, и обойдется все... Нужно ведь было содержать как-то больную мать, а Каннинг мог разве платить ей столько же, сколько платит

Хэйт?

...Первым, кого встретила Керри в редакции, оказался Пейдж.

- Ну как, мисс Демпси, видели вы уже?.. - спросил он с какой-то виноватой улыбкой.

- А что я должна увидеть? - удивленно спросила Керри, и сердце ее тревожно заняло.

- Газету, - буркнул Пейдж и торопливо скрылся за дверями редакторского кабинета.

Керри бросилась к своему столу. На нем лежал, видимо, специально для нее разостланный свежий номер "Сирены". Почувствовав невольную слабость в ногах, девушка почти упала в кресло.

С трудом разбирая строки, стала она читать статью, озаглавленную:

"ИНТЕРВЬЮ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА С ГЕНЕРАЛОМ ХАЗАРДОМ"

У Керри мелькнула было обнадеживающая мысль: "Неужели они все-таки дали беседу с Хазардом с моими комментариями?.." Но чтение первых же строк этого интервью тотчас же рассеяло ее заблуждение. Она и не думала задавать Хазарду тех вопросов, которые были напечатаны в газете.

Вот что прочла Керри в "Сирене":

"Наш корреспондент мисс Демпси посетила вчера генерала Хазарда - крупнейшего специалиста по стратегическим управляемым снарядам. На вопрос мисс Демпси, что думает мистер Хазард о космических телепередачах, генерал ответил:

- Возникающее на телевизионных экранах изображение летящего снаряда - не что иное, конечно, как космический ракетный корабль.

Демпси - Каковы курс и цель этого корабля?

Хазард - Курс, видимо, Земля, цель - разведка.

Демпси - Значит, вы полагаете, что за кораблем-разведчиком последуют и другие, основные, так сказать, силы?

Хазард - Вне всяких сомнений.

Демпси - Ну, а каковы могут быть намерения экипажей этих кораблей?

Хазард - Полагаю, что не мирные, хотя первый разведывательный корабль едва ли вообще имеет экипаж. Это скорее всего управляемый ракетный снаряд, передающий на пульт управления все необходимые сведения с помощью радиосигналов и телевизионного изображения.

Демпси - Вы полагаете, значит, что "визит" к нам космонавтов может носить агрессивный характер?

Хазард - Во всяком случае, мы должны иметь в виду такую возможность. Опасение это тем более вероятно, что форма, космического снаряда очень напоминает ракеты, предназначенные для стрельбы по стратегическим объектам. На эту мысль наводят и

некоторые радиосигналы космического снаряда, которые нам удалось расшифровать.

Демпси - Что вы считаете необходимым предпринять в связи с возможной агрессией из космоса?

Хазард - В создавшейся обстановке я считаю детской игрой в солдатики всю нашу нынешнюю систему обороны, а опасность со стороны Востока - ничтожной в сравнении с новой страшной угрозой, нависшей над всей нашей планетой. Дай бог, чтобы поняли это наши конгрессмены именно сейчас, накануне обсуждения в Конгрессе федерального бюджета на текущий год.

Демпси - Как скоро космические снаряды могут достигнуть нашей Земли?

Хазард - Учитывая колоссальность космических пространств, видимо, не раньше чем через год-полтора. За это время можно будет, конечно, основательно подготовиться к их встрече. Нужно только отказаться от черепаших темпов вооружения периода "холодной войны" и начать готовиться к более грозному периоду "космических войн".

Демпси - И еще один, последний, вопрос: чем вы объясните тот факт, что наши телевизоры принимают передачу с космического снаряда только один раз в сутки?

Хазард - По той причине, конечно, что для контроля за полетом этого снаряда в космическом пространстве нет нужды в непрерывном приеме его сигналов.

Демпси - Благодарю вас, генерал. Вы дали совершенно исчерпывающие ответы на все вопросы, которые так волнуют наших читателей".

Скомкав газету, Керри решительно шагнула в сторону кабинета Пейджа, но вдруг услышала хрипловатый голос Айзекса - старого, спившегося журналиста, которого держали в газете лишь из-за удивительной его покладистости и умения придумывать оригинальные заголовки и подписи под иллюстрациями:

- Не стоит, мисс Керри... Или вы должны. смириться и покорно делать все, что вам прикажут, как это делаю я, или...

Не договорив, он безнадежно махнул рукой.

- Нет, я не буду делать того, что, к сожалению, делаете вы, мистер Айзекс! - гневно проговорила Керри. - Я уже решила, что мне делать... Но прежде я хочу сказать им, что я о них думаю.

И Керри взялась уже за ручку двери кабинета Пейджа, но Айзекс снова остановил ее:

- И этого не стоит делать, милая мисс Керри. Откажите себе в удовольствии хлопнуть дверью. Они вам за это непременно напакосят. А зачем вам это? Найдите способ отплатить им каким-нибудь иным образом.

"Да, пожалуй, в самом деле не стоит с ними связываться", - благоразумно решила Керри. Теперь ей ничего уже больше не оставалось, как уйти к Каннингу.

5. "Мы еще поборемся, черт побери!.."

Чарльз Каннинг принял Керри очень сердечно.

- Можете мне ничего не рассказывать, - взмахнул он рукой, как только Керри попыталась объяснить ему что-то. - Я и так все понимаю. А если вы хотите насолить вашим бывшим хозяевам, охотно предоставлю такую возможность. Поскольку вы, судя по сегодняшнему номеру "Сирены", познакомились уже с генералом Хазардом...

- Но, мистер Каннинг!.. - взволнованно прервала редактора Керри. - Вы ведь не знаете...

- Я все знаю, дорогая Керри. Они напечатали, мягко выражаясь, не совсем то, что вы написали? Ну, вот видите! Мне их приемы хорошо известны. Ну-с, так вот, как вы смотрите на то, чтобы заняться серьезным разоблачением мистификации генерала Хазарда? Вы ведь не сомневаетесь, что это явный трюк?

- Не сомневаюсь, - твердо ответила Керри. - Но зачем им это? Какую цель они преследуют?

- Ну это-то сообразить нетрудно. Дело ведь происходит накануне утверждения нового

военного бюджета в Конгрессе. А намечается он в этом году в размере шестидесяти пяти процентов от общей суммы ассигнований.

Керри удивленно пожала плечами:

- А разве конгрессмены не проголосуют вообще за любой процент ассигнований на военные расходы?

- Представьте себе, не так-то теперь все это просто. Конгрессменам тоже приходится считаться с мнением своих избирателей. Мало того, даже крупнейшие наши предприниматели начинают заигрывать с рабочими. Находясь в такой газете, как "Сирена", вы ни о чем таком и не подозревали, конечно, и, видимо, плохо себе представляете, как меняется тактика даже самых реакционных наших политиков в условиях нарастающего кризиса и безработицы.

- Ну да, конечно, я невежественная, серая журналистка из реакционной газеты, - обиженно проговорила Керри, - но зато мне хорошо известно утверждение правительства, будто единственный выход из кризиса и спасение от безработицы в гонке вооружений и балансировании на грани войны. Но разве для этого им недостаточно запугивания всех нас угрозой со стороны Востока?

- Теперь уже недостаточно. Уже невозможно уверить даже наш добродушный народ в том, что русские, обнародовав грандиозные цифры своего семилетнего плана, собираются вести с

нами войну.

- А "марсиане", вы полагаете, помогут? Поверят разве конгрессмены этой выдумке?

- Конгрессмены-то едва ли поверят, а вот некоторые избиратели, воспитанные на газетных сенсациях и сбитые с толку пропагандой неизбежности новой войны, пожалуй, поверят. Наша с вами в связи с этим задача - открыть этим избирателям глаза на кое-какие закулисные махинации и космические трюки. Ну так как же, не возражаете вы против моего предложения?

- Не возражаю, - охотно согласилась Керри. - Но как за это взяться? Боюсь, что мистификацию эту нелегко будет разоблачить. Вы ведь знаете, наверно, что "космические" телепередачи принимают теперь не только профессор Писфул и генерал Хазард?

- Знаю я и это, дорогая Керри, - задумчиво проговорил Каннинг, озабоченно потирая гладко выбритую голову. - Разгадать трюк генерала Хазарда будет, конечно, нелегко. Досадно также, что втянул он в эту авантюру профессора Писфула. Профессор, насколько мне известно, человек неплохой, прогрессивно мыслящий. Видимо, генерал Хазард опутал его чем-то, а может быть и запугал, использовав затем в своих авантюристических целях. Писфул ведь крупнейший специалист по телевидению и электронике.

Чарльз Каннинг хотя и не был лично знаком с профессором, но слышал о нем много хорошего. Писфул, пожалуй, мог бы помочь им кое в чем... Походив в задумчивости по кабинету, Каннинг спросил вдруг, весело блеснув глазами:

- А что, Керри, если нам попробовать взять интервью у самого Писфула?

Керри безнадежно махнула рукой.

- Едва ли это удастся, мистер Каннинг. Генерал Хазард заявил уже мне, что ни о какой встрече с Писфулом не может быть и речи. Они, конечно, спрячут теперь старика куда-нибудь подальше, опасаясь, видимо, что юн может проговориться.

- Да, - снова вздохнул Каннинг. - Все, значит, свидетельствует о том, что спектакль поставлен опытным режиссером. Что же нам остается - сложить оружие?

- Ни в коем случае! - воинственно потрянула головой Керри. - Я бы лично считала делом чести разоблачение подобной авантюры на страницах такой газеты, как ваша.

- А вот это мне уже нравится! - весело воскликнул Каннинг, хлопнув ладонью по столу. - Мы еще поборемся, черт побери! И не только с генералом Хазардом, а, быть может, и с самим государственным секретарем!

Глаза его воинственно блеснули, и он заявил решительно:

- Поезжайте-ка к инженеру Темплу, Керри. Он понимает кое-что в телевидении.

Передайте ему привет от меня и спросите его мнение о космических передачах. Мы с ним были когда-то друзьями. Теперь он, правда, состарился и уединился в своем загородном коттедже, а ведь когда-то был известным изобретателем. Многие наши первые телевизоры - его конструкции. Берите редакционную машину и поезжайте к нему завтра прямо с утра. Вот вам его адрес.

6. Генри Темпл не может разгадать загадку

Генри Темпл, высокий худой человек с седой копной беспорядочно торчащих во все стороны волос, встретил Керри без особого радушия. В ответ на ее приветствие он лишь буркнул что-то нечленораздельное. Даже переданный привет от Чарльза Каннинга не смягчил его.

- Чем могу служить? - сухо спросил он, не предложив девушке стула.

Керри, однако, сделала вид, что не замечает нелюбезности старого изобретателя и сама уселась в плетеное кресло, давая этим понять Темплу, что не уйдет от него, не добившись своего. На ее вопрос, как он относится к космической передаче, изобретатель лишь усмехнулся.

- Аттракцион, - коротко заметил он, не собираясь, видимо, вдаваться в подробности.

- А как же все-таки они ухитрились его поставить? - спросила Керри с таким неподдельным любопытством, что Темпл смягчился невольным и снисходительно пояснил:

- Писфул - человек с головой. Он, наверно, придумал что-нибудь такое.

- Но что? Не с помощью же коаксиального кабеля добился он дальности передачи. Ведь его "космическое" телевидение принимают уже чуть ли не на всем нашем континенте.

- Нет, кабель исключается, - решительно возразил Темпл. - Это слишком дорого. Да и не могло бы остаться незамеченным.

- Тогда, может быть, радиорелейные линии? - снова спросила Керри, специально подготовившаяся к разговору с Темплом. Ей пришлось для этого почитать кое-какую техническую литературу.

- В этом случае им потребовалось бы установить целую цепочку добавочных радиостанций. И не только у нас, но и в соседних странах, - помолчав немного, пояснил Темпл. - Нужно ведь перекрыть ими весь наш материк.. Тогда только станет возможным прием "космических передач" Писфула в любой точке западного полушария. А это тоже не дешево. Да и в секрете не удержишь. Нет, это не то.

Керри хотела задать Темплу очередной вопрос, но старый изобретатель и сам теперь увлекся разговором. Он, видимо, не раз уже размышлял об этих таинственных телепередачах, пытаясь разгадать их секрет. А тот неподдельный интерес, с которым слушала его Керри, не мог, конечно, не расшевелить его.

- Для увеличения дальности телепередачи можно, конечно, использовать и самолет, - продолжал Темпл, торопливо набрасывая какую-то схему на листке бумаги. - Какой, однако, потолок у современной авиации? Лучшие самолеты с поршневыми двигателями достигают лишь одиннадцати-двенадцати тысяч метров. Самолеты с реактивными двигателями могут совершать полеты на высоте до двадцати километров. Даже в специальном высотном скафандре достигнут пока потолок лишь в двадцать пять с половиной километров. Разве с такой высоты переключишь телевизионной передачей расстояние в 15000 километров? Вот полюбуйте-ка сами, каково это пространство.

Темпл набросал чертеж, изображающий очертания Западного полушария с пунктирными линиями распространения ультракоротких радиоволн. Сделал он это очень быстро и точно. Чувствовалось, что он не раз уже вычерчивал все это в процессе своих рассуждений и расчетов.

- Больше, значит, ничем нельзя увеличить дальность передачи? - разочарованно спросила Керри. - А вот, говорят, будто с помощью искусственных спутников?..

- Э! - пренебрежительно махнул рукой старый изобретатель. - Знаю я и этот проект ретрансляции телепередач, с помощью трех спутников. Но такая телепередача принималась бы в любой точке земного шара, а не только на нашем континенте.

- А одним спутником никак не обойтись?

- Можно обойтись и одним. Только его нужно тогда запустить на высоту тридцати шести тысяч километров, чтобы он совершал один оборот за то же время, что и Земля, и находился бы все время над одной и той же точкой земной поверхности. Нужно также, чтобы орбита его максимально приближалась к круговой.

Темпл, привыкший пояснять свои мысли чертежами и эскизами, начал было торопливо набрасывать какую-то схему, но тотчас же сердито бросил карандаш на стол.

- В общем, это сложно, конечно...

Взъерошив тонкими, худыми пальцами свою могучую седую шевелюру, он добавил уже другим, более спокойным, почти мечтательным голосом:

- Впрочем, есть и еще способ телепередачи на большое расстояние. С помощью нашей естественной спутницы — Луны. Вы, наверно, знаете, что еще в 1946 году на Луну был послан мощный импульс радиолокационной станции? Отразившись от ее поверхности, спустя две с половиной секунды он вернулся на Землю. После этого эксперимента ученые и инженеры стали допускать возможность дальних телевизионных передач с помощью Луны.

- А вы разве считаете это невозможным? - спросила Керри, торопливо записывая что-то в свой блокнот.

- До недавнего времени считалось, что, пока не будет установлен на поверхности Луны специальный рефлектор, осуществить подобные передачи не удастся, - пояснил старый изобретатель. - Ученые опасались, что неровная поверхность нашей спутницы будет не только поглощать значительную часть посланных на нее волн, но и беспорядочно рассеивать их. Но в настоящее время рядом опытов доказано, что поверхность Луны вполне подходящая, чтобы без особых искажений отражать дециметровые радиоволны.

- Почему же тогда не допустить, что Писфулу удалось использовать для увеличения дальности своих телепередач именно Луну? - возбужденно воскликнула Керри.

Темпл снисходительно улыбнулся наивности журналистки:

- Это совершенно исключено, милая мисс. Дело, видите ли, в том, что Хазард с помощью Писфула ведет свои "космические" телепередачи в такое время суток, когда Луна освещает противоположную сторону земного шара.

- Совершенно неразрешимая, значит, загадка? - с невольным вздохом спросила, - Керри - уж очень хотелось ей разоблачить "космические" телепередачи на страницах газеты "Прогресс", с которой она намеревалась теперь самым серьезным образом связать свою жизнь.

- В том, что тут явный трюк, я по-прежнему не сомневаюсь, - несколько смущенно ответил Темпл, - разгадать его, однако, пока не могу.

- Но ведь бывают же все-таки случаи, когда удается принять очень дальние телепередачи? - все еще не хотела сдаваться Керри. - Я сама не раз читала об этом и даже видела фотографии телевизионных кадров, принятых на расстоянии многих сотен километров.

- Да, это бывает, - согласился Темпл. - Но это случайность. Результат благоприятного состояния верхних слоев атмосферы. Это не гарантирует постоянного устойчивого приема. А "космические" телепередачи Писфула, как мне достоверно известно, отличаются высоким техническим качеством. И это для меня остается загадкой. Вот пока все, мисс Демпси, что я могу вам сообщить.

Поблагодарив старого изобретателя и извинившись за причиненное беспокойство, Керри стала прощаться:

- До свидания, мистер Темпл. Надеюсь, вы не забудете о нас, если разгадаете эту загадку?

- А стоит ли ломать голову над такими фокусами? - с деланным равнодушием

проговорил Темпл. - Впрочем, если придет в голову верная догадка - позвоню вам лично. А Каннингу передайте, что я на него в обиде. Что же он сам-то ко мне никак не заглянет? Нехорошо это с его стороны...

- Приеду - отчитаю его за это, - улыбаясь, пообещала Керри.

7. Новый вид психоза

Сегодняшние утренние газеты Грэнд-Сити очень обеспокоили работников военного министерства. Помощник министра генерал Рэншэл вызвал по этому поводу одного из своих офицеров, ведавшего вопросами внутренней информации.

- Очень прошу вас, - обратился он к майору Райту, - разберитесь лично, о каких это рыбаках, заболевших лучевой болезнью, сообщают сегодня "Прогресс" и другие столичные газеты. Не только наше министерство, но и весь город говорит уже об этом. А представляете, что творится в провинции, если только "Бродкастинг компани" успела пустить эту новость в эфир?

- Можете в этом не сомневаться, - с иронической улыбкой заметил майор Райт. - "Бродкастинг компани" успевает всколыхнуть эфир не только в момент совершения каких-либо событий, но и задолго до этих событий.

Майор Райт знал своего шефа как человека умного, понимающего толк в юморе, сегодня, однако, на худощавом продолговатом лице генерала Рэншэла не было и тени улыбки. Он считал положение настолько серьезным, что ему было не до шуток. Райт тотчас же понял это и заявил уже совершенно серьезно:

- Все будет сделано, сэр.

Он действительно сразу же выехал в предместье Грэнд-Сити, где, по наведенным им справкам, находилась одна из больниц благотворительной организации Красного Креста. Больница эта располагалась почти на самом побережье Атлантического океана. Лечились в ней главным образом рыбаки, матросы, докеры и портовые рабочие. С первого же взгляда на мрачное, давно не ремонтировавшееся здание больницы майор Райт заключил, что дела ее обстоят не блестяще, и не рассчитывал в связи с этим найти здесь опытный медицинский персонал.

Главный врач больницы действительно оказался совсем еще молодым человеком с очень подвижным, нервным лицом и взволнованной речью. Всего лишь год назад окончил он медицинский колледж. Узнав по какому делу пожаловал к нему майор, он заметно побледнел и начал даже слегка заикаться.

- Прошу вас, майор, пройти со мной в палату. Вы должны собственными глазами посмотреть на этих несчастных, - торопливо проговорил он, распахивая дверь во внутреннее помещение больницы.

Майор, однако, обстоятельно устроился в кресле и, видимо, не собирался никуда уходить из кабинета главного врача.

- Не вижу необходимости смотреть на ваших больных, док, - спокойно проговорил он, закуривая сигарету. - Я ведь не врач, и этот осмотр все равно ничего мне не даст. Мне важен лишь сам факт их заболевания лучевой болезнью.

Смущенный непонятным ему спокойствием Райта, главный врач торопливо выдвинул один из ящичков своего письменного стола и извлек из него папку ядовито-синего цвета.

- Вот, - какой-то нервной скороговоркой проговорил он, протягивая папку майору, - познакомьтесь тогда хотя бы с историей их болезни.

- Как, - удивленно поднял брови майор Райт, - их болезнь уже имеет историю?

- Ну, если хотите, так это начало ее истории, - все тем же напряженным голосом отозвался молодой врач.

Райт полистал заключения медицинской экспертизы, но, так как многие записи были, сделаны по-латыни, мало что понял и спросил:

- Откуда к вам попали эти больные? По документам я вижу, что их у вас двое.

- Да, двое. Это рыбаки из поселка ГоулдКоуст. Вчера утром они вернулись с ночного лова и вскоре почувствовали головную боль, отсутствие аппетита и резь в глазах. Позднее появилась тошнота, рвота и расстройство желудка. Одного из заболевших привела к нам его жена, второй кое-как дотащился сам.

В графе "диагноз" Райт прочел: "радиационное поражение".

- Значит, это лучевая болезнь, доктор?

- Да, радиационное поражение, или лучевая болезнь. То есть патологические изменения, возникшие под влиянием воздействия на организм значительных доз радиоактивных излучений.

- Ну, а конкретнее? - с чувством досады перебил его Райт.

- Из чего же вы заключили, что ваши пациенты больны лучевой болезнью?

- Убедили нас в этом характерные симптомы лучевого поражения, - уже несколько обиженно пояснил врач. Ему казалось, что майор сомневается в его компетенции. - Доставленные к нам больные находятся в настоящее время в фазе первичной радиации. Она выражается в общем ослаблении организма, и главным образом в желудочно-кишечных расстройствах. Температура значительно выше нормы. Анализ крови показывает падение числа лейкоцитов. Эритроциты тоже ниже нормы.

- И сколько же продлится это состояние? - полюбопытствовал представитель военного министерства.

- Один - два дня, после чего наступит фаза мнимого благополучия продолжительностью до двух-трех недель. И лишь только после третьей, токсической, фазы наступит "разрешение болезни".

- То есть выздоровление или смерть?

- Совершенно верно, мистер Райт.

- Ну, а чем же вы все-таки объясняете это необычное заболевание? - помолчав немного, снова спросил майор. - Ведь не только атомной войны не происходит поблизости, но и атомных бомб, как мне достоверно известно, никто не испытывает в этом районе.

- А космические телепередачи? - не задумываясь ответил врач, и голос его снова дрогнул.

- Так вы, значит, сторонник версии, выдвинутой сегодняшними газетами? - удивился майор, заметив на столе главного врача измятый номер какой-то газеты.

- А чем иным можно объяснить это? - пожал плечами врач, водворяя синюю папку в ящик письменного стола. - Во вчерашней телепередаче, например, совершенно отчетливо были видны залпы космического корабля из каких-то диковинных орудий. В газетах пишут сегодня, что этими залпами он расчищал себе путь среди встречной лавины метеоров. Стрелял же он, конечно, атомным или термоядерным оружием. Разве в результате этих залпов потоки радиоактивных частиц не могли достигнуть нашей Земли?

- Ну, едва ли, - возразил майор Райт. - Наша Земля и без того пронизывается потоками космических лучей большей проникающей способности, чем гамма-лучи и нейтроны, возникающие в результате атомных взрывов. Панцирь атмосферы, однако, прекрасно защищает нас от их губительного действия. Сейчас, к сожалению, распространено слишком много самых нелепых и невежественных слухов о чрезмерной радиоактивности излучений, но вы-то ведь образованный человек, доктор?

- Да, я достаточно образован, чтобы прямо смотреть опасности в глаза, - почти раздраженно произнес врач, и мускулы лица его стали нервно подергиваться. - Вы что думаете, я не знаю, что нам пришлось отказаться от некоторых боевых радиоактивных веществ по той простой причине, что зараженная ими местность остается радиоактивной в течение многих лет? А кто же не знает, что один из наших военных кораблей, принимавших участие в испытании водородной бомбы в районе острова Святого Патрика, был отбуксирован в океан и там затоплен? Выходит, морское министерство считает, что даже спустя пять лет некоторые суда, принимавшие участие в испытании термоядерных бомб,

слишком опасны в обращении?

Хотя майор Райт был еще довольно молодым человеком, он, однако, обладал достаточной проницательностью и неплохо разбирался в людях. Главный врач больницы Красного Креста казался ему типичным неврастеником, запуганным ужасами атомной войны. Дальнейший спор с ним был совершенно бесполезен. По его возбужденному виду, по нервной торопливости речи нетрудно было сообразить, что он жертва если не радиационного поражения, то атомного психоза.

Майор не пытался более ни в чем его разуверить. Он лишь тяжело вздохнул и, вспомнив чье-то скептическое выражение, сказал на прощание:

- Рассеять слухи и разоблачить дутые сенсации-деле нелегкое. Людей всегда больше привлекают броские газетные заголовки, чем спокойные опровержения.

Дорогой, однако, он и сам долго не мог успокоиться и все время раздумывал над этим несчастным случаем с рыбаками из ГоулдКоуста. Кто знает, может быть, и правы те ученые, которые утверждают, что радиоактивная пыль, возникшая в результате испытаний термоядерного оружия, все время носится в зоне стратосферных ветров вокруг нашей планеты? Ведь то, что дальние радиоактивные осадки выпадают на расстоянии до десяти тысяч километров, это же факт. Он засвидетельствован специальным отчетом правительственной комиссии по атомной энергии. Скорость же движения стратосферных ветров достигает трехсот двадцати километров в час. Что стоит им при такой скорости занести радиоактивную пыль в район Грэнд-Сити?

От столь невеселых мыслей у майора Райта окончательно испортилось настроение. Пожалуй, он не решился бы теперь обвинить молодого врача больницы Красного Креста в чрезмерной нервозности. Когда подумаешь серьезно об этом происшествии с рыбаками, и сам невольно начинаешь нервничать...

8. Еще один случай лучевой болезни

В скверном настроении явился майор Райт к своему шефу.

- Ну, что удалось вам разведать? - озабоченно спросил его помощник военного министра.

- Похоже, что повторяется история с "летающими дисками", - мрачно ответил майор Райт. - Боюсь даже, что эти космические телевизионные передачи вызовут еще больший психоз, чем

"летающие тарелки". А ведь в то время чуть ли не весь наш континент был охвачен массовой галлюцинацией. Даже весьма почтенные телеграфные агентства писали тогда, что "летающие диски" не что иное, как новейшей конструкции ракетные самолеты русских, направленные к нам для разведки и устрашения.

- Ну, это дело давнее, - недовольно поморщился генерал Рэншэл.

- Не такое уж давнее, сэр, - возразил майор Райт. - Во всяком случае, общего тут довольно много, и газеты ведут себя почти так же. Всяческих "теорий" и "пророчеств" и сейчас хоть отбавляй.

- Ну, а вы-то сами чем объясняете эти космические телевизионные передачи, дорогой Райт? - настороженно спросил генерал Рэншэл, пристально глядя в беспокойные глаза майора. - С "летающими дисками", или "тарелками", действительно была галлюцинация и мистификация и даже, если хотите, элементарное шарлатанство. Но ведь тут другое. Вы же сами видели эти телепередачи. И ученые подтверждают, что они действительно ведутся не с наземных станций, а откуда-то из-за пределов атмосферы. Не могли же вы не задумываться над этим?

- Мне нелегко на это ответить, сэр, также, видимо, как и людям, которые умнее меня, - задумчиво проговорил Райт, хотя он почти не сомневался, что с "космическими" телепередачами дело явно нечисто. - Пока я ничего не могу утверждать, зато во многом

склонен сомневаться, ибо поводов к этому немало.

- Например?

- Откуда летит этот космический снаряд? С Марса? Но ведь в существовании разумной жизни на нем сомневаются многие ученые. Венеру тоже давайте оставим в покое. Ближайшая же к нам звезда "альфа" Центавра с ее еще только предполагаемой планетной системой находится от нас на расстоянии более чем четырех световых лет. Сколько же потребуется времени, чтобы долететь оттуда до нашей Земли, если даже свет с "альфы" Центавра идет до нас четыре с лишним года? А ведь он движется со скоростью трехсот тысяч километров в секунду! За каким чертом им такое путешествие?

- Э, да вы, я вижу, невнимательно читаете газеты, - рассмеялся помощник министра, перебирая какие-то бумаги, лежавшие у него на столе. - Этот вопрос обсуждался уже на страницах газеты "Сирена", и кто-то из астрономов давал там по этому поводу свои объяснения. По его словам, космонавты могли покинуть свою планету в результате предвидения гибели ее или, может быть, даже из-за перенаселения.

- Нечто вроде космического варианта нашей земной геополитики, значит? - удивленно спросил Райт, вспоминая пресловутую теорию "жизненного пространства" немецких фашистов и притязания отечественных сторонников геополитики на мировое господство.

- Да, что-то в этом роде. И вот будто бы летят теперь космонавты по Вселенной в поисках подходящей для них территории.

Хотя генерал Рэншэл и говорил все это серьезным тоном, Райт уловил, однако, какие-то иронические нотки в его голосе и понял, что помощник министра не очень-то, видимо, верит этой фантастической версии.

- Я не люблю астрономов за то, что они не только занимаются изучением туманностей, но и говорят весьма туманно, - после небольшой паузы заметил майор Райт. - Ну да ладно, допустим даже, что все это действительно так. Почему же, однако, обязательно предполагать, что космонавты непременно займут нашу Землю силой?

- А кто же из нас потеснится для них по доброй воле? - улыбнулся генерал Рэншэл. - Они же не станут, наверно, селиться ни в Арктике, ни в Антарктике, а захотят местечка потеплее. Что вы на это скажете, дорогой майор Райт?

- Космические гости пожалуют к нам, однако, не сегодня, видимо, и не завтра, - заметил на это майор. - К тому времени обстановка будет яснее, а пока не мешало бы нам принять меры против начинающегося "космического" психоза.

- Что вы предлагаете сделать для этого?

- Да хотя бы уточнить, действительно ли рыбаки, попавшие в больницу Красного Креста, поражены лучевой болезнью. Кто знает, может быть, гражданские врачи поставили им неправильный диагноз? Главный врач этой больницы произвел на меня впечатление совсем еще зеленого эскулапа.

- Хорошо, я позвоню в федеральное управление здравоохранения, и пусть они сами разбираются в этом, - согласился генерал Рэншэл, вставая из-за стола. Разговор о космонавтах стал ему надоедать.

- А что будем делать мы? Я имею в виду наше министерство, - озабоченно спросил майор Райт.

- Готовиться к бою.

- С кем? - удивленно поднял брови майор Райт. Ему показалось, что генерал шутит.

- Пока с конгрессменами за увеличение ассигнований на военные нужды. А уж потом, может быть, и с марсианами, - добавил генерал Рэншэл с иронической улыбкой.

- С конгрессменами?

- Да, с конгрессменами, - совершенно серьезно повторил Рэншэл. - Прошли уже те времена, когда они безропотно голосовали за любой военный бюджет. Да и бюджет-то теперь уже не тот. Это вам не сорок пять и даже не пятьдесят процентов, а уже шестьдесят пять!

- Да, но ведь обычно... - начал было Райт, но генерал Рэншэл недовольно прервал его:

- Никаких "но", Райт! Уясните себе раз и навсегда - времена уже не те. Известно ли вам,

что внесенный в Конгресс законопроект о реорганизации верховного командования в соответствии с рекомендациями "доктрины" одного из крупнейших наших промышленных магнатов встретил там упорную оппозицию? Событие почти небывалое в нашем Конгрессе. И это тем более печально, что отражает оно широко распространенное опасение - как бы мы, военные, не усилили своего влияния в стране.

Рэншэл усталой походкой прошелся по кабинету, постоял у окна и, не поворачиваясь к Райту, добавил:

- Даже лидеры Конгресса ничего уже не могут поделать с настроением конгрессменов, Вопреки их позиции, ряд влиятельных сенаторов все чаще выступает теперь с весьма резкой критикой государственного департамента. Вот ведь какие дела, дорогой Райт, а вы удивляетесь, почему приходится воевать с конгрессменами.

- Но бюджет-то они все равно утвердят, - уверенно заявил майор Райт. И ему очень хотелось добавить при этом: "Однако теперь уже не без помощи марсиан генерала Хазарда, пожалуй..."

- Будем надеяться, - неопределенно проговорил генерал Рэншэл, отпуская майора Райта.

Оставшись один, генерал закончил просмотр документов, предназначенных на подпись министру, и лишь после этого вспомнил, что собирался позвонить в Федеральное управление здравоохранения. Необходимо было выяснить абсолютно точно, чем заболели рыбаки, находящиеся на излечении в больнице Красного Креста.

Однако, прежде чем Рэншэл дозвонился к начальнику Федерального управления, адъютант принес ему новое сообщение о лучевой болезни. Заболел ею военный летчик, летавший на реактивном самолете на большой высоте. На этот раз диагноз радиационного поражения был поставлен опытным врачом военного госпиталя.

"Дорого же, черт побери, может обойтись нам космическая мистификация Хазарда!.." - раздраженно подумал генерал Рэншэл, собираясь на доклад к военному министру.

9. В поисках разгадки

Редактору газеты "Прогресс" "космические" телепередачи положительно не давали покоя. Для него давно уже было ясно, что дело тут не только или, вернее, не столько в техническом трюке, осуществленном с помощью профессора Писфула, сколько в политической афере. Очень важно было в связи с этим возможно скорее разгадать технику этого трюка, чтобы с большей убедительностью разоблачить затем политическую аферу. В поисках разгадки тайны "космических" телепередач Чарльз Каннинг побеседовал уже со многими специалистами по телевидению и радиотехнике, но то, что удалось ему узнать у них, загадки пока не разрешало.

У Каннинга было, однако, слишком мала времени, чтобы самому целиком отдаться решению "космической" загадки. Занималась этим пока только новая его сотрудница Керри Демпси.

Она, конечно, очень серьезная девушка и талантливая журналистка, но справится ли одна с таким делом? Нужно, пожалуй, выделить еще кого-нибудь ей в помощь.

Трюк с "космическими" телепередачами взволновал и других прогрессивных представителей интеллигенции Грэнд-Сити, принимавших участие в издании газеты "Прогресс", и они рекомендовали Каннингу отнестись к этой сенсации с должным вниманием.

- Видимо, генерал Хазард, - заметил Каннингу известный писатель Эдвин Мэйдт, - не без санкции свыше задумал все это с нехитрой целью - подлить масла в начинающий меркнуть огонь "холодной войны".

Как только Керри пришла в редакцию, Каннинг тотчас же пригласил ее к себе.

- Ну, что у вас новенького?

- Ничего, мистер Каннинг, - упавшим голосом отозвалась Керри. - Прямо руки опускаются - до того все замысловато...

- Ну-ну, - добродушно похлопал ее по плечу редактор, - не нужно только падать духом. Мы и не такое еще распутывали.

- А я вот прямо-таки не знаю, с какой стороны подступиться...

- Задача не из легких, конечно, - согласился Каннинг. - Даже очень крупные специалисты в области телевидения и электроники не понимают пока, в чем тут дело. Вот вчера только беседовал я с профессором Дональдом. Уж это, как вы, очевидно, сами знаете, не только крупный, но и действительно знаменитый ученый. А что он ответил мне? Только плечами пожал.

- А известны ли ему вообще хоть какие-нибудь случаи сверхдальнего распространения ультракоротких волн? - спросила Керри.

- Отдельные случаи известны, конечно, - ответил Каннинг, включая электрический вентилятор, стоявший у него на столе. - В 1935 году была, оказывается, хорошая радиосвязь между Америкой и Европой на волне в семь с половиной метров. В 1937 году Москва принимала японские передачи на волне в девять метров.

- Но ведь это всего лишь радиопередачи, - разочарованно проговорила Керри.

- Не только. В феврале 1938 года некоторые государства нашего континента принимали передачи лондонского телевизионного центра на волне около семи метров. Многие русские телепередачи смотрели в 1952 и 1953 годах в Германии, Бельгии и Голландии, а пражские принимались в 1954 в ряде областей России.

- Чем же объясняет профессор Дональд эти отдельные случаи дальних передач?

- Солнечной активностью. Влиянием солнечных пятен и вспышек. По этому вопросу, думаю, лучше всего проконсультироваться вам у кого-нибудь из астрономов. Они ведь теперь имеют дело не только с оптическими телескопами, но и радиотелескопами. Кстати, у меня есть знакомый астроном — Джон Мунн. Он хотя и молодой, но, по отзыву директора Центральной обсерватории, очень талантливый человек. К тому же, кажется, именно он работает с радиотелескопами.

- У вас, я вижу, очень широкий круг знакомых, - не без уважения заметила Керри.

- Плохой бы я был редактор, если бы не имел знакомых в самых различных кругах общества, - самодовольно усмехнулся Каннинг, поглаживая свою гладко выбритую голову. - Ну, так как же, Керри, сдаются вы или мы еще поборемся?

- Что значит - сдаюсь! - удивилась Керри. - Я ни за что не сдамся!

- Ну вот и отлично! Поезжайте тогда в обсерваторию, а я подумаю, кого бы еще подключить к этому делу.

Спустя час Керри Демпси была уже за городом, в Центральной обсерватории ГрэндСити. Не без труда разыскала она в ее просторных павильонах астронома Джона Мунна.

Если бы Керри встретила Мунна где-нибудь на улице, она, пожалуй, приняла бы его за киноактера. Он был красив той стандартной кинематографической красотой, которая так примелькалась с экранов кинотеатров и телевизоров. Однако, когда Мунн улыбнулся, Керри переменяла свое мнение о нем. Добрая, широкая улыбка совершенно стирала с лица Мунна весь его внешний кинематографический стандарт. Так улыбаться, как Джон Мунн, мог только очень душевный человек, а не безмозглый кинокарасавчик, за которого она приняла его с первого взгляда. Керри терпеть не могла красивых мужчин, считая их людьми недалекими, легкомысленными, неверными в дружбе и любви.

- О, я очень рад, что ваша газета заинтересовалась этими таинственными телепередачами, - оживленно заговорил Джон Мунн, как только Керри объяснила ему цель своего визита. - У нас тоже много говорят о них в последнее время. Только ведь я вряд ли смогу объяснить вам, в чем тут дело... И потом мистер Каннинг, видимо, напутал, полагая, что я работаю с радиотелескопами. Я всего лишь засекаю с помощью радиолокаторов метеоры, пролетающие через верхние слои атмосферы.

- К радиотехнике вы, значит, какое-то отношение все-таки имеете? - не то спрашивала, не то утверждала Керри, которой теперь очень хотелось именно у Джона Мунна получить все необходимые ей сведения.

- Самое, конечно, приблизительное, - смущенно улыбнулся Джон. Ему тоже очень хотелось хоть чем-нибудь помочь этой понравившейся ему девушке.

- А вот мы сейчас это проверим, - весело рассмеялась Керри, снимая жакет и вешая его на спинку стула, предложенного Мунном. - Сможете ли вы объяснить мне, почему на ультракоротких волнах нельзя осуществить дальние передачи?

- Ну, на такие-то элементарные вопросы я вам, конечно, отвечу, - засмеялся и Джон. - Радиоволны средних и коротких диапазонов позволяют осуществлять дальние передачи, потому что они, последовательно отразившись от ионосферы и от земной поверхности, распространяются на большие расстояния. Ультракороткие же волны не преломляются ионосферой, а уходят за пределы земной атмосферы в межпланетное пространство. Поэтому-то они позволяют осуществлять надежную связь лишь на расстояниях, не превышающих пределов прямой видимости. Понятно ли объясняю я, мисс Демпси?

- О, вполне, мистер Мунн! - воскликнула Керри. - Гораздо понятнее учителя физики, который обучал меня этим премудростям в средней школе. А в литературном колледже я уже считала себя выше всяких точных наук, потому и забыты так основательно все эти, кажется, довольно элементарные вещи.

Керри вздохнула с непритворным сожалением и, продолжая прерванный разговор, спросила:

- Но ведь бывают же случаи, когда и ультракороткие волны отражаются ионосферой?

- Да, бывают, - подтвердил молодой астроном. - Для этого нужно только, чтобы отражающий слой ионосферы имел значительную концентрацию, то есть достаточное количество свободных электронов в одном кубическом сантиметре объема. Возникает же такая концентрация только в годы максимума солнечной деятельности.

- А в каком состоянии Солнце сейчас?

- Сейчас на нем почти нормальное количество пятен, не наблюдается и вспышек. О таком Солнце у нас принято говорить как о почти "спокойном".

- Значит, состояние ионосферы не позволяет в настоящее время осуществить какую-либо телепередачу на весь наш континент? - спросила Керри, торопливо записывая что-то стенографическими знаками в свой блокнот.

- Да, это исключается, - убежденно заявил Джон Мунн. - Не думаю также, чтобы способствовала этому и рефракция - преломление ультракоротких волн вследствие неоднородности атмосферы.

- Ну, а как же осуществляется все-таки прием космических телепередач профессора Писфула на всем нашем континенте?

- Загадка! - развел руками Джон Мунн.

- А может быть, и в самом деле летят к нам какие-нибудь марсиане? - хитро прищурилась Керри.

- Теоретически это, конечно, вполне допустимо, - серьезно ответил астроном. - Реактивный снаряд, специально нацеленный на нашу Землю, вполне мог бы прилететь к нам, покрыв любое расстояние.

- Похоже, однако, что вас смущает что-то?

- Явно выраженный, я бы даже сказал, подчеркнуто агрессивный характер того снаряда, который показывают нам по телевидению.

- А вы разве не допускаете возможности космической агрессии? - любопытствовала Керри.

- Не допускаю. Когда разумные существа достигнут такого совершенства, чтобы перемещаться из одной планетной системы в другую, им незачем будет демонстрировать свою агрессивность.

Керри с нескрываемым удивлением посмотрела на астронома.

- Выходит, что и наше земное общество, достигнув такого же технического совершенства, станет лучше организованным и справедливым?

- Вне всяких сомнений, - убежденно заявил Джон Мунн.

- Без борьбы, само собой?

- Высокое техническое совершенство я не мыслю без совершенного общественного устройства.

- Да-а, - задумчиво произнесла Керри, пристально посмотрев на молодого астронома, - это у вас что-то очень уж похоже на фабианский социализм. Вы полагаете, значит, что к бесклассовому обществу можно прийти путем мелких преобразований, без всякой классовой борьбы?..

У Мунна было такое растерянное выражение лица, что Керри стало жалко его, и она торопливо проговорила:

- Не будем, однако, спорить на политические темы, я и сама во всем этом не очень разбираюсь.

- Пожалуй, нам действительно не стоит спорить об этом, - охотно согласился Джон. - Тем более, что никакого фабианского социализма я не проповедую...

Некоторое время Керри не могла сообразить, какой же еще вопрос можно задать Мунну. Стало даже казаться, что он уже ничем не сможет помочь ей.

- А тайна "космических" телепередач так, значит, и останется тайной? - проговорила наконец она с невольным вздохом.

- Пока да.

- А мне так ни с чем и возвращаться, значит, в редакцию?

Джон Мунн снова беспомощно развел руками. Чувствовал он себя при этом так, будто виновником всей этой неразберихи с "космическими" телепередачами был он лично.

- Вы уж извините меня, мисс Демпси... - смущенно проговорил он, когда Керри стала с ним прощаться. - Пока, к сожалению, ничем не могу помочь вам. Но, может быть, вы оставите свой телефон? Я поговорю с другими нашими астрономами... Посоветуюсь. У кого-нибудь, может быть, и мелькнет догадка.

Керри дала ему свой телефон, почти не сомневаясь, что ничего достойного внимания Джон Мунн сообщить ей уже не сможет.

10. Первая догадка

Утром Керри с еще большим пессимизмом вспомнила свой вчерашний разговор с Джоном Мунном. Однако едва она пришла в редакцию, как фельетонист Гарри Бортон тотчас же передал ей телефонную трубку.

- Это вас, мисс Керри, спрашивает кто-то. Уже второй раз звонит.

- Мисс Демпси? - услышала Керри знакомый голос. - Это Мунн из Центральной обсерватории. Здравствуйте, мисс Демпси!

- Здравствуйте, мистер Мунн! Что-нибудь новенькое у вас? - с надеждой спросила Керри.

- Да, кое-что... - неопределенно ответил Мунн.

- Так рассказывайте же! - заторопила его Керри.

- Видите ли... - не очень уверенным голосом отозвался Мунн, - по телефону это не совсем удобно. Может быть, вы разрешите заехать к вам?

Такая просьба насторожила Керри. Не ищет ли Мунн просто повода для встречи с ней? Этот красивый парень привык, наверно, кружить головы... Но тотчас же она отогнала эти мысли - нет, не похож Джон Мунн на ловеласа!

- Хорошо, - сказала она в телефонную трубку, - приезжайте!

Мунн приехал только во второй половине дня, когда раздосадованная Керри хотела уже уйти куда-то по другим редакционным делам.

- Раньше никак не мог, - оправдывался Джон, горячо пожимая ей руку. - Но я не отниму у вас много времени. Все это можно в двух словах. По телефону было неудобно... Вы уж извините, пожалуйста.

- Побаиваетесь комиссии по расследованию? - рассмеялась Керри, у которой сразу же прошел весь гнев, как только увидела она смущенную улыбку Джона. - Они действительно мастера по части подслушиваний.

- Да я, собственно, не испугался... Просто не хотелось вас подводить... - еще более смутился Джон.

Керри лишь снисходительно улыбнулась на эти слова молодого астронома. Она хорошо знала, как запуганы ее соотечественники провокационной деятельностью Комиссии по расследованию антипатриотической деятельности, и не видела в поведении Мунна особенного проявления трусости.

- Дело, видите ли, в том, мисс Демпси, - продолжал Мунн, несколько оправившись от смущения, - что в советских научных журналах, которые выписывает библиотека нашей обсерватории, появились любопытные сообщения. С помощью специальных метеорологических ракет они обнаружили в верхних слоях ионосферы весьма значительное количество продуктов радиоактивного распада.

- А разве это имеет какое-нибудь отношение к загадке "космических" телепередач? - удивилась Керри.

- Имеет. Дело в том, что именно эти слои, как наиболее сильно ионизированные, играют очень существенную роль при распространении коротких волн.

- Но ведь нас интересуют главным образом ультракороткие, - вопросительно подняла брови Керри. - Как ведут себя там эти волны?

- Ультракороткие в обычных условиях даже в этих слоях, как я уже объяснял вам, не преломляются. Но именно здесь можно легче всего искусственно создать такую концентрацию свободных электронов и ионов, которая начнет преломлять и ультракороткие волны. Обнаруженные русскими радиоактивные частицы в верхних слоях ионосферы и могут как раз свидетельствовать об искусственном увеличении концентрации там свободных электронов и ионов.

- А разве обнаруженные в ионосфере радиоактивные частицы не могли попасть туда в результате обычного испытания ядерного оружия? - спросила Керри.

- При испытаниях бомб мегатонного класса, то есть водородных, радиоактивная пыль заносится главным образом в стратосферу, на высоту до тридцати километров. А ионосфера расположена от ста до трехсот километров от поверхности земли. К тому же обнаруженная русскими концентрация радиоактивных частиц в ионосфере значительно выше той, которая зарегистрирована в стратосфере.

- А вы не смогли бы на некоторое время взять для нас эти советские журналы из вашей библиотеки? - возбужденно схватив Джона за руку, спросила Керри. Тут же однако, она упрекнула себя за такую просьбу, так как понимала, что это может причинить неприятности Мунну.

Джону и самому очень хотелось оказать такую услугу у Керри, но, при всей своей наивности, он понимал, какие подозрения навлек бы на себя, передав советские журналы такой неблагонадежной, с точки зрения комиссии по расследованию антипатриотической деятельности, газете, как "Прогресс".

- А если я перепишу вам названия этих журналов и статей?.. - запинаясь, спросил он. - Вы ведь и сами смогли бы тогда раздобыть их в какой-нибудь библиотеке...

Керри сделала вид, что не заметила его смущения и обрадованно воскликнула:

- Ну что ж, очень хорошо! Когда вы смогли бы это сделать?

- Да хоть сегодня вечером! - сразу же повеселел астроном.

- Назначьте сами, где бы мы могли с вами встретиться, и я принесу вам этот список.

Керри понимала, конечно, что Джон проявляет такое усердие не потому только, что хочет помочь прогрессивной газете разоблачить какую-то грязную махинацию поджигателей

войны. Ей было ясно, что и сама она играла тут немаловажную роль, так как, видимо, произвела на молодого астронома достаточно сильное впечатление. Обстоятельство это вносило, конечно, какой-то элемент легкомыслия в порученное ей серьезное дело, однако Керри не могла не признаться самой себе, что Джон понравился ей своей скромностью и даже какой-то старомодной учтивостью. Подобная деликатность была, впрочем, не совсем понятна ей. Молодые люди с такой наружностью, как у Джона, вели себя обычно весьма самоуверенно, развязно и даже нагло.

Все еще раздумывая, как же ей быть, Керри медлила с ответом. Поняв, что девушка не решается, видимо, встретиться с ним вне служебной обстановки, Мунн решил выручить ее из затруднительного положения:

- А может быть, лучше я занесу вам этот список завтра утром в редакцию?

- Нет, это слишком долго, - заявила вдруг Керри, досадуя на свою нерешительность. - Давайте встретимся сегодня вечером.

Однако еще до того, как Керри встретила с Джоном, ей неожиданно позвонил старый изобретатель Темпл.

- Здравствуйте, мисс Демпси! - услышала Керри его глуховатый голос. - Я беспокою вас по тому делу, с которым вы ко мне приезжали. Нет, к сожалению, ничего еще не разгадал. А звоню вот почему: вы не читали еще доклада совещания экспертов по изучению методов обнаружения ядерных испытаний? Да, да, это то самое международное совещание, которое состоялось в Женеве. Есть у вас этот доклад?

- Минуточку, мистер Темпл.

Керри торопливо замахала рукой кому-то из сотрудников редакции, проходившему мимо:

- Послушайте, помогите мне, пожалуйста, раздобыть поскорее доклад экспертов по ядерным испытаниям. Да, правильно, тех, что заседали в Женеве.

А когда на столе перед Керри лежал бюллетень Организации Объединенных Наций с текстом доклада экспертов, она прокричала в трубку:

- Алло, мистер Темпл! Простите, что заставила вас ждать. Доклад, о котором вы говорите, лежит передо мной.

- Очень хорошо. Отыщите тогда второй раздел его: "Основные методы обнаружения и идентификации ядерных взрывов". Нашли? А теперь пункт Е, в котором говорится о методе обнаружения ядерных взрывов, производимых на большой высоте. Обратите тут внимание на ту часть заключения, из которой следует, что излучение от ядерного взрыва создает в верхних слоях атмосферы область повышенной ионизации. Понимаете, что это значит? Да, правильно. Все это имеет прямое отношение к увеличению дальности передачи ультракоротких волн...

11. Мистер Хэйт решает опередить Каннинга

Издатель "Сирены" был человеком необычайно самоуверенным, считавшим себя не только одним из лучших знатоков газетного бизнеса, но и обладателем лучшего в Грэнд-Сити нюха на сенсационный материал", как сказал о нем кто-то из сотрудников его газеты. По части подачи сенсационных известий он действительно был непревзойденным мастером. За сенсациями он не только охотился лично, но и "натравливал" на них всю свою репортерскую свору. Недоброжелатели мистера Хэйта говорили даже, что не гнушался он и "изготовлением" этих сенсаций.

- Настоящая сенсационная новость, - поучал мистер Хэйт сотрудников своей газеты, - должна быть опубликована еще до того, как она произошла.

К своим коллегам - издателям и редакторам других газет, Хэйт относился либо с презрением, либо с ненавистью. Единственным человеком, которого он хотя и не любил, но уважал, был редактор "Прогресса" Чарльз Каннинг.

- Это настоящий журналист, - говорил о нем Хэйт, - жаль только, что ничего не смыслит в коммерции. Не понимает, что газета - это такой же бизнес, как и производство подтяжек или жевательной резинки.

Мистер Хэйт вообще был убежден, что газета, издающаяся просто потому, что группа прогрессивных людей, имеющих общие интересы, желает послужить благородному делу, - оскорбление для "свободного предпринимательства". Всех, кто не стремился "делать деньги", Хэйт считал не настоящими газетчиками, зря расходуящими газетную бумагу, для которой настоящие издатели нашли бы гораздо лучшее применение. И он не сомневался, что Каннинг со своей прогрессивной газеткой рано или поздно, но непременно вылетит в трубу.

"Газетка" Каннинга, однако, довольно устойчиво держалась в нечистых и весьма беспокойных водах "свободной прессы", выдерживая даже такие штормы, от которых если и не шли ко дну многие почтенные многотиражные газеты, то изрядно кренились на борт. Умел он также не только выстаивать в шторм и искусно лавировать среди многочисленных подводных рифов в штилевую погоду, но и прокладывать свой курс к намеченной цели с таким мастерством, что даже мистер Хэйт пристраивался частенько в его кильватер.

Вот и сейчас внимательно следил мистер Хэйт за всем, что писал Чарльз Каннинг о сенсационных космических передачах. Нюх Хэйта подсказывал ему, что сенсация эта начинает понемногу выдыхаться. Продлить ее можно было теперь лишь увлекательными поисками разгадки тайн "космического телевидения", ибо публике стало, видимо, приедаться все это. Каннинг начал уже публиковать кое-что разоблачающее мистификацию генерала Хазарда, но делал это робко, намеками и недомолвками, опасаясь гнева военного министерства, которому, конечно же, было кое-что известно об этих "космических" передачах.

Такую газету, как "Прогресс", могли без особого шума и вовсе прикрыть под каким-нибудь благовидным предлогом, прояви она большее усердие в разоблачении "космической сенсации". Другое дело многотиражная "Сирена", имеющая солидные связи и поддержку многих видных конгрессменов. Неприятностей, конечно, и ей не избежать, но игра все же стоила свеч — читатели ведь всегда жадны до разоблачений. Сенсацию, следовательно, нужно было делать теперь уже не на самой тайне космических передач, а на разгадке этой тайны.

В чем же, однако, эта разгадка? Разве попытаешь что-нибудь об этом у генерала Хазарда? Профессора же Писфула запрятал он куда-то так надежно, что даже самые опытные репортеры "Сирены" не смогли до него добраться. А вот Каннинг, кажется, пронюхал что-то: за его газетой в часы ее выхода выстраиваются теперь очереди. Были бы у Каннинга достаточные средства, он смог бы в такой обстановке без труда удвоить тираж. Нужно как-то опередить его в подаче разоблачительного материала.

Охваченный тревогой и жаждой деятельности, мистер Хэйт энергично нажал кнопку электрического звонка и вызвал своего личного секретаря.

- Ну, что сегодня нового у Каннинга? - спросил он вошедшего в кабинет высокого молодого человека в сверхмодных очках. - Раскрыл он, наконец, тайну Оливера Хазарда?

- Вы же знаете этого хитреца, мистер Хэйт, - усмехнулся секретарь, отчего продолговатое лицо его приобрело угодливое выражение. - Он ведь ничего не утверждает и преподносит публике только факты.

- Какие же?

- Сегодня, например, перепечатал краткое официальное сообщение советского научного журнала об обнаруженных русскими метеорологами радиоактивных частицах в верхних слоях земной атмосферы.

- И только? - удивился мистер Хэйт.

- Да, но завтра он может перепечатать уже целую статью из советской военной газеты. А в ней советский генерал технических войск дает подробное объяснение, каким образом в этих верхних слоях могли появиться радиоактивные частицы.

- А такая статья действительно напечатана в советской военной газете? - насторожился

мистер Хэйт.

- Да. Мне только что перевели ее.
- И это проливает свет на тайну космических телепередач?
- Почти полностью объясняет их.

Мистер Хэйт задумчиво зашагал по кабинету, похрустывая подагрическими суставами. Хорошо вымуштрованный секретарь его, не получив приглашения сесть, все еще стоял у стола в почтительной позе. Служба его у Хэйта была не легкой, зато хорошо оплачиваемой, можно было ради этого постоять перед своим боссом.

Прошло уже несколько минут, а издатель "Сирены" все еще шагал из угла в угол. Видимо, нелегко ему было принять решение...

"Когда же, наконец, этот старый деспот перестанет скрипеть?.." - с неприязнью думал о нем секретарь, переминаясь с ноги на ногу.

- Вот что! - решительно заявил наконец мистер Хэйт. - Эту статью из советской газеты перепечатаем мы! Не всю, конечно, а основные ее положения.

Секретарь сделал удивленные глаза, собираясь что-то возразить, но мистер Хэйт сердито махнул на него рукой:

- Да, именно так мы и поступим! А кто-нибудь из наших ученых пусть прокомментирует ее таким образом, чтобы начисто все опровергнуть. Этим самым мы продлим период существования тайны космических передач. Что вы на это скажете, молодой человек?

- Да, но... - смущенно забормотал секретарь, - статья русского генерала инженерно-технической службы чертовски убедительна. И потом неизвестно, как еще посмотрит на все это наше военное министерство...

- В нашей стране, слава богу, существует еще свобода печати, - высокомерно проговорил мистер Хэйт. - Во всяком случае, мои миллионы дают мне право на такую свободу. Никто не запретит мне печатать то, что интересует публику, ибо на этом я зарабатываю деньги. И мне плевать на то, можно это печатать или нельзя, по каким бы там ни было соображениям.

Потом, остыв немного, он добавил уже спокойным деловым тоном:

- А что касается комментаторов статьи советского генерала, то задача их будет состоять в том, чтобы напустить побольше тумана. Запутать все так, чтобы сбить с толку всех наших умников и обезоружить тем самым Каннинга. А одновременно с опровержением советского разоблачения мы будем продолжать печатать новые версии происхождения "космической агрессии". Главное - побольше тумана, чтобы никто не смог ни в чем разобраться. Может быть, даже намекнуть на какие-нибудь сверхъестественные силы.

- В наш-то век термоядерной энергии, искусственных спутников и кибернетики?..

- Я взял вас на работу, как человека образованного, - раздраженно прервал секретаря мистер Хэйт, в упор глядя в его сразу же оробевшие глаза, - не старайтесь, однако, быть образованнее, чем это мне необходимо!

12. Последняя сенсация

Генерал Рэншэл изо всех сил старался казаться спокойным, но это ему не очень удавалось. Поддерживало его лишь сознание того, что вряд ли еще когда-либо представится такой случай не только испытать свое мужество, но и прослыть храбрым человеком. Ведь, по сути дела, все министерство оставлено было (если не сказать брошено) на него, так как министр еще вчера утром уехал инспектировать воинские части, расположенные на юге страны. Уехали в различные учреждения министерства и другие его помощники. Даже генерал Хазард, заваривший всю эту кашу, исчез куда-то.

В городе, между тем, происходила настоящая паника. Почти все, у кого были машины, уезжали из Грэнд-Сити. На поезда, идущие на юг, нельзя было достать билетов. Гражданская

авиация ввела почти на всех своих авиалиниях рекордное количество дополнительных рейсов и, видимо, неплохо на этом зарабатывала.

А виной всему была идиотская погоня некоторых столичных газет и радиовещательных компаний за сенсациями. И потом еще этот прогноз метеоролога Хинкли, опубликованный во вчерашней вечерней газете...

Помощник военного министра невольно вздрогнул, представив себе, что предсказание Хинкли может сбыться. За себя лично он, впрочем, почти не беспокоился: ему было где укрыться в случае, если стрелка счетчика Гейгера минует границу предельно допустимой радиоактивности. Страшно было другое - паника, которая станет еще ужаснее, если только сбудется прогноз метеоролога.

Нажав кнопку электрического звонка, генерал вызвал майора Райта. Майор явился тотчас же. Он был, как всегда, подтянут, отлично выбрит и совершенно спокоен.

"Вот кому нельзя не позавидовать, - подумал Рэншэл. - Кажется, это самый хладнокровный человек в нашем министерстве..."

- Ну, как дела, Райт? - неестественно бодро спросил он и, стараясь ничем не выдавать своего беспокойства, приветливо улыбнулся.

- Все нормально, сэр, - спокойно ответил Райт, но Рэншэлу показалось, что он немного бравировал.

- А бегство из города?

- Бегут ведь не все. И потом - это не впервые. Помните, перед войной тоже было нечто подобное. Тогда передавали по радио инсценировку фантастического романа Герберта Уэллса, но по техническим причинам в эфир не попало начало этого спектакля. Передача сразу же началась с воплей актеров, сообщавших о приближении к Грэнд-Сити воинственной флотилии марсиан. Ну, тут и началось...

- Да, да, я помню этот печальный случай, - недовольно прервал майора Рэншэл. - Однако повод для паники теперь куда существенней. Кто же все-таки бежит из города?

- В основном народ состоятельный.

- Ну, а народ в буквальном смысле?

- Если вы имеете в виду рабочих, то они работают, как обычно.

- Ну, а что говорят в городе о "космических" телепередачах?

- Считают их спектаклем для устрашения слаонервных. Новым трюком для разжигания атомного психоза.

- А насчет военного бюджета?

- Говорят и об этом. Не сомневаются почти, что "космические" телепередачи имеют к нему прямое отношение.

- Ну, а вы что об этом думаете?

- Полагаю, что при утверждении военного бюджета "угроза из космоса" действительно может сыграть какую-то роль...

- Вы, значит, полагаете, - сурово спросил генерал Рэншэл, - что "космические" телепередачи - всего лишь мистификация, рассчитанная на достижение определенной политической цели?

- Я не имею права делать такие предположения, сэр, - смиренно проговорил Райт. - Передаю только слухи, которыми полон Грэнд-Сити.

- Вы явно намекаете на что-то, майор Райт. Или вы тоже поддались коммунистической пропаганде? Это они, кажется, писали, что, как только будет утверждено увеличение ассигнований на военные расходы, "космические корабли", устрасая мощной суммой этих ассигнований, сами собой растворятся в космосе. Если не желаете иметь неприятности, рекомендую вам помалкивать об этом.

- Спасибо за совет, сэр, - смущенно поблагодарил майор Райт и хотел уже было попросить разрешения выйти из кабинета, но генерал, будучи человеком отходчивым, протянул ему коробку с сигарами и спросил уже более мягким тоном:

- Вы должны были сделать мне более полный перевод статьи русских о телевизионных

"марсианах". Где же он?

- Пожалуйста, сэр. - Райт торопливо открыл свою папку и подал Рэншэлу лист бумаги с отпечатанным на машинке переводом статьи из советской военной газеты.

- Так-так, - проговорил Рэншэл, пробежав текст глазами. - Они, значит, полагают, что в ионосферу были запущены сверхвысотные ракеты и там, с помощью ядерного взрыва, распылен порошок, усиливающий электронную концентрацию ионосферы на большом пространстве? А лучевая болезнь, по их мнению, значит результат оседания этого порошка на Землю? Вы консультировались по этому поводу со специалистами, Райт?

- Да, сэр. Они не оспаривают этого предположения. Порошок хотя и чрезвычайно мелкий, и каждая частица его обладает совершенно ничтожной радиоактивностью, но отдельные крупинки под влиянием электрических сил и атмосферных условий могут, видимо, соединяться друг с другом, увеличивая тем самым свою радиоактивность. По наведенным мною справкам, в ту ночь, когда заболели рыбаки, находящиеся на излечении в больнице Красного Креста, над океаном шел дождь. А это способствовало, конечно, слипанию частиц оседающего радиоактивного порошка и усилению его активности. По этой-то причине, наверно, и заболели рыбаки, попавшие под такой радиоактивный дождь.

- А почему же не заболели лучевой болезнью другие люди, находившиеся в океане? - недоверчиво спросил Рэншэл. - Не могло же случиться так, что в океане были в ту ночь только эти рыбаки?

- Конечно, сэр, в океане были, видимо, и другие люди. Но ведь другие находились, по всей вероятности, на пароходах или каких-либо иных крытых судах, а эти рыбаки вышли на лов на легких моторных лодках. У них, оказывается, даже простого кубрика не было. И потом, кто знает, сэр, может быть, вскоре обнаружатся и другие больные... При малых дозах облучения болезнь эта, как известно, не сразу дает о себе знать.

- Ну, хорошо, допустим, что все это действительно так, - снова нахмурился генерал. - Но как же, однако, решились опубликовать подобное разоблачение наши газеты?

- Не газеты, сэр, а всего лишь одна газета. И не какая-нибудь коммунистическая, а вполне лояльная. Издатель ее - Хэйт, видимо, просто не поверил советской гипотезе происхождения "космических телепередач" и, перепечатав основные положения ее, попытался даже иронизировать над нею. Профессор Дональд, с которым я беседовал сегодня утром, очень удачно воскликнул по адресу этого незадачливого издателя: "О санкта симплицитас!"¹

- Ну, если это о Хэйте, то не такая уж это "простота", - усмехнулся Рэншэл. - Я-то этого "простака" хорошо знаю.

- На сей раз он, видимо, действительно попал впросак, - заметил на это майор Райт. - Советский генерал, автор статьи в советской военной газете, с помощью незадачливого мистера Хэйта достаточно убедительно доказал теперь нашим гражданам, что с усилением электронной концентрации ионосфера начинает отражать ультракороткие волны. Вот, видимо, почему все, что по заданию генерала Хазарда (именно его имя теперь называют всюду, сэр) было заснято в киностудии на пленку, а затем направленной антенной послано в ионосферу, вернулось оттуда уже как "космическое явление". С технической точки зрения все это вполне осуществимо. Вот почему попытка Хэйта высмеять разоблачение русских не увенчалась успехом. Все поверили именно этому разоблачению, а не его опровержению.

Рэншэл угрюмо молчал, не находя, что возразить. Похоже было, что все именно так и произошло, как докладывал Райт. Досадно только, что в это скандальное дело было замешано имя Хазарда. Сам Рэншэл давно уже недолюбливал этого слишком уж предприимчивого генерала. Имя его, однако, числилось в ряду наиболее известных деятелей военного ведомства, и генералу Рэншэлу не хотелось бы видеть его скомпрометированным. Нужно будет, пожалуй, посоветовать министру поговорить с Хазардом и предостеречь его от подобных поступков...

¹О святая простота! (лат.)

А майор Райт выкладывал все новые и новые факты.

- И, знаете, что еще создало большую убедительность разоблачению русских, сэр? Опубликованный недавно доклад совещания экспертов по изучению методов обнаружения ядерных взрывов. В нем прямо так и сказано, что для определения ядерных взрывов, произведенных на больших высотах, могут быть использованы искусственные спутники. А ведь советские искусственные спутники, как вы сами знаете, сэр, чертовски у нас популярны. Им приписывается даже такое, чем они и не обладают вовсе... К тому же в докладе этих экспертов сказано еще, что именно в результате ядерного взрыва, произведенного в верхних слоях атмосферы, создается область повышенной ионизации, влияющая на распространение радиоволн. А если добавить к этому еще и специальный порошок...

- Ну, хорошо, майор, - прервал его генерал Рэншэл, - можете считать, что вы уже убедили меня. Вот только что мне не понятно: должны же были лица, осуществившие все это, предпринять какие-то меры предосторожности и постараться избежать радиоактивного заражения. Ведь именно это радиоактивное заражение не только способствует их разоблачению, но может грозить нам еще и большими неприятностями.

- Я полагаю, сэр, что их подвел метеорологический фактор, - спокойно ответил майор Райт.

- Какой же именно?

- Ветер, сэр. Неожиданно изменилось его направление. В общем, произошло, видимо, то же самое, что и во время испытания водородной бомбы в атолле Бикини. "Направление ветра, - писалось тогда в официальном сообщении, - к сожалению, не оправдало прогноза, и фронт радиоактивных осадков распространился к югу, так что на пути его оказались острова Ронгелап, Ронгерик и Утирик". А в результате этого неоправдавшегося метеорологического прогноза серьезно пострадало, как вам неизвестно, население всех этих островов. На одном только острове Ронгелап заболело лучевой болезнью двести тридцать жителей. Кто знает, может быть, и мы не гарантированы от подобных неприятностей...

- А какими же мотивами руководствовался метеоролог Хинкли? - спросил Рэншэл. - За каким чертом понадобилось ему опубликовывать свой прогноз в такой обстановке?

- Он, оказывается, человек религиозный, вот и решил спасти если не все человечество, то хотя бы Грэнд-Сити, - пояснил майор Райт. - По его данным, на наш город должен обрушиться сегодня чуть ли не тропический ливень. И если гипотеза русских верна, то в каждой капле этого ливня должна содержаться какая-то степень радиоактивности. Дождь, следовательно, будет радиоактивным.

...В два часа дня действительно пошел довольно сильный дождь. Он, правда, почти не задел Грэнд-Сити и ушел дальше на северо-восток. Ученые, выехавшие в районы, омытые дождем, чувствительными счетчиками Гейгера обнаружили в этих местах некоторую радиоактивность почти всех предметов, попавших под дождь. Степень радиоактивности была, однако, очень неравномерна - от совершенно безвредных доз до нескольких рентгенов в час. А это уже могло вызвать заболевание лучевой болезнью. Опасные районы оказались, к счастью, малонаселенными. Их тотчас же оградил запретительными знаками специальные подразделения войсковой разведки.

Ходили также слухи, будто радиационная разведка обнаружила и более высокую степень радиоактивного заражения, но об этом строжайше было приказано молчать.

В газетах же на следующий день появилось сообщение, из которого следовало, что даже при самом тщательном обследовании местности, по которой прошел дождь, дозиметрическими приборами не было зарегистрировано ни одного рентгена радиации и что будто бы в связи с этим разоблачение русских - сплошная пропаганда, как и утверждала это еще накануне газета "Сирена".

Но никто, кажется, и на этот раз не поверил опровержению мистера Хэйта, ибо достоверность разоблачения русских, также как и предсказания коммунистов, подтвердилась полным прекращением "космических телепередач" вскоре после утверждения Конгрессом бюджета на текущий год. На сей раз, правда, прошло это не так гладко, как прежде.

Конгрессмены изрядно пошумели и, не стесняясь в выражениях, критиковали военное министерство. Мало того - размер ассигнований на военные нужды в результате этой критики, а еще более под давлением общественности, пришлось несколько урезать.

А по военному министерству тотчас же поползли слухи, что генералу Хазарду теперь не сдобровать. Однако военный министр, возвратясь с заседания Конгресса, вызвал к себе своего помощника генерала Рэншэла и распорядился:

- Тут о генерале Хазарде ходят разные слухи, так я прошу самым решительным образом пресекать их и не назначать никакого расследования. Надеюсь, вы понимаете, генерал, что Хазард руководствовался в своих поступках лишь патриотическими побуждениями.

Заметив некоторое недоумение на лице Рэншэла, он добавил, слегка повышая голос:

- И потом не настолько же вы наивны, чтобы не догадываться, что не за собственный только страх и риск решился Хазард на этот патриотический поступок.

Помощник военного министра и сам давно уже сообразил все это, не понимал он только одного - достаточно ли серьезно представляют в военном министерстве всю сложность будущей атомной войны? Не только ведь атомные бомбы решат ее исход, но и самоотверженные, преданные родине солдаты. А разве граждане его страны, живущие в обстановке непрерывного психоза, смогут, став солдатами, успешно выдержать испытания атомной войны? Разве бросишь этих неврастеников в стремительную атаку через районы, подвергшиеся атомной бомбардировке? А без такой атаки любая атомная бомбардировка будет бесполезна. Следовательно, в будущей войне, как и во всех прошлых, главной силой по-прежнему останется храбрый, мужественный, верящий в правое дело солдат.

Все эти трезвые мысли генерала Рэншэла постепенно переключились, однако, на собственную персону, и он не без тревоги подумал, что может, пожалуй, иметь неприятности из-за своего недоброжелательного отношения к генералу Хазарду, ставшему теперь в глазах некоторых высокопоставленных лиц чуть ли не национальным героем.

"А что если поправить дело предложением наградить Хазарда?" - мелькнула вдруг счастливая мысль.

И, вздохнув еще тяжелее, Рэншэл принялся сочинять проект представления генерала Хазарда к правительственной награде.

А в это время Керри Демпси сидела в кабинете Чарльза Каннинга и сокрушенно говорила:

- Ах, какая досада, мистер Каннинг, опередила нас "Сирена"... Как же это так получилось, мистер Каннинг? Вот уж буквально - загреб Хэйт жар чужими руками!

- Вы так думаете? - хитро прищурился Чарльз Каннинг.

- А что теперь думать, - безнадежно махнула рукой Керри.

- Факт налицо - Хэйт ведь напечатал разоблачение русских раньше нас.

- И вы думаете - это его заслуга?

- А чья же?

- Мне почему-то казалось, что наша.

- Наша?..

- Ну да. Разве Хэйт стал бы печатать разоблачающий материал из советской газеты, если бы мы его к этому не вынудили?

- Вынудили?..

- Вне всяких сомнений. Он ведь страшно любит быть во всем первым. А тут вдруг мы начинаем публиковать материалы, проливающие свет на тайну "космических" телепередач. Каково ему было видеть это? Мог ли он не опасаться, что мы не сегодня-завтра вообще рассекретим всю эту "космическую" аферу? Вот и поспешил.

- И вы ему это позволили? - все еще ничего не понимала Керри. - Могли ведь и мы эту статью опубликовать.

- Могли, - согласился Каннинг, - да поостереглись. Не очень-то безопасно перепечатывать статьи из советских военных газет. Нас бы сразу обвинили за это в

подрывной деятельности. А о Хэйте никто этого и не подумает. Он для наших правителей свой брат-капиталист. Но не считайте, что мы тут что-нибудь проиграли! Напротив - для пользы дела выгоднее даже, что разоблачение мистификации генерала Хазарда было опубликовано тиражом такой газеты, как "Сирена".

- О, теперь я вижу, какой вы хитрый! - воскликнула Керри, готовая по-детски захлопать в ладоши от восхищения.

- Не будь я таким хитрым, - усмехнулся Каннинг, самодовольно поглаживая свою гладко выбритую голову, - нашу маленькую газетку давно бы съели такие шакалы, как бывший ваш

босс мистер Хэйт.

- А как же все-таки вам удалось подсунуть ему советскую газету с этой разоблачительной статьей? - все еще не могла прийти в себя Керри. - Разве сами они не выписывают советских газет?

- Выписывать выписывают, да не так читают, как нужно. Вот я их и надоумил. Пришлось подсказать кое-что личному секретарю мистера Хэйта. А уж дальше все пошло своим естественным путем. Ну так что, мисс Керри, по-прежнему вы настаиваете, будто мистер Хэйт загреб жар нашими руками?

- Что вы, мистер Каннинг! - оживленно отозвалась Керри. - Совсем наоборот!

- Все вам теперь ясно?

- Все, кроме одного: кто же практически осуществил "космическую" авантюру? Не сам же генерал Хазард?

- Ну, это было ему ни к чему! - усмехнулся наивности Керри Каннинг. - В его распоряжении был ведь весь технический корпус вашей армии.

КАТАСТРОФЫ НЕ БУДЕТ, ЕСЛИ...

1. Опасный эксперимент

Местность вокруг была совершенно голой: песок да колючие кактусы - настоящая пустыня. Солнце жгло немилосердно — как и полагается в пустыне. Генерал Хазард давно уже снял свой пробковый шлем и держал его на коленях. Раскаленный воздух, врывающийся в штабную машину сквозь боковые окна, лишь усиливал духоту. Закрыли бы к чертовой матери такую вентиляцию! Хазард чувствовал" что еще полчаса езды - и ему будет совсем худо...

- Как вы только не изжаритесь тут? - проворчал он, косясь в сторону полковника Причарда, все еще сидевшего в кителе, застегнутом на все пуговицы.

- Привычка, сэр, - хладнокровно ответил Причард.

- Сколько еще до базы?

- Мили три с половиной.

Генерал налил себе газированной воды из большого сифона и вытер влажным платком испарину, тотчас же выступившую на лбу. Он знал, что жажды все равно не утолить, но ничего уже не мог с собой поделать и пил почти через каждые пять минут. А вот сухопарый полковник Причард, видимо, чувствовал себя в этом пекле самым превосходным образом. Он не только не пил, но даже и не взглянул ни разу на сифон с газированной водой. И лоб его, несмотря на застегнутый китель, был совершенно сух.

"Обжились тут, - с непонятым раздражением подумал о нем Хазард. - Совсем в черномазых скоро превратятся..."

Ему вспомнилось, что когда-то, еще накануне второй мировой войны, военное министерство усомнилось почему-то в чистоте расы Причарда, бывшего тогда еще в чине майора. Подозревалось, что в жилах не то бабушки его, не то прабабушки текла негритянская кровь. Расследование, однако, не подтвердило этих подозрений, и Причард был оставлен в кадрах штабных офицеров спецкорпуса. После этой проверки стал он лишь еще более жестоким к солдатам-неграм и карал их за малейшую провинность.

- Ну-с, - после продолжительного молчания обратился Хазард к Причарду, - кого же вы обрекли на это дело?

Слово "это" он произнес таким тоном, что полковник сразу же понял, что Хазард имел в виду.

- Джека Адамса, - ответил он равнодушным тоном.

- Негра?

- Да, сэр. Только этот негр - робот.

- Робот? - удивленно поднял кустистые брови генерал Хазард.

- Совершенно верно, сэр. Нам сконструировал его ваш друг профессор Писфул...

- За каким чертом? - грубо оборвал полковника генерал. Ему не понравилось, что тот назвал Писфула его другом.

- Для работы в складах термоядерного оружия. Он делает все безукоризненно точно. Отлично управляем на расстоянии с помощью телевизионной аппаратуры, установленной в его корпусе. Оператор, передающий ему специальные команды, видит все перед собой как бы глазами "Джека Адамса".

- Похоже, что старик Писфул придумал полезную штуку, - одобрительно проговорил Хазард, снова наливая стаканчик газированной воды из сифона. - Ну, а почему же считаете вы этого робота негром?

- Я специально просил сделать его цветным, ибо негры - прирожденные слуги белых, - убежденно заявил полковник Причард. - И потом, он ведь говорящий робот. Ваш Писфул... Простите, сэр, - профессор Писфул вмонтировал в него какую-то ленту с магнитной записью. В нужный момент она приходит в действие и Джек начинает говорить. Вернее, говорил, высказывал даже какие-то соображения.

- Говорил? А теперь что же - потерял дар речи?

- Нет, сэр. Просто я попросил Писфула сделать его не таким болтливым. Нам достаточно, чтобы он только отвечал на вопросы, и притом возможно лаконичнее. Теперь на все команды оператора он отвечает только: "Ясно, сэр", "Слушаюсь, сэр".

- Нельзя сказать, чтобы все это было очень остроумно, - иронически усмехнулся Хазард, - но в общем - сойдет. Ну, а базу вы, значит, уже передислоцировали?

- Да, сэр. Все наши бомбардировщики, техническая часть и личный состав окончательно перебазировались вчера на новое место в строгом соответствии с приказом генерального штаба.

- Значит, эксперимент мы проведем теперь здесь безо всякого ущерба?

- Совершенно верно, сэр. Мы оставили тут только разную ни на что не годную рухлядь.

- А последствия радиоактивного заражения?..

- Все учтено, сэр. Во-первых, вокруг - голая пустыня. Во-вторых...

- Ну, хорошо, - хмурится генерал Хазард, - не будем сейчас вдаваться в подробности. Мне важно, чтобы не произошло никаких сюрпризов. Чтобы вообще было как можно меньше шума вокруг этого эксперимента. Когда же мы, однако, прибудем на место?

- Уже прибыли, сэр.

Машина действительно тотчас же остановилась возле какого-то холма, покрытого зарослями колючей растительности.

Генерал Хазард, несмотря на свою тучную фигуру, довольно легко выпрыгнул из машины и с удивлением стал оглядываться по сторонам.

- Как, это разве здесь?

- Да, сэр. Прошу за мной.

И, слегка пригнувшись, Причард пролез в узкий, хорошо замаскированный кустарником вход в подземное убежище. Рослый генерал последовал за ним, сердито ворча:

- Да вы меня просто в преисподнюю какую-то ведете. Посветили бы хоть...

- Сейчас выберемся в освещенное помещение, сэр. Там установлена наша телевизионная аппаратура.

Вскоре они действительно выбрались в довольно просторный каземат, обложенный изнутри стальными тубингами. В тусклом свете синих ламп, подвешенных под потолком, Хазард разглядел большой стол, на котором стояли два включенных цветных телевизора конструкции профессора Писфула. Штабные офицеры спецкорпуса, находившиеся здесь, тотчас же подали генералу и полковнику складные походные стулья. Один из них, с погонами майора, негромко стал что-то докладывать Причарду. Другой офицер, в чине капитана, принялся настраивать телевизор, стоявший против генерала Хазарда.

- Это что там такое, капитан? - спросил его Хазард, кивнув на экран.

- Общий вид бывшей базы тяжелых бомбардировщиков, сэр.

- У вас, конечно, есть связь с оператором?

- Так точно, сэр.

- Передайте ему, пусть покажет возможно крупнее все ее участки.

- Слушаюсь, сэр.

Пока капитан связывался по радиотелефону с оператором передающего телевизионного пункта, Хазард повернулся к Причарду:

- Ну, что там у вас?

- Все готово, сэр. Прикажете начинать?

- Покажите мне на экране, где это все должно произойти.

Причард подошел к телевизору Хазарда.

- Вот тут, сэр, - указал он на небольшой продолговатый холмик полуовальной формы.

- Сколько их там?

- Одна, сэр. Причем небольшого калибра. Остальные вывезены на новую базу.

Генерал некоторое время молча наблюдал за экраном, на котором оператор все еще демонстрировал различные объекты бывшей базы тяжелых бомбардировщиков. Потом он посмотрел на часы и кивнул Причарду.

- Ну что ж - начинайте.

- Слушаюсь, сэр.

Причард подошел к радиотелефону.

- Дежурный! - коротко бросил он в микрофон.

Слышно было, как кто-то отозвался.

- Готов ли ваш Джек? - спросил Причард. - Пошлите его в склад сектора Зет-15.

Вернувшись к своему телевизору, Причард приказал майору потушить свет.

Изображение на экранах стало четче, контрастнее. На них крупно демонстрировался теперь вход в дежурное помещение бывшей базы тяжелых бомбардировщиков. Оно находилось в подземном каземате, но бетонированный вход в него, перекрытый сложной системой металлических заслонов, возвышался над землей и был хорошо виден.

Медленно раздвинулись половинки его наружных дверей, и из каземата не торопясь вышла угловатая фигура, облаченная в военную форму.

- Дайте крупнее! - отрывисто приказал Хазард.

- Крупнее уже невозможно, сэр, - ответил Причард. - Мы и так используем самый совершенный наш телеобъектив.

Капитан, все время напряженно стоявший позади генерала, торопливо стал подкручивать ручку фокусировки изображения. Тонкие пальцы его заметно дрожали.

- Оставьте аппарат в покое, капитан! - раздраженно проговорил Хазард - ему тоже передалось нервное напряжение окружающих. - И не дышите, пожалуйста, мне в затылок.

Капитан поспешно отошел от Хазарда на несколько шагов и замер на месте.

Джек, между тем, довольно естественно, совсем как живой, шагал по территории базы. Похоже было даже, что он насвистывал что-то.

- Оператор! - нервно крикнул Причард в микрофон. - Почему не работает передающая радиостанция Джека?

И почти тотчас же из динамиков телевизоров послышалась мелодия популярной негритянской песенки, которую беспечно насвистывал Джек.

- На магнитной ленте Джека Писфул сделал и эту запись, - пояснил полковник Причард. - Профессор, видно, не лишен чувства юмора.

- Зато вы, кажется, лишены чувства меры, полковник, - недовольно проворчал Хазард. - За каким чертом мне этот концерт вашего робота?

Причард снова отдал распоряжение оператору, и свист тотчас прекратился.

"Ну и неврастеник же этот Хазард", - с неприязнью подумал Причард о генерале.

А Джек тем временем достиг сектора Z-15 и скрылся за овальной насыпью верхнего покрытия одного из складов. Хазард беспокойно заерзал на своем стуле. Капитан, регулировавший его телевизор, совсем перестал дышать. Даже знаменитый своим хладнокровием Причард почувствовал с досадой, как повлажнели вдруг его ладони.

- Почему не работает телекамера Джека? - прокричал он в микрофон.

- Там слишком темно, сэр, - отозвался оператор. - Вы же знаете, что у нас нет теперь электростанции. А Джек и без того знает, что ему делать. Он ведь должен только пройти мимо бомбы...

- Пусть ваш оператор прекратит болтовню, - раздраженно проговорил Хазард. - Прикажите ему снова дать общий вид базы.

Когда оператор переключил камеру на панораму базы, отчего освещенность экрана увеличилась, все вздрогнули невольно. Потом наступило томительное, тревожное ожидание.

Слышно было только, как тикали стоявшие неподалеку настольные часы да негромко гудело что-то в телевизорах...

Вдруг на матовую поверхность четко вырисовывавшихся квадратов посадочной площадки аэродрома упала какая-то подвижная тень. Опытный глаз генерала Хазарда тотчас же распознал по этой тени четырехмоторный пассажирский самолет, видимо идущий на посадку...

- Что же это такое, полковник?! - воскликнул Хазард, вскакивая с места. - Откуда он взялся?

- Не знаю, сэр... - растерянно проговорил Причард.

- Немедленно прикажите оператору... - дрогнувшим голосом прокричал Хазард, но было уже поздно. Экраны телевизоров ослепительно вспыхнули вдруг, и еще мгновение назад ярко сиявшее небо сразу же стало черным, как ночью, а на том месте, где был склад сектора Z-15, бешено за клубилась темно-бурая масса пыли, из которой чудовищной силой выпирало раскаленное добела, слепящее глаза гигантское полушарие. По земле хлынули во все стороны мощные воздушные струи. Раскаленная полусфера, быстро разрастаясь и тускнея, устремилась в небо, увлекая за собой клубящуюся массу пыли и газа. А еще через несколько мгновений в воздухе висел уже десятикилометровый фантастический гриб, гигантская витая ножка и пышная, с розоватыми просветами шляпка которого продолжали бешено клубиться, почти не меняя своих очертаний.

2. Открытие Джона Мунна

Когда-то, будучи еще студентом, Джон Мунн мечтал заняться изучением мира галактик, диффузными и планетарными галактическими и внегалактическими туманностями, добраться до границ грандиозной космической системы - Метагалактики. А как волновала его когда-то теория "расширяющейся вселенной" бельгийского аббата Леметра! Загадка

"красного смещения" в спектрах галактик, на основании которого выводил свою теорию Леметр, казалась ему тогда столь значительной проблемой, разрешению которой следовало посвятить себя целиком.

Теперь же все это представляло для него весьма отдаленный и притом чисто теоретический интерес. Практическая же работа Мунна в Центральной обсерватории Грэнд-Сити могла показаться, в сравнении с прежними возвышенными мечтами его, прозаической. Он занимался здесь изучением так называемых метеорных тел - астероидов и метеоритов. И, конечно же, все это было не чем иным, как космической пылью, в сравнении с такими звездами сверхгигантами, как, скажем, Анторес, превосходящий наше Солнце по объему в двадцать два миллиона раз!

Зато те гигантские звезды, которыми занимались другие астрономы, не имели к нашей маленькой Земле прямого отношения, ибо были удалены от нее на миллионы световых лет. А вот астероиды, метеориты и прочая "космическая мелочь" вторгались в жизнь нашей планеты не только в переносном, но и в буквальном смысле.

Примерно года полтора назад Джон Мунн поймал в объектив своего астрографа и сфотографировал довольно крупный астероид, не зарегистрированный другими астрономами. Обстоятельство это, впрочем, не столько обрадовало, сколько удивило его. Он ведь хорошо знал, что не только такие крупные астероиды, как Церера, Паллада, Юнона и Веста, но и совсем маленькие, поперечник которых составлял всего один километр, давно уже были открыты астрономами.

Будучи человеком осторожным, Мунн не поднял шума по поводу своего открытия, решив еще раз просмотреть все каталоги и справочники малых планет. По поперечнику лишь один астероид был близок к открытому Мунном, но его орбита не сближалась так с земной. Да и положение ее в межпланетном пространстве было несколько иным.

Пока Мунн сравнивал координаты орбит этих планеток, прошло значительное время и астероид его удалился от Земли на такое расстояние, что перестал быть видимым. Зная, однако, его орбиту, Мунн терпеливо ждал возвращения своей "Керри" - так в честь очень понравившейся ему девушки окрестил он открытый им астероид, вопреки традициям давать таким планеткам имена античных богинь и мифических героев.

И вот вчера Мунн сделал еще одно открытие - "Керри", снова попавшая в поле зрения его астрографа, появилась не только раньше ожидаемого, но и гораздо ближе к Земле.

Это насторожило Мунна, и он решил высчитать и поперечник, и орбиту ее с еще большей тщательностью.

Так как ему удалось с помощью очень чувствительного астрофотометра довольно точно определить яркость "Керри", стало возможным без особых погрешностей вычислить и ее поперечник. Для этого существовала специальная формула, согласно которой яркость астероида пропорциональна квадрату его диаметра. Электронная машина с безукоризненной точностью рассчитала все это. В результате поперечник "Керри" оказался равным девяти километрам.

Размер этот был, конечно, не очень велик в сравнении с таким астероидом, как Церера, диаметр которой составлял семьсот семьдесят километров, или Паллада, поперечник которой был равен почти пятистам километрам. Но ведь таких больших планеток было известно всего четыре, главную же массу астероида составляли небольшие, размером всего лишь в несколько десятков километров и менее того. "Керри", следовательно, была типичной представительницей семейства астероидов, и ею следовало заняться со всей серьезностью.

Мунну внушало серьезное опасение то обстоятельство, что "Керри" упорно сближалась с Землей. Значит, не исключалось и падение ее на нашу планету. Такие, а весьма возможно, и более крупные метеориты или астероиды уже падали на нашу Землю. Тунгусский метеорит, например, был, видимо, покрупнее "Керри". Советский академик Фесенков не случайно ведь обратил внимание на то обстоятельство, что начиная с середины июля по вторую половину августа 1908 года в районе падения этого метеорита наблюдалось заметное понижение коэффициента прозрачности атмосферы. И он не без оснований полагал, что такое

помутнение связано с распылением огромного количества вещества Тунгусского метеорита во время его полета через атмосферу нашей планеты.

По подсчетам советского академика, общая масса этого распыленного вещества должна составлять не менее нескольких миллионов тонн!

Чем больше фактов падения на Землю крупных космических тел вспоминал Джон Мунн, тем тревожнее становилось у него на сердце. Молодой астроном не только знал по учебникам, но и лично видел многие кратеры метеоритного происхождения - кратер Чабб, например, находящийся в Канаде. Диаметр его равен примерно трем с половиной километрам. Существует к тому же предположение, что и огромная впадина Ашанти, диаметром в десять с лишним километров, на Золотом Берегу в Западной Африке тоже метеоритного происхождения, так же, как и кратер Нгоро-Нгоро в Центральной Африке, диаметр которого девятнадцать километров!..

В общем, было отчего встревожиться молодому астроному. Он ведь знал, что его астероид был такого же происхождения, как и метеориты, ибо и те и другие представляли собой единый, генетически связанный комплекс метеорных тел. Отличались они друг от друга только размерами.

Торопливо перелистав все старые записи о своем астероиде, Мунн сравнил их с последними результатами наблюдений. Исчерпывающих данных было, к сожалению, недостаточно. Требовалось получить еще несколько точек новой орбиты "Керри", чтобы определить степень влияния, оказываемого на нее нашей планетой. Лишь после этого в какой-то мере станет ясно — упадет "Керри" на Землю или пронесется мимо на безопасном расстоянии от нее. А для получения этих сведений потребуется еще не один день напряженных наблюдений и сложнейших расчетов с помощью электронных вычислительных машин. Учтя все это, Мунн решил не говорить никому о своих опасениях до тех пор, пока в руках его не будет достаточно бесспорных данных.

3. Неожиданная встреча

Керри часто ужинала в этом маленьком кафе. Она и сегодня пришла сюда вместе с Мунном. Всегда такой веселый и любезный, он был теперь очень задумчив и отвечал на вопросы Керри невпопад. Это встревожило девушку, и она спросила полушутя-полусерьезно:

- Уж не раскаиваетесь ли вы, что я уговорила вас вчера не только послушать негра Джексона, но и защитить его?

- Ну что вы, Керри! - воскликнул Джон, будто очнувшись от тревожных мыслей.

- А я уж подумала было, что вы опасаетесь, как бы не дошел этот случай до вашего начальства или тайных осведомителей из комиссии по расследованию, - с облегчением рассмеялась Керри. - В наше время защита негра подобна государственной измене.

- Комиссия эта менее всего меня волнует, милая Керри, - улыбнулся наконец и Джон. - Я просто занят сейчас одной очень серьезной научной работой и прошу простить мою рассеянность.

- Это тайна? - лукаво прищурилась Керри.

- Пока - да, - серьезно ответил Джон и, осмотревшись по сторонам, добавил, понижая голос: - Но вам я все-таки скажу кое-что. Появилась недавно в окрестностях нашей планеты одна небесная крошка, которую я окрестил вашим именем. Вот и все, что я пока могу вам сообщить, и, пожалуйста, Керри, не расспрашивайте меня - вам ведь я ни в чем не могу отказать, а болтать об этом еще рано.

- Можете не беспокоиться, я не из любопытных, - с притворной обидой проговорила Керри. - Обещаю даже, что не напишу в своей газете о том, что вы уже выболтали мне.

- Вы обиделись, Керри? - испуганно проговорил Джон.

- Да нет, Джонни, просто шучу, - снова рассмеялась Керри.

- Больше того вам скажу - я не обижусь на вас даже в том случае, если вы уйдете

сейчас. Я же вижу, что вам не терпится сесть поскорее за ваши телескопы.

- Это правда, Керри, - смущенно признался Джон и робко взял девушку за руку. - Я просто стал каким-то одержимым в последние дни. На уме одни только цифры, программы операций да коды команд для электронных вычислительных машин.

- Все просто с ума посходили с этими электронными машинами, - нахмурилась Керри и осторожно высвободила свою руку. - Скоро начнут, очевидно, вычислять с их помощью и степень влюбленности и интенсивность взаимного чувства.

- А вы не смейтесь над этим, Керри, - серьезно проговорил молодой астроном. - Есть уже специальное бюро, которое с помощью электронных вычислительных машин определяет самый безошибочный выбор невест и женихов.

- Боже мой! Неужели же есть такие кретины, которые думают о браке с помощью электронных мозгов?

- К сожалению, есть, Керри.

Они поболтали еще немного, и Джон ушел в свою обсерваторию, а Керри осталась, чтобы просмотреть вечерние газеты и придумать название для своей новой статьи.

В кафе, как всегда, было тихо, малоллюдно и уютно. Тут можно было и отдохнуть, и собраться с мыслями. Керри любила продумывать здесь замыслы своих статей, сегодня, однако, она никак не могла сосредоточиться. Полистав несколько газет, но так и не придумав названия для новой статьи, она уже собиралась уйти из кафе, как вдруг с беспокойством заметила, что к ней направляется изрядно выпивший рослый мужчина в помятом темно-сером костюме.

До этого он сидел за столиком у окна и усердно пил коньяк. Вид у него был самый заурядный, и Керри, пожалуй, не обратила бы на него внимания, не окажись он так удивительно похожим на ее дядю, подполковника Джеймса Джессепа. Но дядя ее был важной персоной в военном ведомстве, и увидеть его тут, в этом маленьком дешевом кафе, казалось Керри просто невероятным.

И вот теперь этот мужчина, так похожий на дядю Джеймса, шел к ней, не очень уверенно держась на ногах.

- Здравствуй, племянница, - к удивлению Керри, проговорил он чужим, осипшим голосом. - Что смотришь на меня так? Изумляешься?

Он тяжело опустился на стул рядом с девушкой.

Керри хотела ответить, что она действительно поражена, но он сердито махнул рукой:

- Не удивляйся. В наш век атомной энергии и кибернетики все возможно. Дядя твой уже не начальник базы тяжелых бомбардировщиков, носителей атомных бомб, и даже не подполковник. Со вчерашнего дня он - ничто.

Джессеп брезгливо покосился на пустую бутылку из-под минеральной воды, стоявшую на столике Керри, и спросил:

- Ты не будешь возражать, если я закажу себе что-нибудь промочить горло?

- Пожалуйста, дядя, но ведь вы...

- Э! - снова махнул рукой Джессеп. - Я еще в полной норме. Бой! - крикнул он официанту негру. - "Черного валета" и вообще все с моего столика.

Керри знала, что "Черным валетом" называется новый сорт коньяка, о котором в шутку говорили, что он изготавливается из радиоактивного винограда. Кто-то даже уверял Керри, что одна рюмка его буквально валит с ног, а большая доза — поражает лучевой болезнью в легкой форме. А ведь дядя выпил уже, кажется, целую бутылку...

Извиниться, может быть, и уйти? Но нельзя же оставить его тут одного в таком виде? С ним действительно произошло, кажется, что-то необычное. Просто поразительно, как изменился этот всегда такой высокомерный человек, почти с презрением относившийся ко всем своим родственникам, а ее, Керри, даже и не замечавший вовсе. Было интересно понаблюдать теперь за дядей Джеймсом и послушать, что же приключилось с ним.

Официант принес Джессепу его бутылку, на этикетке которой была изображена обыкновенная игральная карта с тою только разницей, что в правом верхнем и левом нижнем

углу ее вместо масти помещалась фигурка, очень напоминающая условное изображение атомной бомбы.

- Не желаешь ли и ты? - усмехаясь, спросил Джессеп, наливая себе в рюмку жидкость бордового цвета. - Хотя, впрочем, не советую - эта штука с непривычки свалит тебя в два счета. За твое здоровье, племянница!

Джессеп ловко опрокинул рюмку и, морщась, стал сосать тоненький ломтик лимона, посыпанный сахарной пудрой.

- Н-да, - проговорил он, бросив тарелку лимонную корку и тяжело облокачиваясь о стол, - с армией у меня теперь все кончено. Выгнали за нерадивость. По моей вине, видишь ли, несчастный случай произошел. А почему? Я, конечно, виноват, что не установил сигнала, запрещающего посадку на аэродром нашей старой базы. Но ведь я же не знал, что генерал Хазард в тот момент свой "Эн-Джи" испытывал. И потом нужно же былотак случиться, чтобы в это самое время пошел на вынужденную посадку пассажирский самолет... Что-то такое случилось с ним. Видимо, неисправность какая-то в моторах. А тут как раз и сработал этот чертов "Эн-Джи"... Взметнулся в небо водородный гриб - и самолета с шестьюдесятью двумя пассажирами как не бывало! Скандал, конечно. Но почему же я один за все в ответе, а не те, кто этот дьявольский "Эн-Джи" испытывал? Дернул же меня черт лишнюю рюмку виски в тот день выпить! Вот они и придрались к этому...

Керри тревожно осмотрелась по сторонам.

- Знаете, дядя, - понизив голос, сказала она, - может быть, не стоит тут говорить об этом?..

- Да, ты права, Керри, - согласился Джессеп, - теперь всюду полно шпииков.

Он помолчал немного, мутными глазами глядя на "Черного валета", неверной рукой налил еще рюмку, но пить не стал.

- Выставили они меня, в общем-то, по-хорошему, - продолжал он уже более спокойным голосом, - не хотели, видимо, лишнего шума поднимать. Обеспечили приличной пенсией. Но все равно обидно быть козлом отпущения. И, откровенно тебе скажу, с удовольствием насолил бы я кое-кому из наших военных вельмож. Генералу Хазарду, например.

- Дядя!.. - предостерегающе проговорила Керри.

- Ну, ладно, ладно! - поднял руки Джессеп. - Не буду больше. - А ты, говорят, работаешь теперь в какой-то красной газетке?

- В прогрессивной газете, дядя, - нахмурилась Керри.

- А не могли бы вы напечатать в ней одну сенсационную статейку? - спросил вдруг Джессеп, и глаза его приобрели при этом вполне осмысленное выражение. - О гибели четырехмоторного пассажирского самолета в одном из наших южных штатов некоторые газеты уже пописывают кое-что. Но они ни черта толком не знают, и правду им все равно никто не скажет. А правительственные газеты опубликуют, наверно, какую-нибудь официальную версию, чтобы замять дело.

- А вы хотели бы рассказать правду? - насторожилась Керри.

- Зачем же правду? За это, если дознаются, не сдобровать. Я расскажу вам только кое-какие факты, от которых не поздоровится ни полковнику Причарду, ни генералу Хазарду.

- Если вы хотите только лично им причинить неприятности - не думаю, чтобы согласился на это наш редактор, - с сомнением покачала головой Керри.

- А все-таки скажи ему, может быть, согласится, - настаивал Джессеп. - Очень эффектная получилась бы статейка. Много бы наделала шуму и подмочила бы репутацию кое-кому из наших высокопоставленных военных петухов.

- Хорошо, дядя, я поговорю об этом с редактором, - согласилась Керри. - А теперь мне нужно идти. Извините, пожалуйста...

4. В разведывательном управлении

Начальник разведывательного управления генерал Гоуст вот уже второй час сидел с генералом Хазардом, выключив все телефонные аппараты. Дверь его кабинета была закрыта так плотно, что даже адъютант, дежуривший в приемной, не мог расслышать ни слова, как ни напрягал слух. А разговор у Гоуста с Хазардом был о недавнем происшествии на базе тяжелых бомбардировщиков, из-за которого так пострадал подполковник Джеймс Джессеп.

- Так вы считаете, что "Эн-Джи" выдержал экзамен? - спрашивал Гоуст, пододвигая Хазарду ящик с сигарами.

- Вне всяких сомнений, - убежденно заявил Хазард.

- И, по-вашему, теперь нужно действовать?

- Самым решительным образом! Хватит нам вести эту мягкотелую политику и ухлопывать колоссальные средства на сбор одной только информации. Наши агенты должны проникать за "железный занавес" с более активными заданиями. "Эн-Джи" дает нам теперь такую возможность.

Генерал Гоуст вышел из-за стола и, заложив руки за спину, бесшумно прошелся несколько раз по мягкому ковру кабинета. Было в его походке что-то кошачье, словно он не ходил, а крался за кем-то.

- Боюсь, что в министерстве кое-кто может воспротивиться этому, - будто рассуждая вслух с самим собой, проговорил он.

- Помощник военного министра генерал Рэншэл, например.

- Почти не сомневаюсь в этом, - спокойно согласился с ним Хазард, невозмутимо попыхивая сигарей. - Помощник министра, может быть, и умный человек, как полагают некоторые, но его чрезвычайная осторожность окажется когда-нибудь пагубной для нас. К счастью, мы можем не очень считаться с Рэншэлом, зная мнение на этот счет самого министра. Поддержат нас и большинство членов военной комиссии Конгресса.

Не прерывая Хазарда, Гоуст лишь изредка кивал головой в знак согласия. Идея генерала Хаварда, при всей ее авантюристичности, ему явно нравилась. Гоусту давно уже надоела информационно-исследовательская деятельность, которой в последнее время все чаще приходилось заниматься его управлению. Добывание разведывательной информации с помощью таких всем доступных источников, как книги, газеты и журналы, считал он той пассивной формой разведки, которая рано или поздно приведет к полному вымиранию агентурной разведки. Гоуст был совершенно уверен, что глубоко ошибаются те, которые полагают, будто в современной разведке невозможна Мата Хари. Печальнее же всего было то, что подобные мысли высказывают такие люди, как адмирал Хилл, совсем недавно утверждавший, что работник разведки сегодня больше напоминает исследователя, занятого кропотливым трудом по изучению иностранных газет и журналов, рефератов и других материалов.

По глубокому убеждению Гоуста, вообще слишком уж много развилось "длинноволосых" умников, занимающихся анализом информации, вместо того чтобы добывать эту информацию методом агентурной разведки. Да и как не быть таким "кабинетным разведчикам", если ответственные работники информационного управления госдепартамента считают, что для работы в разведке лучше всего пригодны юристы, инженеры, а также антропологи, археологи и даже искусствоведы.

Им, этим "яйцеголовым", этим "интеллектуалистам", кажется, конечно, что их ежедневные, еженедельные и ежемесячные разведывательные сводки и прогнозы будущего очень нужны государственным деятелям. На самом же деле многие государственные деятели считают чтение этих информационных сводок пустой тратой времени. Гоуст сам слышал, как они жаловались на их обилие, большой объем и наличие материала, не имеющего отношения к делу. Государственным деятелям нужны факты, а не та жвачка, которую им предоставляет "кабинетная" разведка. А настоящие факты должны добываться активно, в стане врага, а не в библиотеке госдепартамента.

Уже по одному только этому предложение Хазарда заслуживало внимания, и Гоуст слушал его, не прерывая.

- А чего стоят все изыскания наших отделов, изучающих психологию потенциального противника по беллетристике да художественной кинематографии? - все более распался генерал Хазард. - Ерунда это! Пустое времяпровождение! Другое дело, когда можно будет судить о русской психике по конкретным данным. Сработают наши "Эн-Джи" в двух-трех хранилищах их термоядерного оружия - вот тогда и посмотрим, какова хваленая стойкость советского народа.

- Вполне согласен с вами, генерал, - удовлетворенно закивал маленькой лысеющей головой Гоуст. - Кому, однако, можно поручить предлагаемую вами рискованную "миссию"?

- Это уж ваше дело, - пожал плечами Хазард. - Кадры подобных людей - в ваших руках. Нужен, конечно, очень отчаянный человек, почти самоубийца.

Гоуст снова неслышно зашагал по мягкому ковру кабинета. Генерал Хазард молча наблюдал за ним, критическим взглядом оценивая его щуплую фигуру, в которой не было ничего не только воинственного, но и военного. По сугубо штатскому облику мало чем отличался он от обычных штабных чиновников, каких немало было в военном министерстве. Презируя людей низкорослых, да еще астенического телосложения, Хазард всегда смотрел на генерала Гоуста с тайным превосходством, хотя он и знал, что обладатель столь хлипкой фигуры в делах агентурной разведки - непререкаемый авторитет.

Посидев у Гоуста еще четверть часа, Хазард откланялся наконец. А как только он вышел, Гоуст вызвал к себе полковника Чэндлера.

- Ну, как, полковник, - обратился Гоуст к Чэндлеру, едва тот вошел в кабинет, - все у вас ясно с Дэвисом?

- Да, сэр.

Разведчик Дэвис был тайным агентом международной категории. Он прошел хорошую школу на родине и еще лучшую практику на территории Советского Союза. Но однажды ему не повезло, и он, не выполнив задания, с трудом ускользнул от советской контрразведки. Этого было достаточно, чтобы некоторые руководящие работники разведки перестали ему доверять. Гоуст, однако, не считал Дэвиса навсегда потерянным агентом. Напротив, он видел в нем много достоинств. Прежде всего это был человек преданный и бесстрашный. Ему смело можно было поручить самое рискованное дело.

Гоуст не верил в те обвинения, которые выдвинули против Дэвиса его недоброжелатели, но он и не вступился за него. К тому у начальника разведывательного управления были свои причины. Ему показалось, что неудачная операция обескуражила Дэвиса, лишила на какое-то время веры в себя. При таком его душевном состоянии Гоуст считал невозможным снова посылать Дэвиса в Россию. Нужно было подержать его в резерве, потомить, дать соскучиться по делу. Даже проявленное к нему недоверие Гоуст считал полезным для восстановления боевого духа Дэвиса - злее будет!

Все это время к тому же велось за "опальным агентом" тайное наблюдение, и вот настала наконец пора снова пустить его в дело.

- Мы были к нему несправедливы в последнее время. Как он перенес это? - спросил Гоуст, хотя ему и самому хорошо было известно состояние Дэвиса.

- Обижен, конечно, - ответил полковник. - Но у нас имеются фонограммы всех его разговоров, вплоть до ночного бреда. Дэвис всегда был человеком редкостной, фанатической ненависти к русским, и это осталось в нем. А может быть, даже и усилилось, ибо именно русских считает он виновниками всех своих бедствий.

- В надежности его можно, значит, не сомневаться? - снова спросил Гоуст, перелистывая папку с личным делом Дэвиса.

- Безусловно, сэр. Он соскучился по работе и готов на любое дело.

- Ну, а необычайную кличку его - "Ва-банк" мы так и оставим за ним? - улыбнулся Гоуст, глядя в фотографию Дэвиса.

- Конечно, сэр, - совершенно серьезно ответил полковник.

- Сейчас больше, чем когда-либо, она подходит ему, ибо, как я догадываюсь, в новой операции обстоятельства могут потребовать от него такой ставки, как его собственная жизнь.

- Ну что ж, - заключил Гоуст, приподнявшись со своего кресла и давая этим понять, что аудиенция закончена, - присылайте тогда ко мне Дэвиса, я лично дам ему задание. Подготовьте также Чепстона и Хинсея.

5. Чарльз Каннинг уточняет обстановку

Редактор газеты "Прогресс", в которой работала Керри, был осторожным человеком. Он знал, что сильным мира сего ничего не стоит закрыть его газету, и старался не очень раздражать не только Конгресс, но и военное министерство.

- Мы слишком слабы, чтобы наносить открытые удары, - говорил он обыкновенно в ответ на упреки. - Наш удел — кусать исподтишка.

- Да и кусаем ли мы вообще? - замечали ему на это. - Может быть, только лаем из подворотни?

Керри, уже достаточно знавшая своего редактора, не очень надеялась на то, что он придет в восторг от предложения ее дяди, Джеймса Джессепа. Выслушав от нее даже то небольшое, что ей было известно, Каннинг, как она и предполагала, сразу же замотал своей бритой головой самым категорическим образом.

- Нет, нет, милая Керри! С военным министерством мы на этот раз не будем связываться. Оно и так, видимо, не забыло еще нашего участия в разоблачении "космической" мистификация генерала Хазарда.

Керри, впрочем, не очень огорчил столь категорический отказ редактора. Ей и самой история разжалования Джессепа казалась туманной. Смущало и то, что дядя рассказал ей все это в нетрезвом виде. Разговор с Каннингом состоялся у нее вчера, и она почти не вспоминала о нем больше. Но она глубоко ошибалась, полагая, что редактора не заинтересовало ее сообщение. Он-то ведь лучше, чем Керри, знал, как взволновала общественность таинственная катастрофа с пассажирским самолетом на территории бывшей базы тяжелых бомбардировщиков, носителей ядерного оружия.

Всю ночь не выходил у него из головы рассказ Керри о ее дяде, пострадавшем за что-то в связи с этой катастрофой. Не плохо было бы, конечно, самому повидаться с этим Джеймсом Джессепом, но ведь он опальный и за ним, видимо, ведется наблюдение. К тому же он еще и пьяница... Нет, с ним лично не стоило связываться, а порасспросить у людей, сведущих в военной технике, об этом таинственном "Эн-Джи", упоминавшемся в рассказе Джессепа, не мешает, пожалуй.

Перебрав в памяти всех своих знакомых, Каннинг вспомнил о Генри Марчмонте. Вот кто, пожалуй, может пригодиться! Генри, во-первых, старинный его приятель, а во-вторых, консультант одного из технических отделов военного ведомства. И так как Марчмонт жил неподалеку от редакции "Прогресса", Каннинг заехал к нему утром, направляясь на работу.

Выслушав Каннинга, Марчмонт неопределенно пожал плечами:

- Право, не знаю, Чарльз, чем смогу помочь тебе в этом деле... Они ведь меня ни во что такое не посвящают.

- А ты подумай, старина, кто бы смог помочь нам в этом, - попросил Каннинг. - Работает же у них кто-нибудь еще, с кем ты в добрых отношениях.

- Не знаю, не знаю... - задумчиво проговорил Марчмонт, прохаживаясь по своей маленькой, заваленной техническими справочниками и научными журналами комнатке. - Есть, конечно, такие люди, но ведь у них там все чертовски засекречено. Даже то, что никакого секрета не представляет. Да и не доверяют они никому ничего секретного. Вот если только Писфулу?..

- А ты знаком с ним? - сразу же оживился Каннинг, услышав фамилию профессора Писфула.

- Знаком, и даже в хороших отношениях.

- Так ведь лучшего и желать не надо! - обрадованно воскликнул Каннинг. - Писфул же в

самых близких, почти дружеских отношениях с Хазардом, и ему, конечно, многое известно. К тому же он, несмотря на эту скандальную историю с "марсианами", видимо, порядочный человек. Поговори с ним, пожалуйста, Генри. Очень тебя прошу!

- Ну что ж, попробую, только не очень уверен, что ему известно что-нибудь об этом "Эн-Джи", хотя он и выполняет кое-какие работы для военного ведомства. Главным образом по части радиотехники и телевидения. Боюсь, однако, что все это не имеет отношения к тайне "Эн-Джи".

Они условились, что как только Марчмонту удастся раздобыть что-нибудь, он немедленно даст знать об этом Каннингу.

А Керри, решив, что судьба бывшего начальника базы тяжелых бомбардировщиков нисколько не интересует редактора "Прогресса", все реже вспоминала о своем дяде. Гораздо чаще задумывалась она теперь о Джонне Мунне, с которым не виделась уже несколько дней. Керри понимала, конечно, что Джон занят очень серьезной работой в своей обсерватории, но не мог он разве уделить ей хоть несколько часов в течение почти целой недели?.. А может быть, она вообще надоела ему? Может быть, ей не следовало вести себя так бесхитростно, не скрывая своего расположения к нему? Она знала, конечно, тактику других девушек и женщин в делах подобного рода, однако сама не только была не способна к этим хитростям, но и просто презирала бы себя, если бы решилась на подобную игру.

Но тут она вспомнила, что одну из своих планеток Джонни назвал ее именем, и ей уже захотелось просить прощения у него.

"Нет, я просто очень легкомысленная, вздорная, несерьезная девчонка, - с раздражением думала она о себе. - Сколько уж раз ошибалась я в своих скороспелых выводах о людях! И редактор мой оказался мне сначала бесстрашным борцом за справедливость, а он просто добропорядочный, либерально мыслящий, осторожный делец мелкого масштаба. А дядя, родной брат моей покойной матери? Разве не казался он мне типичным военным карьеристом, твердо шагающим по ступенькам военной иерархии? Оказалось, однако, что и он был простачком, иначе его не вышибли бы так просто из армии, не сделали бы козлом отпущения. Но все эти мои ошибки еще не так страшны, - со вздохом заключила Керри, - не дай только бог ошибиться теперь в моем Джонни..."

6. Джон Мунн встревожен

А Джон в это время думал о другой "Керри", небесной, пришедшей из-за орбиты Марса и поспешно огибавшей Землю с тем, чтобы снова унестись в сторону верхнего нашего соседа. Теперь, когда Джон уже сделал некоторые расчеты, прояснилась "родословная" его "Керри". Астероид этот, видимо, находился прежде на другой, более удаленной от Земли орбите. Пожалуй, даже был соседом Эроса. ("Не плохое соседство для моей "Керри"! - усмехнулся Джон). Но потом где-то там между Марсом и Юпитером, в зоне астероидов, он столкнулся, наверно, еще с каким-то космическим телом и, потеряв часть массы, изменил свою орбиту и приблизился к Земле настолько, что теперь все более подпадал под ее влияние.

Сегодня Мунн надеялся завершить расчеты, которые должны были дать ему окончательный ответ - упадет ли "Керри" на Землю в следующее свое сближение с нею или пронесется мимо? Электронная вычислительная машина, находившаяся в распоряжении Джона, изрядно потрудились за эти дни. Она молниеносно выполняла все его команды, "запоминая" бесчисленное количество исходных данных и решая разнообразнейшие математические и логические задачи.

Джон уже не первый год пользовался этими машинами, делая все нужные ему расчеты самостоятельно и лишь в особо трудных случаях прибегая к помощи вычислительного центра обсерватории. Всякий раз он почти благоговел перед совершенством "электронного мозга" этих машин, выполнявших любую команду за одну десятитысячную долю секунды. А ведь за это время должны были сработать многочисленные электронные реле, фотоэлементы,

электронно-лучевые трубки, разнообразные оптические системы и несколько тысяч электронных ламп...

Но вот Мунн ввел в электронную машину код последней команды. Мгновенно пришли в действие ее вводные и арифметические устройства. "Отстрелялись" электронные пушки кинескопов по диэлектрикам в оперативных и долговременных устройствах памяти. Сработали выводное и дешифрующее устройства, отстучали клавиши телетайпа, и в руках Джона Мунна появилась лента с колонками цифр.

Торопливо пробежав их глазами, Мунн, во избежание ошибки, проделал всю операцию расчета орбиты астероида вторично. Результат был тот же.

Взволнованно прошелся молодой астроном по павильону обсерватории. Вытер платком влажный лоб. Снова перечитал цифры, отпечатанные на ленте. Они подтвердили его предположения. Точный математический расчет имевшихся у него данных о движении Земли и астероида свидетельствовал о неизбежности столкновения...

Удовлетворенность безошибочностью своей догадки лишь на какое-то мгновение заслонила у Джона все остальное. Но почти тотчас же другое, более сильное чувство завладело всеми его мыслями. Поскольку несомненно было, что астероид столкнется с Землей - не избежать, значит, большой беды. Он может, конечно, упасть и в безлюдной части планеты, как Тунгусский или Сихотэ-Алинский. Но не исключено, что обрушится он и на населенную часть какого-нибудь из материков или даже на территорию родной страны Джона Мунна. А это не обычный небесный камешек, какие падают ежедневно, почти не оставляя заметного следа на поверхности земли. Свалится ведь на этот раз целая маленькая планетка.

Чувство тревоги почти не покидало теперь Джона, хотя для того, чтобы точно знать, куда именно упадет астероид, потребуется сделать еще не одну тысячу сложнейших вычислений, куда более совершенными машинами, чем та, на которой он только что работал.

Что же предпринять? Нужно ведь оповестить как-то о грозящем бедствии, если не все человечество, то хотя бы население своей страны. Но как? Выступить по радио? Или, может быть, сообщить об этом через газету? Да, пожалуй, лучше всего через газету. Но какую?..

После некоторого размышления, взвесив все за и против, решил он опубликовать свое открытие в "Прогрессе", и не потому только, что в нем сотрудничала Керри. Мунн знал трезвое направление этой газеты и не сомневался, что его научное сообщение не будет там превращено в сенсацию, обычную для подавляющего большинства органов многотиражной печати его страны.

Директор обсерватории, которому он доложил и о результатах вычислений, и о решении дать в "Прогрессе" первую публикацию о своем открытии, не возражал против этого.

7. "О времена, о нравы!"

Приход Генри Марчмонта хотя и не был неожиданностью для Писфула, однако чем-то встревожил его. Чем именно, профессор и сам не смог бы на это ответить. В последнее время он вообще стал слишком мнительным и нервным. Все теперь настораживало и тревожило его. Он плохо спал ночами, просыпался в холодном поту, с беспокойно стучащим сердцем...

Надо бы послушаться врачей, бросить все к черту, особенно эту неприятную работу для военного ведомства, и поехать на юг, в тихий, уютный санаторий на берегу океана. Но — где там! Разве его выпустит из своих лап генерал Хазард, пока он не завершит испытания портативной коротковолновой радиостанции дальнего действия? Неприятнее же всего было для Писфула то, что станция эта предназначалась, судя по всему, для оснащения тайной агентуры.

- Здравствуйтесь, дорогой мистер Писфул! - радостно проговорил Генри Марчмонт, протягивая руку профессору. - Простите, что без предупреждения, но у меня к вам серьезное дело.

- Серьезное? - удивленно переспросил Писфул и осмотрелся по сторонам, будто опасаясь, что их может подслушать кто-то.

- Вы не один разве? - невольно перешел на шепот Марчмонт.

- Почему вы решили?.. Если не считать вас, то я тут один. Но, знаете ли... - замялся Писфул, снова оглядываясь по сторонам.

Теперь только понял его Марчмонт и невесело рассмеялся. Потом проговорил беспечным тоном:

- А я, знаете ли, хотел предложить вам прогуляться. Не возражаете?..

- О, охотно! День такой чудесный!

Спускаясь по лестнице, Марчмонт взял Писфула под руку и прошептал укоризненно:

- Слушайте, дорогой мой, что же это такое? Даже в собственном доме стали мы бояться разговаривать. Это же...

- Береженого, знаете ли, бог бережет, - усмехнулся Писфул. - Я то ведь лучше вас знаком с техникой тайной звукозаписи.

- Мы же с вами на одно и то же военное ведомство работаем. Почему же...

- Вот именно поэтому-то, - снова усмехнулся Писфул.

- Ну, хорошо! Давайте тогда погуляем по улице.

- А вы не на машине ко мне приехали?.. Ну, тогда я бы предпочел поговорить с вами в вашей машине.

- Ого, каким вы стали осторожным! Даже тайные агенты могут вам позавидовать. О тэмпора, о морэс!¹

В машине Писфул заговорил не раньше, чем она тронулась.

- Ну-с, я слушаю вас, коллега.

- А я уж и разговаривать боюсь, - рассмеялся Марчмонт. - Кто знает, может быть, и в моей машине установлен какой-нибудь тайный микромагнитофончик.

- Этак мы и вовсе вскоре разучимся разговаривать. Давайте все-таки рискнем.

- Но я вижу, дорогой профессор, вы так запуганы, что, пожалуй, нет смысла говорить с вами о том, с чем я пришел к вам. Надеюсь, вы догадываетесь, что я не о прогнозе погоды пришел поговорить с вами?

- Догадываюсь, - без особого энтузиазма отозвался Писфул, рассеянно поглядывая сквозь ветровое стекло на пестрый поток встречных машин. - Выкладывайте, что там у вас.

- Известно ли вам, что я нахожусь в дружеских отношениях с редактором такой газеты, как "Прогресс"? - после некоторого раздумья спросил Марчмонт.

- Нет, это мне не известно, - ответил Писфул, - но, достаточно хорошо зная вас, я не удивляюсь этому. Вы всегда симпатизировали людям с крайними левыми взглядами. Но я не осуждаю вас за это, тем более, что такие люди, как ваш друг, редактор "Прогресса", делают хотя и рискованное, но благородное дело.

- Так вы, значит... - обрадованно воскликнул Генри Марчмонт, но Писфул недовольно прервал его:

- Только, пожалуйста, без выводов. С некоторых пор я стал остерегаться выводов.

- Хорошо, перейдем тогда к делу. Вы слышали, конечно, об этой ужасной авиационной катастрофе в районе базы тяжелых бомбардировщиков? Ну так вот, у редактора газеты "Прогресс" есть сведения, что виной тому было испытание какого-то "Эн-Джи". Не известно ли вам случайно, что означают эти инициалы?

- И вы хотели спросить меня об этом в моей квартире, в которой, наверно, под каждым диваном запрятан микромагнитофон? - удивленно воскликнул Писфул.

- Господи! Неужели это правда? Как же вы живете, как разговариваете в этом аду?

- Почти не разговариваю. А когда молчание становится неумолимо, читаю вслух избранные места из конституции нашей дорогой республики.

- А ночью? Можете же вы сказать что-нибудь такое во сне, что можно было бы

¹ О времена, о нравы! (лат.)

превратно истолковать?

- На ночь я включаю магнитную ленту с записью государственного гимна с такой громкостью, которая могла бы заглушить мой бред, - невозмутимо пояснил Писфул.

- Веселенькое существование! - мрачно усмехнулся Марчмонт, и у него пропала всякая охота расспрашивать Писфула о вещах, интересующих Каннинга. Но профессор, к немалому удивлению Марчмонта, сам продолжил уже начатый разговор:

- Так вы интересуетесь таинственными буквами "Эн" и "Джи"? Генерал Хазард упомянул их недавно в разговоре с каким-то крупным военным чиновником, но я так и не понял, что это такое. Полагаю, однако, что "Эн-Джи" - шифр какого-то нового, очень секретного вида военной техники. Как только узнаю что-нибудь определенное, обещаю сообщить вам. А теперь, если у вас нет ко мне других вопросов, высадите меня где-нибудь возле метро. Домой мне лучше всего добраться с его помощью.

В тот же день Генри Марчмонт позвонил Каннингу из уличной будки телефона-автомата.

- То, о чем ты просил меня, Чарльз, узнать пока не удалось и боюсь, что не удастся. Говорю это тебе затем, чтобы ты не очень на меня надеялся, а предпринимал кое-что и сам.

- Крепко, значит, держат в секрете?

- Крепко.

- Ну, тогда тем более важно разгадать этот секрет.

Посоветовавшись со своим заместителем, Каннинг решил послать Керри Демпси в Сэнди-Таун. Городок этот был ближайшим от бывшей базы тяжелых бомбардировщиков населенным пунктом. Каннинг надеялся, что Керри удастся узнать там кое-какие подробности об аварии, происшедшей с пассажирским самолетом в районе этой базы.

8. Открытие Джона Мунна производит сенсацию

Заметка Керри Демпси об открытии Джона Мунна появилась в газете "Прогресс" лишь на другой день после отъезда Керри из ГрэндСити. Хотя Джон установил совершенно точно, что его астероид должен упасть на Землю, решено было сообщить об этом лишь предположительно, чтобы раньше времени не тревожить читателей возможностью катастрофы. Заметка эта вообще мало кем была замечена в связи с небольшим тиражом "Прогресса". Но то, чего не сделала эта газета, сделали другие, многотиражные, не только перепечатавшие сообщение "Прогресса", но и прокомментировавшие его соответствующим образом.

Не отставали от газет и радиокompании. А по телевидению была даже организована специальная лекция с демонстрацией фотографий и кинокадров имеющихся на земной поверхности кратеров метеоритного происхождения. В этих сообщениях и лекциях уже не предполагалась, а утверждалась неизбежность падения астероида Джона Мунна на Землю. Высказывались даже предположения, куда именно мог он упасть.

Астрономическая новость эта, поданная в сенсационном виде, оказалась очень выгодной для больших газет. Тираж их заметно вырос, тем более, что многие редакции в связи с широким интересом читателей к астероидам и метеоритам начали печатать не только статьи о метеоритном происхождении лунных кратеров и кольцевых гор, но и главы из наспех написанных научно-фантастических романов.

Страсти вокруг астероида Джона Мунна разгорались. Вскоре в Конгресс стали даже поступать запросы о том, что намерено предпринять правительство в связи с предстоящим падением космического тела. Заинтересовался этим и заместитель главы государства мистер Кэсуэл. Его, правда, обеспокоил не сам факт возможного падения астероида, а поднятая вокруг него шумиха, начавшая сказываться на деловой жизни государства.

Отреагировали на новую газетную сенсацию и курсы некоторых акций.

К мистеру Кэсуэлу срочно был вызван директор Центральной обсерватории Грэнд-

Сити, которому был задан вопрос: действительно ли астероид, обнаруженный астрономом Джоном Мунном, может упасть на Землю?

- Да, сэр, - не задумываясь, ответил директор обсерватории, так как он лично проверил и уточнил все расчеты Мунна.

- И это солидное космическое тело? - спросил мистер Кэсуэл, имевший весьма смутное представление об астероидах, так как не интересовался астрономией со времени своего пребывания в колледже, а это было около полувека назад.

- Да, сэр. Таких давно уже не падало на нашу Землю.

- А он не может сгореть в атмосфере, как многие другие небесные камни?

- Против такой глыбы атмосфера наша почти бессильна.

- Ну, а куда может упасть эта небесная гостья?

- Пока сказать трудно. Ведем тщательные вычисления. Недели через две - три выяснится.

Разговор этот не очень встревожил вицепрезидента. "Мало ли на земном шаре места? - беспечно подумал он. - Почему бы не упасть этому астероиду в один из наших океанов?.."

Но так как мистер Кэсуэл являлся акционером многих компаний, предприятия которых были расположены в Грэнд-Сити (а этот сумасбродный астероид мог ведь упасть и на Грэнд-Сити!), он стал с большим вниманием относиться к газетным сообщениям, касавшимся метеорного тела. Особенно взволновала его опубликованная в "Сирене" гипотеза, согласно которой легендарная Атлантида погибла будто бы в результате падения у ее берегов гигантского метеорита.

Более всего, однако, повлиял на мистера Кэсуэла разговор со специалистом по метеоритике Бернадом Стоуном. Он сообщил, что при скорости метеорита, равной приблизительно пяти километрам в секунду, действие всей разрушенной массы его и грунта в зоне удара о Землю будет эквивалентно действию такой же массы взрывчатого вещества. А при скорости в шестьдесят километров в секунду взрывное действие метеорита будет в тысячу раз превышать действие взрывчатого вещества такой же массы.

- А с какой же скоростью влетают к нам эти метеориты? - спросил мистер Кэсуэл.

- Минимальная скорость метеорита, который догоняет Землю или, наоборот, настигается Землей, равна одиннадцати и двум десятым километра в секунду. У встречного же скорость может достигать семидесяти километров в секунду и даже более того.

"Да, - подумал с тревогой мистер Кэсуэл, - эта планетка Мунна может, пожалуй, сыграть с нами скверную шутку..."

9. Астероид "Керри" - в центре внимания

По инициативе мистера Кэсуэла вопрос о предстоящем падении астероида был вынесен на заседание одной из комиссий Конгресса. Вызванные на это совещание видные ученые, тщательно изучившие материалы Центральной обсерватории, подтвердили не только факт неизбежности падения астероида на Землю, но и то немаловажное обстоятельство, что упадет он на западное полушарие ее.

Что же касается предотвращения катастрофы в случае если космическое тело должно будет упасть в каком-нибудь промышленном или густонаселенном районе страны, то тут должны были, по их мнению, сказать свое слово специалисты по атомной артиллерии, межконтинентальным ракетам и управляемым снарядам дальнего действия. Ученые полагали, что современными средствами ракетной техники и ядерного оружия можно будет обстрелять этот астероид где-то за пределами атмосферы или хотя бы в верхних слоях ионосферы с тем, чтобы разбить его там на более мелкие части, а уж атмосфера сама потом завершит их уничтожение. И если даже осколки астероида не сгорят в ней целиком, они не смогут уже причинить такого ущерба, как огромная сплошная масса астероида.

- Сколько же и какие конкретно средства потребуются для этой цели? - спросил мистер

Кэсуэл.

- А это уж должны подсчитать артиллеристы и военные инженеры, - ответил председатель ученой комиссии, готовивший материал для Конгресса. - Мы же подготовим для них все необходимые данные: точный размер поперечника астероида, его класс и массу. Дадим также скорость, направление полета и элементы орбиты. Дополнительные данные наши электронные вычислительные машины будут готовить уже в самый момент приближения астероида к Земле.

- Не возникнет ли опасность радиоактивного заражения атмосферы в результате интенсивного обстрела астероида атомными снарядами? - с тревогой спросил мистер Кэсуэл.

- Не думаю, - ответил председатель ученой комиссии. - Обстрел ведь будет происходить на высоте нескольких тысяч километров от поверхности Земли, то есть практически уже за пределами атмосферы.

- А для этого потребуются, значит, очень совершенные артиллерийские средства?

- Да, конечно, от меткости и дальности этих средств будет зависеть многое.

В тот же день был сделан запрос военному министерству. Однако военные специалисты с присущей им осторожностью в делах подобного рода воздержались даже от приблизительного ответа, заявив, что им необходимо серьезно изучить этот вопрос. Подготовка ответа Конгрессу была поручена военным министерством генералу Хазарду, как специалисту по управляемым снарядам дальнего действия. Хазард в тот же день собрал совещание военных инженеров, артиллеристов и представителей нескольких компаний, выполняющих военные заказы. Он коротко ввел их в курс дела и предложил высказаться.

- Всю нашу наземную атомную артиллерию нужно сразу же исключить, - первым взял слово хмурый старичок генерал-лейтенант корпуса инженеров. - Она способна решать только тактические задачи. А тут цель, как я это понимаю, сверхстратегическая. Полагаю в связи с этим, что слово за специалистами по управляемым снарядам.

- Позвольте и мне, сэр, сказать свое мнение, - поднялся высокий, худощавый контр-адмирал. - Боюсь, что и наши морские управляемые реактивные снаряды типа "Регюлес" окажутся тут бессильными. Вряд ли подойдут для этого и снаряды класса "земля-воздух" и "воздух - воздух".

Хотевшего было присоединиться к контр-адмиралу генерал-майора Хазард остановил раздраженным замечанием:

- Вы тоже, конечно, хотите сказать, что ваши зенитные снаряды типа "Найк" и самолеты-снаряды типа "Матадор" не годятся для этого? Но нельзя же так примитивно понимать цель сегодняшнего нашего совещания. Конечно же, все, что мы имеем в настоящее время на вооружении, не решит предстоящей задачи. Нам предстоит, видимо, создать совершенно новую систему баллистических снарядов дальнего действия или управляемых самолетов снарядов, если, конечно, позволит время. Вот об этом-то я и хотел с вами посоветоваться. Нам надлежит решить, что можно было бы взять за основу. Что вы скажете об автономно управляемых системах с позиционными гироскопами?

- Насколько я понимаю, - снова заметил сердитый старичок генерал, - ракеты наши должны обстреливать космическую цель где-то за пределами атмосферы?

- Совершенно верно, - подтвердил Хазард.

- В таком случае следует применять не гироскопическую систему управления, а астронавигационную, точность работы которой не зависит от дальности полета.

- А я полагаю, что тут следует применить "программное наведение" по вычисленным данным предполагаемой траектории полета астероида вблизи Земли, - заметил полковник корпуса инженеров, специалист по электронике.

- Не возражаю, - буркнул Хазард, недолюбливавший этого инженера, никогда не упускавшего случая щегольнуть своей ученостью. - Для увеличения высоты полета нужно будет использовать также многоступенчатые ракеты.

- А что вы имеете в виду под многоступенчатыми? - снова спросил полковник. - Мне думается, что тут потребуются такие, с помощью которых русские запустили свою

искусственную планету...

- Будут и у нас такие! - грубо оборвал военного инженера Хазард, у которого всякое напоминание об успехах советской техники вызывало приступы ярости.

Военный инженер оказался человеком не робкого десятка. Он не захотел сдаваться и возразил Хазарду:

- Не следует, однако, забывать, что времени у нас не так уж много...

- Так что же вы предлагаете, черт побери? - снова раздраженно прервал его Хазард. - Просить помощи у русских?

- До этого, может быть, и не дойдет, - спокойно заметил инженер. - А для ускорения поисков наиболее эффективных средств борьбы с астероидом я предлагаю воссоздать всю картину предстоящего космического сражения с помощью электронных имитаторов, применяемых у нас на флоте для учебных целей. Вообще надо смелее и шире использовать кибернетическую технику, если только мы не хотим отстать от века...

Генерал Хазард, не на шутку обозленный замечаниями и советами военного инженера, решил, что не следует больше либеральничать, и грубо прервал его, заявив, что тут не место для дискуссий. Хотя инженеру и пришлось после этого замолчать, престиж его не был подорван.

- Смелый человек этот полковник, - шепнул на ухо старичку генералу контр-адмирал, кивнув в сторону военного инженера. - Не боится перечесть начальству.

- Был бы я женат на дочери военного министра, тоже продемонстрировал бы свою храбрость, - сердито буркнул в ответ генерал.

Обменявшись мнением со своими экспертами еще по ряду технических вопросов, генерал Хазард объявил, что правительство, видимо, в самое ближайшее время ассигнует на работы по созданию сверхвысотных управляемых ядерных ракет и снарядов значительные средства. В связи с этим нужно было немедленно комплектовать конструкторские группы, и он тут же наметил руководителей этих групп.

Уходя с совещания, старичок генерал взял под руку контр-адмирала и не без зависти шепнул ему:

- Обратили вы внимание, что на этом совещании присутствовали только представители тех компаний, акциями которых владеет наш уважаемый мистер Хазард? Можете не сомневаться — он и на падении астероида заработает не меньше, чем на вторжении "марсиан".

А на следующий день стало известно, что военный министр, не очень довольный результатами совещания, проведенного генералом Хазардом, распорядился о создании специальной комиссии. Ей поручалось совместно с астрономами и специалистами по кибернетике разработать широкий план оборонительных мероприятий против вторжения астероида в воздушные пространства западного полушария. Возглавил теперь эту комиссию помощник военного министра генерал Герберт Рэншэл.

10. В поисках разгадки тайны "Эн-Джи"

Керри вернулась в Грэнд-Сити только спустя пять дней.

Сразу же, прямо с вокзала, она позвонила Джону в обсерваторию и назначила ему свидание в своем любимом кафе.

Они встретились в девять вечера, и Керри так была счастлива, увидев его, что совсем забыла о множестве серьезных вопросов, которые собиралась ему задать. Она смотрела на добродушное, счастливо улыбающееся лицо Джона с таким сосредоточенным вниманием, будто не видела его целую вечность, и все искала в нем какую-нибудь перемену.

- Ах, Джонни, знали бы вы только, как я соскучилась по вас! - простодушно прошептала она. - А вы, наверно, и не вспомнили обо мне ни разу?

- Боже мой, что вы говорите такое, Керри! - воскликнул Джон и стал горячо целовать ее

руки. - Как только могло прийти вам в голову такое нелепое предположение? Да я без вас буквально места себе не находил...

- Ну, уж этого вы не сочиняйте, - рассмеялась Керри. - А когда другой, небесной "Керри" увлекались, забыли разве, что мы тогда за целую неделю даже не встретились ни разу. Я ведь в те дни просто ненавидела эту. вашу новую "Керри". И не зря. Вот ведь она какой оказалась! Бог знает, что говорят теперь о ней и пишут. Какой переполох наделала! Неужели правда все это, Джонни? В самом деле, разве может она причинить нам столько бед?

- Об этом рано еще говорить, - уклончиво ответил Джон. - Достоверно известно пока только одно - астероид войдет в атмосферу Земли со стороны нашего полушария и, вероятнее всего, упадет в океан, либо в какую-нибудь пустынную местность.

А вам не стоит забивать себе голову всеми теми ужасами, которыми запугивают теперь наших обывателей газеты. Расскажите лучше, как съездили?

- Неудачно, Джонни.

- Так что же вы молчите? Рассказывайте поскорее, что приключилось с вами!

- Ничего особенного, Джонни, - устало проговорила Керри. - Просто я не выполнила задания моего редактора.

Керри действительно ничего не узнала в Сэнди-Тауне о причине катастрофы пассажирского самолета. Об этом ходили только совершенно фантастические слухи. Более или менее правдоподобным был лишь рассказ врача местной больницы о том, что он отправил в военный госпиталь соседнего городка трех человек с признаками лучевой болезни. Сообщил он это Керри под большим секретом, да и то после того только, как узнал, что она племянница подполковника Джеймса Джессепа, с которым врач был лично знаком.

Когда Керри доложила все это Чарльзу Каннингу, он сокрушенно вздохнул и заявил почти безнадежно:

- Похоже, что этой тайны нам теперь уже не разгадать. Я ведь в ваше отсутствие тоже пытался кое-что предпринять, но безрезультатно.

А когда Каннинг уже совсем пал духом, к нему неожиданно зашел Генри Марчмонт. Каннинг отнесся к визиту этому почти равнодушно, не допуская и мысли о том, что Генри может сообщить что-нибудь интересное. Оказалось, однако, что он пришел с важными вестями.

- Я, знаешь ли, и сам уже перестал надеяться, что Писфул сообщит мне что-либо, если даже ему станет известна тайна "Эн-Джи", - возбужденно говорил Генри, теребя пуговицу на пиджаке Каннинга. - Уж очень запугали они профессора тайной слежкой. Они, понимаешь ли, установили за ним...

- А ты не мог бы сразу перейти к главному? - перебил Марчмонта Каннинг, осторожно отстраняя его руку от своей пуговицы. - Ты же сам должен понимать, как мне не терпится...

- Хорошо, пожалуйста. Ты только не думай, что я пришел сообщить тебе что-нибудь особенное.

- Идешь на попятную? - усмехнулся Каннинг.

- Нет, зачем же... Да вот слушай сам. С Писфулом мы встретились сегодня утром. Так, будто невзначай. Он старик хитрый, вернее, его вынуждают быть хитрым, подстроил все так, что, если бы за ним и следили, ни за что не догадались бы, что он специально искал встречи со мной. Ну, ладно, ладно, не хмурься! Короче все равно этого не расскажешь. Не думай, что он пришел ко мне и так вот прямо выложил, что "Эн-Джи" - это, мол, то-то и то-то. Ничего подобного. Тут все на догадках, на интуиции...

- А я тебя и не тороплю, - уже совершенно спокойно заметил Каннинг, понявший наконец, что чем больше будет он торопить Марчмонта, тем длиннее тот будет рассказывать.

- Ну, так вот, - продолжал Генри, выпив несколько глотков воды из стакана, стоявшего на столе Каннинга, - встретились мы с Писфулом, и он мне в самых осторожных выражениях сообщил, что по заданию одного из отделов военного ведомства сконструировал им коротковолновую радиостанцию, рассчитанную на дальнейшее действие. Дал мне понять при.

этом, что предназначалась она для оснащения тайной агентуры. С опытным образцом этой радиостанции они уже послали какого-то типа, видимо, в Советский Союз, но у них что-то не ладилось с приемом. И вот они пригласили Писфула послушать одну из его передач и определить, что мешает четкости приема.

Каннинг, хотя и не решался больше перебивать Марчмонта, слушал его с явным недоумением. Ему непонятно было, какое отношение могла иметь сконструированная Писфулом коротковолновая радиостанция к "Эн-Джи". Насколько он мог догадываться, "Эн-Джи" имел, видимо, какое-то отношение к взрывной технике, но никак уж не к радио. Нужно было набраться терпения и дослушать рассказ до конца.

- Передача велась, конечно, шифром, и Писфул в ней ничего не понял, - продолжал Марчмонт. - Однако те, кто пригласили Писфула для консультации, переговаривались между собой. Вот по этим-то их разговорам профессор и сообразил вскоре, что тайный агент, пользующийся его радиостанцией, заслан в Советский Союз с этим самым "Эн-Джи"...

- И это все?

- Да, все. Я же предупреждал тебя, что ничего особенного сообщить не смогу, но ты подумай и над этим. Если с "Эн-Джи" связана катастрофа пассажирского самолета, а может быть, и другие, неизвестные нам бедствия, то нетрудно сообразить, с какой целью отправился в Советский Союз тайный агент, пользующийся коротковолновой радиостанцией профессора Писфула. Разве все это не серьезно?

- Серьезно, Генри. Может быть, даже гораздо серьезнее, чем мы с тобой полагаем. Потому-то теперь для нас особенно важно точно знать, что такое "Эн-Джи". А больше Писфул ничего там не услышал?

- Значительного, пожалуй, ничего больше, - подумав немного, ответил Марчмонт. - Слышал он еще нечто вроде возгласа азартных картежников - "Ва-банк!". Повторялось это в их разговоре несколько раз, и Писфул почему-то решил, что это может быть какой-то кличкой или позывным. Я лично полагаю, что это просто жаргонное словечко разведчиков. Но ты и над этим подумай, может быть, пригодится.

- Спасибо, Генри, подумаю и над этим.

11. Поиски подполковника Джессепа

Так как Керри весь этот день была на конференции учителей негритянских школ, о работе которых должна была дать статью, Каннинг пригласил ее к себе только на следующий день утром.

- Помните, Керри, вы мне рассказывали что-то о вашем дяде, подполковнике Джессепе? - спросил Каннинг, протягивая девушке коробку с мятными конфетами. Он недавно бросил курить и, по совету врача, сосал теперь эти конфеты, щедро угощая ими всех сотрудников редакции.

- Да, мистер Каннинг, помню.

- А не могли бы вы познакомить меня с ним?

- Но ведь вы же сами отказались тогда от такой встречи, - удивилась Керри.

- Тогда я еще не знал некоторых подробностей происшествия на базе тяжелых бомбардировщиков, начальником которой был ваш дядя. Теперь же мне известно кое-что...

- Что же именно, мистер Каннинг? - нетерпеливо спросила Керри. Ее всегда немного раздражала манера Чарльза Каннинга "выматывать душу" неторопливостью рассказа, хотя от других он обычно требовал предельной лаконичности.

- Точно, видите ли, дорогая Керри, никто не знает ничего определенного. Однако из достоверных источников мне стало известно, что там произошло нечто очень серьезное. Вот я и решил в связи с этим, что дядя ваш, подполковник Джессеп, мог бы, пожалуй, рассказать нам кое-что интересное. Как вы смотрите на то, чтобы пригласить его к нам в редакцию?

- Но ведь вы же боитесь неприятностей со стороны военного министерства, -

усмехнулась Керри. - А дядя расскажет нам, наверно, такую историю, разоблачение которой едва ли понравится военному министерству.

- Ничего, Керри, - самодовольно усмехнулся Каннинг, - пусть только он расскажет нам ее, а уж мы постараемся и миру о ней поведать, и самим не пострадать.

Чарльз Каннинг действительно умел так подать многие разоблачительные материалы, что к нему очень трудно было придаться и обвинить в нелояльности. Керри, однако, не знала, чем считать это - проявлением хитрости, осторожностью или трусостью, боязнь вступить в открытый бой?

- Хорошо, - сказала она, подумав немного, - я попробую разыскать его.

Но разыскать бывшего начальника базы тяжелых бомбардировщиков оказалось не так-то просто. Керри знала, что жена дяди умерла уже несколько лет назад и теперь у него никого, кроме взрослой дочери, не было. "Где ему находиться теперь, как не у дочери", - решила Керри и направилась к своей двоюродной сестре Минни.

Минни с дочкой Пегги и мужем Гарри Крейджером, служащим какого-то государственного учреждения, проживали в маленьком домике в пригороде Грэнд-Сити, и Керри пришлось попросить у редактора машину, чтобы добраться туда. Она сама села за руль и через четверть часа была у Крейджерей.

Ни Пегги, ни Гарри дома не оказалось, и Керри могла поговорить с Минни без помех. Двоюродные сестры не очень дружили, и не потому только, что Минни была на несколько лет старше Керри, но и по той еще причине, что круг их интересов был различен. Встречались они в связи с этим очень редко, большей частью случайно, и не удивительно было, что приезд Керри встревожил Минни.

- Случилось что-нибудь? - испуганно спросила она, не ответив даже на приветствие Керри.

- Ничего не случилось, Минни. С чего это ты решила?

- Ах, Керри, - дрогнувшим голосом проговорила Минни, - я так беспокоюсь о папе.

- А что с ним? - насторожилась Керри.

- Не знаю... Просто он исчез куда-то. После увольнения из армии он вообще стал очень странным. Запил, говорит бог знает что, а на прошлой неделе вообще исчез...

- Как исчез?!

- Ушел и не вернулся, - всхлипывая, проговорила Минни. - И знаешь, я опасаясь самого худшего...

- Чего же именно?

- Его могли арестовать...

- Почему ты так думаешь?

Минни долго молчала, опустив глаза, потом вдруг разрыдалась. Керри поспешила на кухню и принесла ей стакан холодной воды. Успокоившись, Минни огляделась по сторонам, будто опасаясь, что ее может кто-нибудь подслушать, и прошептала:

- Боюсь, что это Гарри донес на него. Только ты, пожалуйста, не осуждай его... Он ведь на государственной службе, и у них сейчас идет новая проверка лояльности. Ты сама знаешь, что это такое, а у нас семья и почти никаких сбережений. И потом ведь папу все равно арестовали бы и уж тогда бы нам не сдобровать...

Да, Керри знала, что такое "проверка лояльности". Согласно положению об этой проверке, заподозренным в нелояльности мог быть всякий, кто, по мнению комиссии, сочувствует или

когда-либо сочувствовал коммунизму, относится или когда-либо относился сочувственно к лицам, которые якобы сочувствовали коммунизму. Мало того - одного только общения с этими людьми или проявления чрезмерной словоохотливости в их присутствии было достаточно, чтобы оказаться зачисленным в "нелояльные" со всеми вытекающими из этого последствиями.

Было известно Керри и то, что комиссия по проверке лояльности не требует предъявления обвиняемому доказательств его вины. Считалось излишним также ведение при

разборе дела какого бы то ни было протокола. Вообще не требовалось, чтобы заключение комиссии по проверке лояльности основывалось на каких-либо доказательствах. Керри, как журналистка прогрессивной газеты, слишком хорошо знала все это. И все-таки ее неприятно поразило то, что Минни не только считает возможным донос мужа на ее отца, но еще и оправдывала своего Гарри. Керри не очень-то любила дядю Джеймса (да его и не за что было любить), но Минни показалась ей вдруг отвратительной. Сухо попрощавшись с нею, она поспешила к своей машине.

12. Генерал Рэншэл недоволен "миссией" Дэвиса

По тому, что Гоуста вызвал не сам министр и не кто-либо иной из высокопоставленных лиц, а именно помощник министра Герберт Рэншэл, Гоуст догадался, что разговор будет не из приятных.

"Наверно, все из-за этого Дэвиса, - с досадой подумал Гоуст, сидя в пустом кабинете, в который пригласил его адъютант Рэйшэла. - Я так и знал, что не обойдется без неприятностей... В том, впрочем, что послали мы его с рискованной целью, не главная беда, а вот что не свяжемся с ним никак-это похуже. Конечно, наладить связь на таком расстоянии не так-то просто, все-таки это очень меня тревожит..."

Рэншэл вошел в кабинет через боковую дверь, и Гоуст не сразу его заметил. Холодно кивнув Гоусту, он сел за свой письменный стол и принялся просматривать какие-то бумаги. Выражение лица его было совершенно спокойным, но Гоуста оно не обманывало.

- Известно ли вам, генерал, - почти равнодушным тоном произнес наконец Рэншэл, - что комиссия военного министерства, состоящая из опытейших наших специалистов и представителей науки, закончила вчера свою работу.

- Да, сэр, известно.

- Ну, а выводы ее вам тоже известны? Знаете ли вы, что одними только нашими средствами вряд ли удастся раскрошить астероид?

- Я был бы плохим начальником разведывательного управления, сэр, если бы не знал и этого, - ответил генерал Гоуст, все еще не понимая, к чему Рэншэл завел этот разговор.

- Обстановка в общем такова, что придется, может быть, обратиться за помощью к русским.

- К русским? - удивился Гоуст.

- Да, не исключено. Во всяком случае, нужно быть готовыми и к этому. Обстрел астероида придется ведь вести на высоте примерно трех тысяч километров над поверхностью Земли. Да и цель будет не неподвижной, а несущейся с космической скоростью. Вероятность попадания в такую цель незначительна. К тому же у нас нет ни того опыта, ни тех средств, которыми обладают русские, сумевшие запустить не только гигантские искусственные спутники, но и, преодолев земное притяжение, вырваться на просторы межпланетного пространства нашей солнечной системы.

- Конечно, все это совершенно необычайно, - согласился Гоуст. - Подобной битвы еще не приходилось вести не только нам, но и вообще человечеству. Это я хорошо понимаю. Неясно мне только одно - какое отношение имеет все это к разведывательному управлению, которое я возглавляю? Не спутали же вы меня с начальником артиллерийского управления и не случайно же вызвали к себе?

Рэншэл пристально посмотрел в глаза Гоусту и спросил, жестко выговаривая слова:

- А посылка вашего Дэвиса и других агентов в Советский Союз не имеет разве ко всему этому никакого отношения?

- Я не понимаю вас, сэр? - с притворным недоумением проговорил Гоуст, а сам подумал: "Я не ошибся. Действительно, значит, из-за этого Дэвиса предстоят мне неприятности..."

- Не понимаете? С каких это пор стали вы таким непонятливым? Как, по-вашему, с

большой охотой будут помогать нам русские, если только им станет известно, с какой целью посланы к ним ваши агенты?

"Ну, в этом-то, положим, не только моя вина, - с некоторым облегчением подумал Гоуст. - Тут больше генерал Хазард и те, кто ему покровительствуют, повинны..."

- Но, позвольте, сэр, - теперь уже более бодрым голосом заметил Гоуст, - разве известно, что астероид упадет именно на нас? Он может упасть и на их территорию, как, например, Тунгусский или Сихотэ-Алинский метеориты. Ну и пусть тогда падает. Я не очень-то буду расстраиваться, если даже упадет он на их Москву. Зато если мы раньше времени обратимся к ним с предложением совместных действий, отступить потом будет труднее.

- В том-то и дело, генерал, что отступить не придется. Теперь уже достоверно известно, что астероид упадет на наш континент. Неясно только, куда именно.

- Тогда это, конечно, другое дело, - разочарованно развел руками Гоуст. - Но насколько я понимаю русских (будем говорить об этом начистоту, отбросив всякие пропагандистские соображения), они не откажут нам в помощи. Люди они трезвые и прекрасно понимают, что, если даже астероид и упадет на какой-нибудь наш промышленный центр, мы от этого не перестанем существовать как мировая держава. В подобной ситуации им просто выгодно помочь нам и завоевать тем самым симпатии нашего народа. Нам же в политическом отношении выгоднее потерять любой промышленный центр, чем просить помощи у русских.

Рэншэл задумчиво прошелся по кабинету, распахнул окно, постоял возле него, вдыхая свежий утренний воздух, и, повернувшись к Гоусту, произнес:

- С вами нельзя было бы не согласиться, если бы не портили нам всего дела ваши агенты во главе с Дэвисом. Насколько я понимаю, они должны не только разведать кое-что, но и произвести грандиозную диверсию. Представляете себе, что будет, если они попадутся в руки советской контрразведки? Ну да и не в этом только дело. К подобным скандалам мы уже привыкли. А вот как наши граждане отнесутся ко всему этому? Вот я чего боюсь... А нельзя ли нам отозвать Дэвиса назад? Или хотя бы приказать ему не осуществлять полученного задания?

Генерал Гоуст попросил разрешения закурить. Нервно пуская мелкие колечки дыма, он не очень уверенно заметил:

- Постараемся что-нибудь предпринять, сэр. Нужно только согласовать все с министром. Это ведь не моя только инициатива с посылкой Дэвиса в Россию.

- Да, заварили вы кашу, - вздохнул Рэншэл, закрывая окно и усаживаясь за свой стол. - Сегодня же попробую поговорить об этом с министром, а вы попытайтесь все-таки связаться с вашими агентами. Может быть, и удастся как-нибудь предотвратить скандал.

- Слушаюсь, сэр.

13. Подполковник Джессеп дает о себе знать

На следующий день у Керри снова был разговор с редактором.

- Знаете, Керри, что творится в городе? - спросил ее Каннинг. - Грэнд-Сити полон самых тревожных слухов. Говорят ужасные вещи... Не всему, конечно, можно верить, но доля истины во всем этом есть. Мне и самому известно из довольно авторитетных источников, что астероид упадет не только на наше полушарие, но и на наш континент. Некоторые уверяют даже, что на соседний с нами, самый населенный штат. Жертвы могут быть колоссальные...

Керри тоже наслышалась всяких разговоров, и все это не было для нее новостью.

- Ну, а что же думает предпринять наше правительство? - озабоченно спросила она.

- В том-то и дело, что правительство занимает очень неопределенную позицию. Ученые и военные специалисты считают, например, возможным раздробить этот астероид современными средствами ракетной техники. И выясняется, что сделать это можно лишь с помощью русских.

- Ну и что же? - удивилась Керри. - Разве русские откажут нам в такой помощи?

- Русские-то не откажут, наверно, но их, оказывается, и не хотят просить об этом, - с горечью заявил Чарльз Каннинг.

- Мало того, русским собираются, к тому же, подложить свинью. Точно я не знаю, что именно, но, видимо, какую-то грандиозную диверсию. Очень уж подозрительным был взрыв атомной бомбы на бывшей базе тяжелых бомбардировщиков. Не нравится мне это... Понимаете, как важно нам теперь разыскать во что бы то ни стало вашего дядю?

Керри растерянно развела руками.

- Где найдешь его... Они, наверно, уже упрятали дядю в надежное место.

- И все-таки, Керри, нужно попытаться разыскать его во что бы то ни стало. Вы освобождаетесь с сегодняшнего дня от всех прочих обязанностей. Главная ваша задача - розыски подполковника Джессепа. Можете взять себе в помощь любого сотрудника редакции.

Керри никогда еще не видела Чарльза Каннинга столь решительным. Голос, выражение лица, жесты - все теперь было неузнаваемо в этом далеко не молодом уже и обычно таком медлительном человеке.

Отказавшись от помощников, Керри попросила лишь машину и сама объездила почти все кабачки и кафе Грэнд-Сити. В дорогие рестораны она не заезжала: дядя не решился бы появиться там. Все, однако, было безрезультатно. Да Керри и не надеялась на удачу. Она не сомневалась, что дядя либо арестован уже, либо уехал из Грэнд-Сити.

Усталая и недовольная собой (хотя винить себя было не за что) вернулась Керри домой. Мать сообщила, что в ее отсутствие звонил кто-то, оставил свой телефон и очень просил в десять вечера непременно ему позвонить. Номер телефона не был знаком Керри, к тому же она так устала, что не имела ни малейшего желания ни встречаться, ни разговаривать ни с кем, кроме, конечно, Джонни.

Однако, отдохнув немного, она снова вспомнила о записанном матерью телефоне и посмотрела на часы. Было без трех минут десять.

"А может быть, позвонить все-таки?.."

Нехотя набрала она номер, указанный в записке. Ей отозвался незнакомый хриплый голос.

- Керри?! Это ты, Керри? Узнаешь ты меня, Керри?.. - торопливо заговорил он, и девушка узнала теперь голос Джессепа. Дядя не хотел, видимо, называть себя, и Керри поняла это. Они условились встретиться через час в маленьком спортивном кафе "Геракл", находившемся почти на самой окраине города. Керри тотчас же сообщила об этом Каннингу, не называя фамилии дяди, но так, чтобы он понял, о ком идет речь.

- Вы поедете? - с тревогой спросил Каннинг.

- А как же? - удивилась Керри.

- Может быть, прислать к вам кого-нибудь?

- Нет, не нужно. Пришлите только машину.

Потом Керри набрала номер телефона Мунна.

- Здравствуйте, Джонни! Чем занят у вас сегодняшний вечер? Ничем особенным? Ну и очень хорошо. Вы ведь, кажется, храбрый мужчина?

Джон ответил ей что-то, от чего она весело рассмеялась.

- Ну, я и не сомневалась в этом. Значит, вы не откажетесь сопровождать меня в одну не совсем безопасную поездку?

- Опять на концерт какого-нибудь негритянского певца? - спросил Джон.

- Нет, не на концерт, но, может быть, на нечто более опасное. Ну, так я заеду за вами.

- Вы сумасшедшая, Керри? - тревожно проговорил Джон, как только машина остановилась у подъезда его дома. - Куда это вы собрались?

- А вы что, уже перепугались? - рассмеялась Керри. - Что это вид у вас такой возбужденный?

- Как вы могли, Керри, подумать обо мне такое? Я просто бегал к одному моему приятелю одолжить револьвер.

- Ну, до этого-то дело, может быть, и не дойдет. Садитесь, дорогой расскажу вам обо всем.

14. Разгадка смысла таинственных букв

В полупустом кафе "Геракл" Керри не сразу узнала Джессепа в обросшем рыжей щетиной, спившемся мужчине. Он первым заметил ее и молча помахал рукой. Керри села за его столик и не без сострадания посмотрела в опухшие глаза дяди. На висках его заметно проступали узловатые жилки, каких не было раньше. Костюм Джессепа был таким же помятым, как и лицо. Керри почти не сомневалась, что он сейчас, как и в тот раз, спросит, удивляется ли она? Но дядя не задал такого вопроса. Но он не спросил и ничего другого.

Понимая, каково ему, Керри терпеливо ждала. Джон, вошедший в кафе несколько позже ее, устроился неподалеку и незаметно стал наблюдать за ними.

- Пришла, значит... - проговорил наконец дядя. - Думал - не придешь. Дочка моя не пришла бы... Да, ничего себе детки пошли! - горько усмехнулся он. - Зятек особенно... Такие и за пятнадцать сребреников продадут. По дешевке... Ну, да черт с ними! Ты прости меня, Кэрри, что я тебя сюда пригласил. Больше не увидимся, может быть... Уеду я сегодня из этого города навсегда и решил вот на прощание историю тебе одну рассказать. Редактор твой трус, видно, но ты сможешь это и в другой газете напечатать.

Он почесал грязными, давно не подстригавшимися ногтями щетинистую бороду, выпил залпом содержимое своей рюмки, поморщился и, не закусывая, продолжал:

- Я об этом случае на базе тяжелых бомбардировщиков...

Он огляделся по сторонам и, бросив подозрительный взгляд на Джона, прошептал:

- Знаешь что, пойдем куда-нибудь в другое место. Вон какой-то тип за нами уже наблюдает. Из комиссии расследований, наверно...

- Этот тип - мой жених, - успокоила дядю Керри, - и вам его нечего бояться.

- Хороший парень?

- Прекрасный.

- Смотри, однако, чтобы он не оказался таким же, как Гарри у моей Минни. Он тоже, наверно, представлялся ей каким-нибудь таким необыкновенным...

- Знаете, дядя, - недовольно перебила Джессепа Керри, - может быть, мы действительно продолжим наш разговор в моей машине?

- А у тебя есть машина?

- Да, редакционная.

- Ладно, согласен, только без этого твоего телохранителя, - кивнул он на Джона.

Выложив на стол полагающиеся с него деньги, Джессеп усталой походкой направился к выходу.

Проходя мимо Джона, Керри шепнула ему:

- Ожидайте меня здесь, я скоро вернусь.

Джон поспешно поднялся с места и хотел, видимо, спросить что-то, но Керри махнула на него рукой и поспешила к двери.

- Отвези меня к Южному вокзалу, - попросил Джессеп, когда они сели в машину.

Потом он снова замолчал, будто забыл, что сам же хотел рассказать подробности катастрофы на базе тяжелых бомбардировщиков. Керри не торопила его.

За стеклами машины мелькали яркие огня реклам, толпы людей на тротуарах, пестрые пятна попутных и встречных автомобилей. Чтобы заглушить шум, раздававшийся со всех сторон, Керри включила радио. Ей повезло - передавали не джазовую, а мелодичную симфоническую музыку. Это подействовало на девушку успокаивающе.

- Так вот насчет этого взрыва на базе бомбардировщиков, - неожиданно заговорил Джессеп, когда Керри уже решила, что он, верно, раздумал рассказывать ей о происшествии на базе.

- Генерал Хазард решил, так сказать, "на натуре" испытать действие "Эн-Джи" - "нейтронного детонатора". Ты ведь знаешь, наверно, что взрыв атомных бомб происходит в результате мгновенного разрушения ядер урана или плутония, которыми бывают обычно начинены такие бомбы. Распад же этих ядер вызывают нейтроны... Понятно ли я объясняю?

- Вполне, дядя. Принцип взрыва атомной бомбы теперь каждому школьнику известен. Кто-то изобрел, значит, способ с помощью этих нейтронов, взрывать атомные бомбы, даже если они хранятся на складах? Это и называется "нейтронной детонацией"? Правильно я поняла?

- Да, что-то в этом роде. Все ведь чертовски засекречено, и о принципе действия "Эн-Джи" можно только догадываться по его названию.

Машина подошла тем временем к вокзалу и Керри обернулась к дяде, не зная, где ей остановиться.

- Проезжай дальше немного, - сказал Джессеп. - Главное я тебе уже рассказал. А в том, что этот "Эн-Джи" они постараются на территории русских использовать с диверсионной целью, ты и сама, наверно, догадываешься. Ну, а теперь останови машину, я сойду здесь.

15. Размолвка

Никогда еще Керри не видела Джона таким взволнованным, как в тот момент, когда она вернулась за ним в кафе "Геракл". Вскочив, он порывисто бросился ей навстречу.

- Господи, наконец-то вы вернулись! - проговорил он с облегченным вздохом. - Как же можно так, Керри?..

- Не надо волноваться из-за пустяков, милый Джонни. Вы же видите - со мной ничего не случилось. Пойдемте, я отвезу вас домой.

- Но что же это такое, Керри? - продолжал ворчать Джон уже в машине. - Вы уезжаете куда-то с этим спившимся типом, а я сижу тут с моим пистолетом и не знаю, что делать и что думать...

- А, знаете, - рассмеялась Керри, - дядя тоже почему-то назвал вас типом. За агента комиссии по расследованию принял.

Джон обиделся.

- Неужели нельзя поговорить серьезно, Керри?

- Хорошо, давайте говорить серьезно.

И она рассказала ему все, что удалось узнать от дяди.

- Разве до шуток мне, Джонни? - взволнованно закончила Керри свой рассказ.

- Да, тут действительно не до шуток, - тяжело вздохнул Джонни. - Я вижу также, что вас теперь никак нельзя оставить одну. Во всяком случае, на квартиру свою вы больше не поедете. Вас уже поджидают там, наверно...

- Кто поджидает? - удивилась Керри.

- Молодчики из комиссии по расследованию. Они вам теперь припомнят все ваши статьи в защиту негров, а особенно то, что вы у дяди своего выудили этот секрет.

- Откуда же они узнают об этом?

- Они все ухитряются каким-то образом узнавать, - мрачно заявил Джон. - И уж можете не сомневаться - доберутся до вас...

- А я не из трусливых, - решительно тряхнула головой Керри.

- В этом у меня никогда не было ни малейшего сомнения. К тому же вижу я, что вы не столько смелая, сколько отчаянная, и потому очень боюсь за вас. Послушайтесь моего совета, Керри, уезжайте хоть на недельку из Грэнд-Сити. Я сам отвезу вас к моему брату на ферму в Гринфильде.

- Нет, Джонни, - грустно покачала головой Керри, - я не могу выключиться из борьбы в такой момент. Это будет равносильно предательству. И давайте не будем больше говорить об этом... Вам же не следует, конечно, рисковать репутацией ученого, далекого от политики.

Джон почувствовал себя обиженным. Он откинулся на спинку сиденья и не произнес больше ни слова. Керри остановила машину возле его дома, и они попрощались очень холодно.

16. Мистер Хэйт "выуживает секрет" Чарльза Каннинга

Издатель преуспевающей газеты "Сирена" мистер Хэйт вот уже около часу находился в отдельном кабинете ресторана "Эпикуреец". Перед ним стояла бутылка виноградного вина и фрукты. Высокий и очень подвижной секретарь его, сидевший напротив, почти через каждые пять минут выходил в соседний кабинет и возвращался оттуда с таким разочарованным видом, что Хэйт даже не находил нужным ни о чем спрашивать его. Все и так было ясно.

- Да-а, - проговорил наконец Хэйт, терпение которого начало иссякать, - умеет, видимо, подбирать сотрудников Каннинг. Сколько вы уже влили в этого Олфа Миллза?

- И счет потеряли, мистер Хэйт, - угрюмо отозвался секретарь. - С утра его накачиваем. Все марки перепробовали. наших двое давно. уже лежат под столом, а ему все еще никак язык не развяжем.

- А может быть, он вообще ничего не знает? - нахмурился Хэйт, и мясистое лицо его начало медленно багроветь.

- Нет, нет, мистер Хэйт! - испуганно проговорил секретарь. - Он - правая рука Каннинга, и ему известны все его планы. Более того - мне достоверно известно, что именно ему поручил Каннинг написать статью о катастрофе на базе тяжелых бомбардировщиков. Не беспокойтесь, пожалуйста, - рано или поздно, но мы выдадим из него этот секрет.

- Кто же, однако, будет выдавливать, - криво усмехнулся Хэйт, - если половина наших парней валяется уже под столом? Скорее, пожалуй, он у них выудит наши секреты.

- Все предусмотрено, мистер Хэйт, - самодовольно улыбнулся секретарь. - Мы время от времени пополняем свежими людьми. И потом, только бы он проговорился, а услышать его есть кому. В укромных местах мы установили магнитофоны. Уж они-то не захмелеют.

- Вот это предусмотрительно, - удовлетворенно кивнул Хэйт и отпил несколько глотков рислинга из своего фужера.

Терпения Хэйту хватило, однако, не надолго. Минут через пятнадцать он решительно заявил секретарю:

- Ну, вот что - мне надоело тратить время на это, видимо, безнадежное дело. Я поеду, а если вам удастся все-таки что-нибудь выудить у него, немедленно сообщите.

"Если этот упрямец и дальше будет отмалчиваться, - невесело подумал секретарь, - мне не сдобровать..."

Как только Хэйт вышел, в полуоткрытую дверь тотчас же прошмыгнул какой-то щуплый тип с крысиной физиономией.

- Ну как? - спросил его секретарь.

- Все еще держится, - ответила "Крыса".

- Дайте ему тогда "Черного валета".

- Так ведь я давно уже это предлагал, - оживилась "Крыса".

Секретарь хотел сделать еще какое-то распоряжение, но тут в кабинет буквально ворвался возбужденный, раскрасневшийся верзила и торжественно выпалил:

- Готов!

- Кто - готов? - подскочил к нему секретарь. Он не сомневался, что речь идет об Олфе Миллзе.

- Отдал концы ваш Миллз, - ухмыляясь, пояснил верзила.

- Умер, что ли? - испугался секретарь.

- Зачем умирать - составил компанию Джону и Дику. Лежат теперь все трое в обнимку под столом.

- Да разве этого мы добивались, черт бы вас побрал?! - выпучив глаза, заорал секретарь. Едва ли Хэйт узнал бы в нем сейчас того корректного, почтительного человека, которого он так часто ставил в пример другим своим служащим.

- Свиньи и пьяницы вы все! - неистовствовал он, размахивая кулаками перед самым носом растерявшегося верзилы.

- Но, позвольте...

- Не позволю! - гремел секретарь. - Вон отсюда! Хокинс, - обратился он к "Крысе". - Пойди узнай, в чем там дело.

Хокинс вернулся спустя несколько минут.

- Все в порядке, - весело проговорил он. - Миллз действительно валяется под столом, но перед тем, как отправиться туда, он разжал все-таки зубы и выболтал то, что нам было нужно.

- Ну! - весь обратился во внимание секретарь.

- На базе тяжелых бомбардировщиков, носителей атомных бомб, сработал, оказывается, "нейтронный детонатор".

- "Эн-Джи"? Так, значит, это не выдумка, как мы думали? Действительно, значит, существует такой детонатор? Ну что ж, не будем тогда терять времени! Где этот болван, которого я выгнал только что? Пусть он дежурит тут до утра и не выпускает Миллза из горизонтального положения. Как только он начнет приходить в себя, угостите его доброй порцией "Черного валета". А мы тем временем напишем статью о катастрофе на базе тяжелых бомбардировщиков. Очень эффектная получится статейка!

- Да, но не возникнут ли из-за нее неприятности? - робко заметил Хокинс. - Наверное, военное министерство держит все это в строжайшем секрете...

- Э, какой теперь это секрет! - пренебрежительно махнул рукой личный секретарь мистера Хэйта. В отсутствие босса он позволял себе и его жесты, и его энергичные выражения. - Раз об этом знает такая газета, как "Прогресс", это уже не секрет.

17. Каннинг дает хороший совет Мунну

Бледный, с опухшими глазами, не совсем еще протрезвившийся, стоял Олф Миллз перед Чарльзом Каннингом. Редактор смотрел на него с гордостью и состраданием. Повернувшись к Керри, сидевшей тут же на маленьком диванчике в углу комнаты, он заметил:

- Взгляните на этого героя, Керри. Он совершил подвиг, который в должной мере никогда, пожалуй, не будет оценен по заслугам.

Не понимая, шутит Каннинг или говорит серьезно, Керри с недоумением смотрела на помятую физиономию Миллза.

- Не думаю, чтобы какой-нибудь актер, пусть даже самый великий, сыграл его роль так же блестяще в трезвом виде, как он сыграл ее во хмелю. Сколько вам пришлось выпить вчера, Олф?

- Изрядно, - скромно отозвался Миллз.

- Ну, а в общем не одну, конечно, бутылку? И вот вам результат!

Редактор хлопнул рукой по разостланной на столе газете:

- "Сирена" клюнула на нашу удочку. Стремясь опередить нас, они расписали катастрофу на бывшей базе тяжелых бомбар-

дивовщи́ков как нельзя́ лучше. Что вы морщитесь, Керри? Вам не нравится наш метод? Ну, знаете ли, с волками жить-по-волчьи выть. За то, что Хэйту всыпят теперь за эту статейку, совесть не будет меня мучить. Но ему только всыпят, а нас бы могли и прихлопнуть. Вот ведь в чем дело-то!

Дружески похлопав Миллза по плечу, редактор отпустил его отдыхать.

- Ну, а мы с вами должны теперь засесть за серьезную статью, которую опубликуем уже в своей газете. Мы напишем в ней, ссылаясь на сегодняшний номер "Сирены", что правительство наше, вместо того чтобы объединить свои усилия с другими государствами, готовит новое оружие для диверсий и провокаций. Мы не назовем, против кого готовится это оружие, народ наш достаточно зрел, чтобы понять это и без точного адреса.

- И такую статью вы поручаете написать мне? - всплеснула руками Керри.

- А почему вы удивляетесь?

- Не удивляюсь, а боюсь, что не справлюсь с этим.

- Не бойтесь, вы же у нас храбрая, - тепло улыбнулся Каннинг. - Устраивайтесь тут у меня. Я уйду и не буду вам мешать. Желаю успеха!

Он крепко пожал ей руку и торопливо ушел куда-то. Керри трудилась весь день, даже не пошла обедать, попросила только курьера, негра Бэна, принести бутерброды и стакан чаю. Дважды она перечеркивала написанное и начинала снова, а когда хотела перечеркнуть в третий раз, пришел Чарльз Каннинг в бесцеремонно отобрал у нее исписанные листки.

- Ну-с, что тут у вас получилось?

- Ничего не получилось... - упавшим голосом заявила Керри.

- Посмотрим, посмотрим, - добродушно проговорил Каннинг, вооружаясь очками, - А вы отправляйтесь-ка теперь на отдых. Пройдитесь немного по свежему воздуху и раньше чем через полтора часа не возвращайтесь.

Керри вернулась через час. Каннинга она уже не застала в его кабинете, но от секретаря редакции узнала, что статья ее выправлена и сдана в набор. Ждать пришлось недолго. Каннинг сам принес гранки и протянул Керри.

- Вот посмотрите, - равнодушным тоном проговорил он. - Я тут прошелся слегка по вашей рукописи.

Только теперь, перечитывая свое произведение, убедилась Керри, каким опытным редактором был Чарльз Каннинг. Он не переписывал ее статью заново, чего особенно опасалась Керри, а лишь сократил слегка, давнее кое-какие стилистические поправки. Заново же написал он только то, что было сказано слишком в лоб. И у него это получилось с таким ехидным подтекстом, от которого вся статья зазвучала вдруг совсем по-другому.

- Ну как, не возражаете, что я подправил ее чуть-чуть? - спросил Каннинг, с рассеянным видом перебирая какие-то бумаги у себя на столе.

- Как же я могу возражать, - восхищенно проговорила Керри, - если это "чуть-чуть" сделало посредственную статью мастерским произведением!

- Ну-ну, - добродушно усмехнулся Чарльз Каннинг, - не надо превращать меня в газетного мага и чародея. Я всего лишь немного опытнее вас. А теперь перед нами стоит еще одна задача. Мы должны написать письма некоторым членам Конгресса. В письмах этих мы снова сошлемся на статью в "Сирене" и сообщим уважаемым конгрессменам, что наша разведка снабдила своих тайных агентов "нейтронными детонаторами" и заслала их в Советский Союз с целью диверсии в хранилищах советского ядерного оружия. Того самого оружия, которое, может быть, помогло бы нам избавиться от непрошеного небесного гостя.

- Ну, а если они потребуют доказательств? - спросила Керри. - Не поверят же они нам на слово.

- Пусть это вас не тревожит, Керри. Они запросят об этом не нас, а разведывательное управление. Конгрессменам разведчики, может быть, и не раскроют свои карты, но главе правительства и мистеру Кэсуэлу, конечно же, придется им признаться, что в Советский Союз действительно послан тайный агент или даже несколько агентов с "нейтронными детонаторами". Есть логика в моих рассуждениях?

- Есть, мистер Каннинг.

- Ну, а если так - будем действовать!

Они трудились до позднего вечера, а когда работа была завершена, Каннинг решительно заявил:

- А теперь, дорогая Керри, берите мою машину и поезжайте ко мне домой. Вы ведь знаете, где я живу? Мою Мери вы тоже знаете. Вот и переночуйте у меня.

Керри подняла на Каннинга недоумевающие глаза.

- Не хотелось мне объяснять, почему я вам это предлагаю, - смущенно проговорил редактор, - но ничего не поделаешь, придется рассказать. У меня есть сведения, что за вами ведется наблюдение. Кое-кто из наших друзей предупредил меня об этом... Видимо, столь повышенный интерес к вашей особе - результат встреч ваших с дядей, за которым, конечно же, была установлена слежка. Может быть, они и не тронут вас, но лучше все-таки поостеречься. Позвоните матери и предупредите ее, что уезжаете в срочную командировку.

Керри хотела что-то возразить, но Каннинг сердито замахал на нее руками.

- Нет, нет, никаких возражений! Ко мне вы тоже должны будете поехать так, чтобы вас никто не смог выследить.

Когда Керри уехала, наконец, Каннинг набрал номер телефона Джона Мунна.

- Извините, что беспокою вас в такое позднее время, - сказал он, услышав голос Мунна. - С вами говорит редактор газеты, в которой работает Керри Демпси. Разговор этот нужно было бы провести поделикатнее, но вы уж извините меня за прямооту. Я наблюдал вас как-то в обществе Керри, и у меня сложилось впечатление, что вы к ней равнодушны.

Джон пробурчал что-то невнятное, но Каннинг не обратил на

это никакого внимания.

- Если я не ошибся в своем предположении, - продолжал он, - то вам нужно возможно скорее жениться на этой чудесной де-вушке и увезти ее в свадебное путешествие.

На этот раз Джон ответил ему с явным неудовольствием:

- Спасибо за совет, мистер Каннинг, только я и сам отлично знаю, что мне делать. А вот вы, видимо, очень плохо знаете характер своих сотрудников.

- Догадываюсь, на что вы намекаете, - усмехнулся Каннинг.

- С Керри поссорились? Только не время сейчас для обид. Речь ведь идет о безопасности Керри. Об этом-то я и хотел предупредить вас. Спокойной ночи, мистер Мунн.

- Пойдите же вы, ради бога!.. - заволновался вдруг Джон.

- А где сейчас Керри?

- Перебралась временно ко мне, - ответил Каннинг, - Грин-стрит, 125. Учтите, однако, что для нее это далеко не безопасное место.

- Спасибо, мистер Каннинг, - теперь уже с теплотой в голосе отозвался Джон. - Я учту это.

18. Начальник разведывательного управления встревожен

Генерал Гоуст внешне оставался все таким же: с равными по рангу любезным, с подчиненными приветливым, даже с недоброжелателями своими корректным. И ходил он все той же неслышной походкой не только по мягкому ковру своего кабинета, но и по паркетным полам коридоров управления. И никто, кроме полковника Чэндлера, не знал, как нелегко было ему в эти дни.

Вот и сегодня полковник Чэндлер пришел доложить Гоусту, что от Дэвиса все еще нет никаких известий.

- С Чепстоном и Хинсеом мы уже связались. Им дан приказ возвращаться. А Дэвис, получивший самостоятельное задание, прямо как сквозь землю провалился... - сокрушенно заключил свой доклад Чэндлер.

- Но в Россию он прибыл, - задумчиво проговорил Гоуст. - Это нам достоверно известно по первым двум радиосеансам с ним. Где же он теперь, однако?.. Не пошел же с повинной к советским чекистам, хотя это, кажется, становится теперь модным.

- Ну, с Дэвисом этого не случится. Он скорее покончит самоубийством, - убежденно заявил Чэндлер. - Мы предусмотрели возможность такой ситуации и вшили ампулы с ядом в воротнички его рубашек.

Гоуст прошелся несколько раз по кабинету, постоял у карты Советского Союза, висевшей на одной из стен, потом обернулся к Чэндлеру и спросил:

- А вы всех предупредили об отмене задания Дэвису?

- Да, конечно, сэр.

- Ну, а как обстоит дело с бывшим начальником базы тяже-

лых бомбардировщиков, Джессепом? Взяли его наконец?

- Да, сэр. Он арестован полицией как раз в тот момент, когда собирался удрать из города. Официально он обвинен пока лишь в пьяном дебоше.

- А его племянница, с которой он встречался несколько раз?

- Она работает в газете "Прогресс". Полагаем, что не без ее участия проникли в печать сведения о "нейтронном детонаторе". А ей, конечно же, выболтал их этот спившийся тип Джессеп. За племянницей его мы уже установили наблюдение.

- А кто был с нею в "Геракле" во время последней ее встречи с Джессепом?

- Астроном Джон Мунн.

- Это тот самый, что обнаружил астероид, из-за которого поднят теперь такой шум?

- Тот самый.

- Тогда будьте с ним поделикатнее. Он сейчас слишком популярная личность. Журналистку эту тоже оставьте пока в покое.

Отпустив Чэндлера, Гоуст долго еще прохаживался по мягкому ковру своего просторного кабинета. С каждым днем все с большей тревогой думал он о Дэвисе. Гоуст почти не верил теперь в возможность благополучного исхода его миссии. А неприятности в связи с этим, видимо, только еще начинались.

Всех тайных агентов, засылаемых с серьезным диверсионным заданием по ту сторону "железного занавеса", Гоуст в последнее время вообще уподоблял игрокам в крэпс. Поставив на двух тузов и полагая, что вероятность появления этих карт при следующей сдаче равна одной тридцатой, они считают себя счастливыми, если эти тузы появятся при одной из сдач. Но они считали бы себя еще более счастливыми, если бы знали, что степень вероятности выхода намеченных ими карт составляет в среднем один раз на миллион шестьсот семьдесят тысяч шестьсот пятнадцать сдач. С помощью электронных машин это установлено теперь совершенно точно.

Вот он, оказывается, каков процент удачи!

Раньше, до того, как теория вероятности стала столь модной в разведывательном управлении, Гоуст смотрел на все эти вещи гораздо проще и оптимистичнее. А теперь приходилось подходить ко всему с точки зрения категорий этой теории.

Гоуст был человеком консервативного склада ума, хотя и старался скрыть это и от своих подчиненных, и от своего начальства, а может быть, даже и от самого себя. Изучению теории вероятности он, однако, очень долго и почти открыто противился.

Один из его коллег, имевший ученую степень, в споре с ним по этому вопросу заявил как-то:

- Теория вероятности является незаменимым пособием в практической работе. Люди могут обходиться без специального изучения ее лишь потому, что интуитивно чувствуют ее законы.

Гоусту как раз хватало этого интуитивного чувства. Он даже полагал, что у каждого природного разведчика должно

быть особое чутье, дающее ему возможность учитывать вероятные явления. Но ведь теперь в разведку идут не только по призванию, да и где возьмешь столько людей с призванием, когда разведка становится все более тотальной?

В штате одного только центрального разведывательного управления, например, работало уже более двадцати тысяч человек. Численность же контрразведки за последние годы по сравнению с первым послевоенным годом увеличилась в двенадцать раз. А ведь были еще и разведывательные управления авиации, флота, государственного департамента и многих других ведомств. Да, разведка действительно становилась с каждым днем все более тотальной!

Но не об этом думал теперь Гоуст, расхаживая по своему кабинету. Из головы его не выходил злополучный Дэвис...

"Что же получается, однако, - подвел он итог своим невольным размышлениям. - Раз шанс осуществления диверсии Дэвисом невелик, то как будто бы нечего особенно беспокоиться за осложнение отношений с Советским Союзом... Но существует ведь и другая опасность - Дэвис может попасть в руки советской контрразведки, ибо не всегда же ему выходить сухим из воды. А это было бы, конечно, самым худшим вариантом исхода операции..."

Нужно, значит, еще раз попробовать предпринять все возможное, чтобы связаться с Дэвисом во что бы то ни стало!

19. Мистер Кэсуэл срочно вызывает генерала Рэншэла

Если еще совсем недавно о предстоящем падении астероида писали главным образом центральные газеты, то теперь заговорила об этом пресса всей страны, высказывая самые противоречивые предположения. А для рядовых читателей этих газет становилось все несомненное одно - родине их грозила серьезная опасность, предотвратить которую можно было лишь совместными усилиями наиболее могущественных в техническом отношении государств. К тому времени было известно также, что наиболее эффективными средствами борьбы с непрошеным космическим гостем являлись межконтинентальные баллистические ракеты, серийное производство которых уже было налажено русскими. Объединение усилий с Советским Союзом становилось в связи с этим для многих граждан заокеанской республики вопросом жизни или смерти.

Неизвестность точного места падения лишь осложняла обстановку. Никто не чувствовал себя в безопасности. Тревога была всеобщей. Государственных деятелей и Конгресс засыпали письмами, коллективными обращениями и даже категорическими требованиями. На принятии решительнейших мер и совместной обороне от вторжения космического тела настаивали теперь не только все левые партии республики и большая часть профсоюзов, но и некоторые крупные промышленники. К тому же во вчерашних вечерних газетах было опубликовано письмо группы вид-

нейших ученых с такими доводами за совместные действия, не считаться с которыми было уже невозможно.

Мистер Кэсуэл в те дни имел весьма конфиденциальный разговор с главой правительства, который предложил немедленно вызвать для консультации помощника военного министра - генерала Герберта Рэншэла.

- Мне не очень-то нравится слишком вольный образ мыслей этого генерала, - сказал о Рэншэле глава государства, - но нельзя не считаться и с тем, что он один из способнейших деятелей нашего военного министерства. К его трезвому мнению следует прислушаться.

А как только помощник военного министоа явился к мистеру Кэсуэлу, тот тотчас же приступил к существу дела.

- Надеюсь, вы догадываетесь, для чего я пригласил вас к себе в столь поздний час, генерал? - спросил он Рэншэла.

- Догадываюсь, - коротко ответил Рэншэл, усаживаясь в предложенное кресло.

- Не буду объяснять обстановку - она и без того вам ясна, - продолжал мистер Кэсуэл, угощая генерала сигарой. - Хотелось бы только знать вашу точку зрения на совместные, действия с русскими. Неизбежно ли это? - Или, может быть, мы все-таки справимся с этим небесным камнем собственными силами?

- К сожалению, собственными силами не справимся, - убежденно заявил Рэншэл, закуривая сигару. - Без помощи русских нам не обойтись.

- А вы понимаете, чего это будет нам стоить? - нахмурился мистер Кэсуэл. - Посудите-ка сами, что получается: русские все время утверждали возможность мирного сосуществования, и даже необходимость его, а мы теперь вынуждены будем не только подтвердить все это, но и пойти гораздо дальше - провозгласить, так сказать, неизбежность этого сосуществования!

- Что поделаешь, сэр, - тяжело вздохнул генерал Рэншэл. - Мы живем в такое время, когда сосуществование действительно неизбежно. Рано или поздно, а придется это признать. И лучше уже пойти на это добровольно, чем быть вынужденными сделать это по независящим от нас обстоятельствам.

- Но ведь и в нынешних обстоятельствах не очень-то добровольным будет наше признание этой неизбежности, - невесело усмехнулся мистер Кэсуэл.

Генерал Рэншэл никогда не считал мистера Кэсуэла ни очень умным, ни даже достаточно просвещенным, но он уважал его за прямоту и бесхитрость. Ему понравилось это горькое признание.

А мистер Кэсуэл, помолчав немного, добавил, будто спохватившись:

- Да, генерал, а почему это шум такой подняли из-за наших разведчиков? Они действительно посланы в Россию с целью крупной диверсии?

- Действительно, сэр.

- И это может осложнить нам переговоры с русскими?

- Вне всяких сомнений.

- Ну так отзовите их.

- Часть уже отозвана, но остался еще один, самый энергичный, и с ним никак не удается связаться.

- А чем вы это объясните?

- Теряюсь в догадках, сэр, - развел руками Рэншэл. - А главное, что бы с ним ни произошло - неприятностей все равно не избежать.

- Не понимаю, что вы хотите этим сказать?

Генерал Рэншэл положил в массивную пепельницу недокуренную сигару и пояснил:

- Если он взорвет там у них что-нибудь, русским вряд ли это понравится, ибо им не трудно будет сообразить, что сделать это могли только наши агенты. Если его поймают до того, как он осуществит свой замысел, тоже не миновать осложнений. В случае же добровольного его прихода в госбезопасность неприятностей будет еще больше.

- Значит, нужно его вернуть во что бы то ни стало! - заключил мистер Кэсуэл. - Кто там у вас в министерстве ведаёт тайными агентами? Гоуст, кажется?

- Гоуст, сэр.

- Ну так я лично поговорю о нем с вашим министром.

Разговор мистера Кэсуэла с военным министром состоялся на следующий же день, но министр не смог сообщить ему ничего утешительного, ибо Гоуст все еще не имел никаких сведений о Дэвисе...

20. Каннинг призывает к благоразумию...

Чарльз Каннинг возвращался с собрания сторонников мира в мрачном настроении. Каким оно было малолюдным, это собрание! Несколько профессоров и священнослужителей, группа врачей, около десятка писателей и журналистов, горсточка учителей и художников. Больше всех, как всегда, оказалось студентов. Конечно, это была лишь незначительная часть интеллигенции, которую не так-то просто было подключить к начинающему нарастать движению прогрессивной общественности столицы. Каннинг знал, однако, что сочувствовали этому движению многие, но открыто примкнуть к нему не решались, опасаясь привлечь к себе внимание комиссии по расследованию антипатриотической деятельности.

Были, конечно, и такие, которые просто не верили в возможность новой войны или не давали себе отчета, чем она может грозить человечеству в том случае, если будет все-таки развязана. Не заблуждался Каннинг и в том, что кое-кто из представителей интеллигенции совершенно сознательно был за продолжение холодной войны. Им казалось, что только это может сдержать наступление "мирового коммунизма". Они были и за продолжение испытаний ядерного оружия, заявляя, что "лучше быть атомизированными, чем коммунизированными". Жупел коммунизма, по мнению Каннинга, лишал этих людей рассудка.

Что же, однако, так расстроило сегодня редактора "Прог-

ресса"? Не только малолюдность собрания, конечно. Хотя и это было досадно, так как рабочие, служащие и многие профсоюзные деятели собирались теперь куда более активно! Деятельность вообще всех прогрессивных организаций значительно оживилась в связи с угрозой падения астероида. Вот это-то непонимание некоторыми интеллигентами связи последних событий с борьбой против подготовки новой войны и огорчало более всего Каннинга. Он поспорил сегодня из-за этого с одним известным профессором, но ничего, кажется, ему не доказал.

- Зачем же вы связываете вместе подобные события, мистер Каннинг?! - недоуменно воскликнул профессор. - Это лишь внесит элемент предвзятости, а стало быть, и несерьезности.

Нельзя же всякое явление общественной жизни, а тем более такое явно космическое явление, как падение астероида, притягивать к делу борьбы за мир. Ведь этак мы можем дойти до того, что и приливы с отливами попытаемся использовать каким-либо аргументом против поджигателей войны, тем более, что они, эти приливы и отливы, тоже космического происхождения.

То, что профессор умышленно оглулял его мысль, Каннинга не очень удивляло. Он знал, что профессор не такой уж борец за мир, каким хочет казаться. Досадно было другое - смех, прозвучавший в зале. Смеялись, правда, главным образом студенты, но Каннинг стал опасаться, что и более серьезным людям доводы профессора могут показаться убедительными.

- Но, позвольте, - возразил профессору Каннинг, стараясь сохранять хладнокровие, - а "марсиане" генерала Хазарда не использовались разве для разжигания войны? А ведь и они "космического" происхождения.

Теперь студенты готовы были аплодировать уже Каннингу, и он поспешил закрепить свой успех:

- Тогда трюк Хазарда был придуман с целью увеличения ассигнований на военный бюджет. Теперь же сама действительность, то есть реальная угроза падения астероида, помогла утверждению дополнительных ассигнований на производство ракетного оружия.

- Но ведь это же не для военных целей, - не очень уверенно подал кто-то реплику из зала.

- А для чего же? - спросил Каннинг. - Вы что думаете - как только астероид будет раскрошен, наши генералы все ракетное оружие утопят в океане?

- А что же вы предлагаете? - вызывающе бросил профессор.

- Сидеть и ждать, пока эта, небесная штука обрушится нам на голову?

- Предлагаю не я, предлагают это крупнейшие наши ученые, и вы хорошо знаете, что именно они предлагают.

- Просить помощи русских? И тем самым подтвердить неизбежность мирного сосуществования? - сделал кислую мину профессор.

- А что же еще можно сделать? Все равно ведь ничего другого не остается. Выбор, к сожалению, небольшой - либо сосуществовать, либо вовсе не существовать.

И тут началось. В спор включилось еще несколько человек, которые так все запутали, что Каннинг при всем своем желании уже не смог внести ясности. К тому же профессор все время мутил воду и сбивал всех с толку. Каннинг почти не сомневался, что он делал это умышленно.

А ведь какой простой, ясной и даже поучительной стала ему казаться сложившаяся обстановка теперь, когда он, успокоенный ходьбой по притихшим ночным улицам Грэнд-Сити, хладнокровно взвесил все факты. Рисовалась ему при этом такая картина: вот существуют две различные социальные системы. Обе обладают такими военными средствами, что в случае войны неизбежны колоссальные потери с обеих сторон. Что диктует разум в такой обстановке? Попробовать решить спор иным путем, без применения оружия. Как будто бы просто?

Просто, да не очень. А многие годы недоверия друг к другу? А боязнь, что кто-то окажется нечестным и нарушит соглашение? Что же делать в таком случае? Может быть, подождать?

Да, пожалуй, лучше подождать, подумать и присмотреться друг к другу повнимательнее, а, чтобы не оказаться в дураках, продолжать вооружаться, авось удастся получить такой перевес в оружии, что другая сторона без боя поднимет руки и сдастся...

И вот начинаются поиски нового разрушительного средства. Наконец кто-то находит его, и почти тотчас же находят другие. А может быть, и одновременно обе стороны находят это новое средство, в сравнении с которым термоядерная бомба кажется безобидной детской хлопушкой. Теперь, в случае применения этого средства, на земном шаре не останется уже не только людей и животных, но и вообще ничего живого, вплоть до бактерий. Может быть, даже атмосфера вступит в какую-нибудь дьявольскую цепную реакцию и перестанет существовать...

Каннинг даже вспотел от этой страшной перспективы, но продолжал развивать свою мысль.

Неужели и после этого не поймут люди, что хочешь не хочешь, а придется соглашаться на мирное сосуществование? Тогда, видимо, поймут. А сколько времени может это протянуться? Год или, может быть, десятки лет? И все это время - гонка вооружения, тревога, опасные эксперименты с новыми видами оружия, дальнейшее увеличение радиоактивности атмосферы, рост раковых заболеваний, сокращение рождаемости...

Да, было от чего бедному Каннингу покрыться холодным потом. Он не был марксистом и не представлял себе возможности таких социальных изменений внутри самого капиталистического общества, которые значительно сократят путь человечества к взаимопониманию. К тому же он явно недооценивал все более возрастающего значения лагеря социализма.

Какой-то путь в том или ином случае пришлось бы все-таки пройти. Но тут сама природа пришла людям на помощь, грозя им падением астероида. Она как бы говорила этим:

"Вот я посылаю вам испытание. Не только четверть века, но и всего каких-нибудь пять лет назад вы были бессильны против такого крупного астероида. Он упал бы на одну из ваших пус-

тынь или на один из ваших городов, и вы ничего не смогли бы с этим поделать, не успели бы даже покинуть этого города. Но теперь вы стали могущественны. Вы уже можете предсказать не только время, но и место его падения. Мало того, вы можете предотвратить это падение, но сообща. Только совместными усилиями. Что же вы, люди, достигшие такого технического совершенства, будете делать?"

Наверно, найдутся философы, которые скажут, что вторжение в наши земные дела космической силы - чистейшая случайность, нарушающая процесс естественного развития человеческого общества и что это вроде не по правилам. Но ведь человек всегда умел использовать случайность в свою пользу. Даже будучи совсем еще первобытным, случайно загоревшееся дерево от попавшей в него молнии использовал он таким образом, что не только достиг господства над определенной силой природы, но и окончательно отделился от животного царства. Так почему же такую случайность, как падение астероида на наши головы, не обратить теперь человечеству для достижения взаимопонимания?

Раз люди научились логически мыслить, не могут же они оказаться неразумнее своих волосатых предков? Ведь это же дико будет - позволить стихийной силе полностью разрушить какой-нибудь город, а может быть, даже столицу государства, не попытавшись совместными усилиями спасти его. Разве простят когда-нибудь здравомыслящие люди такое варварство тем, кто помешает объединению усилий для предотвращения подобной катастрофы?

Вот примерно как размышлял Чарльз Каннинг, возвращаясь с так огорчившего его собрания. В ходе этих размышлений он все более проникался желанием написать обо всем этом статью в свою газету. Он понимал, конечно, что в рассуждениях его многое было упрощено и даже наивно, но ведь он хотел написать статью для очень неискушенных читателей, отученных от серьезных размышлений продукцией таких газет, как "Сирена". Чем больше Каннинг думал об этом, тем сильнее убеждался в необходимости написать именно такую статью. Он, пожалуй, не станет даже откладывать это на завтра, а сядет за нее тотчас же, как только придет домой.

21. Экстренное заседание сената

Обстановка с каждым днем все более накалялась. Всем политическим партиям стало совершенно ясно, что медлить было невозможно - нужно срочно созывать сенат. А когда сенат был созван наконец, зал заседания тотчас же превратился в арену такого ожесточенного сражения, какого в стенах этого почтенного законодательного учреждения республики не происходило, видимо, еще ни разу. Никто никого не слушал, все разговаривали, кричали и даже вопили. Тщетно председатель призывал к порядку - и голос его, и - стук молоточка тонули в шуме и гаме.

Лишь с появлением мистера Кэсуэла, отсутствовавшего неко-

торое время по ряду важных обстоятельств, восстановился некоторый порядок.

- Я вижу, джентльмены, - обратился мистер Кэсуэл к собравшимся, пристально глядя в раскрасневшиеся физиономии, - вижу, что вы ни до чего пока не договорились.

Переведя взгляд с физиономий на состояние галстуков и пиджаков почтенных сенаторов, он добавил с укоризной:

- Вижу также, что договориться едва ли удастся.

Снова по залу прокатился рокот, но мистер Кэсуэл решительно поднял руку и повысил голос:

- А, между тем, положение таково: по предварительным данным, астероид упадет либо в центр нашей столицы, либо в западной части центрального штата, то есть в районе сосредоточения значительной части промышленных предприятий нашей республики. Точные данные о месте его падения будут получены только через два-три дня.

- Вот тогда и будем принимать решение, - раздался чей-то голос.

- А не блеф ли это опять, подобный "космической агрессии" генерала Хазарда?! - прохрипел в тон ему толстяк с багровым лицом и выпученными глазами. В пылу полемики кто-то так затянул его галстук, что он до сих пор не мог привести в порядок свое горло.

И снова забурило все вокруг. Отдельные реплики слились в сплошной гул. Председатель на сей раз так стукнул своим молоточком, что рукоятка его сломалась. Наводить порядок было уже нечем, и председатель, махнув на все рукой, беспомощно опустился в кресло, глядя на происходившее вокруг уже безучастными глазами.

А баталия разгорелась тут по той причине, что сенаторы, представлявшие штаты, лежащие за пределами района предполагаемого падения астероида, энергично возражали против совместных действий с Советским Союзом. Они полагали, что лучше пойти на жертвы, чем подтвердить "доктрину русских" о возможности мирного сосуществования двух различных экономических систем и необходимости ведения совместной борьбы со стихийными бедствиями.

Сенаторы же, которые вынуждены были не только защищать избирателей центрального и соседних с ним штатов, но и являлись к тому же владельцами многих предприятий этих штатов, были за немедленные переговоры о совместных действиях.

- Джентльмены! - снова поднял руку мистер Кэсуэл, призывая к тишине. - Не будем же терять времени даром и вынесем наконец свое решение. Кто из вас желает высказаться?

Первым попросил слова сенатор Твифорд, представитель южных штатов.

- Я категорически против соглашения с русскими, - решительно заявил он, подкрепляя свои слова энергичным жестом мясистой руки. - Русские так просто не придут к нам на помощь. Разве сами мы на их месте согласились бы помогать кому-нибудь бескорыстно?

Зал одобрительно загудел. Ободренный этим, Твифорд про-

должал уже с большей уверенностью:

- Не надо в таком случае считать русских глупее нас. Они, конечно же, за свою помощь поставят перед нами ряд политических требований. Думаю, во-первых, что они предложат нам ликвидировать наши военные базы в Европе и Азии. Во-вторых, могут настоять и на выходе из некоторых военных пактов.

- Позаботятся, конечно, и о неграх! - неистово выкрикнул сенатор, владелец плантаций на юге страны.

- Не забудут и коммунистов! - раздался еще чей-то голос.

- Насчет негров и коммунистов не знаю, - продолжал Твиффорд, - но первые два требования предъявят непременно. А это будет означать почти безоговорочную нашу капитуляцию. Стоит ли идти на такие жертвы из-за падения какого-то камня, пусть даже весьма солидных размеров?

Твиффорда сменил сенатор, представляющий центральный штат.

- Можно ли рассуждать более легкомысленно, чем это делает уважаемый мистер Твиффорд? - раздраженно начал он. - Вы же знаете неустойчивую психику наших сограждан. Они и сейчас уже живут в трепете и страхе. Газеты и радио постарались довести их до такого состояния. Однако точно они еще не знают пока, куда упадет астероид, а это ведь не просто солидный камешек, как уверяет нас мистер Твиффорд, а целая маленькая планетка. Они надеются, что с помощью русских мы уничтожим ее еще за пределами нашей атмосферы. Вы представляете, что произойдет, если нашему народу станет известно и место падения астероида, и то, что мы откажемся от помощи русских?

Следующим взял слово профессор Стэнли Уолдс - представитель университетских кругов Грэнд-Сити.

- Я целиком присоединяюсь ко всему, что мы услышали только что от мистера Адамса, - заявил он очень внушительным голосом. - Хочу добавить еще и то, о чем все мы думаем в последнее время, но не решаемся произнести вслух. Меня тревожат некоторые замыслы нашей разведки. Дай бог, чтобы они не были осуществлены прежде, чем мы попросим помощи у русских. Вот и все, джентльмены, о чем считал я своим долгом напомнить вам и поторопить с принятием решения о совместных действиях с Советским Союзом.

Сенаторы сменяли друг друга, высказывая самые противоречивые мнения. Заседание длилось уже восемь часов и неизвестно, когда кончилось бы, если бы в зал сената не вошел одив из секретарей мистера Кэсуэла и не вручил ему какую-то бумагу. Мистер Кэсуэл торопливо пробежал ее глазами и, прервав очередного оратора, торжественно объявил:

- Внимание, джентльмены! Только что получено важное Послание русских нашему правительству. Я опускаю вступительную часть в читаю вам самую суть его:

"Наши ученые, как и ваш астроном Джон Мунн, обнаружили тот же астероид. Вычислительным центром при Главной астрономической обсерватории Академии Наук Советского Союза окончательно установлено теперь, что должен он вторгнуться в атмосферу нашей планеты 21 мая будущего года. Место падения его определено в районе столицы вашего государства -

Грэнд-Сити. (Более точные расчеты, с указанием объема, массы и скорости движения астероида, так же как и его атмосферная траектория, даны в специальном приложении.)

Понимая всю катастрофичность падения столь большого космического тела на наиболее населенную территорию вашего государства, мы считаем в то же время вполне реальным предотвращение этой катастрофы. Для современной техники с ее космическими и межконтинентальными ракетами, управляемыми снарядами и быстро действующими электронными вычислительными машинами вполне посильна такая задача, при условии объединения усилий государств, обладающих подобной техникой.

В создавшейся критической обстановке Советский Союз считает международным долгом своим предложить вам свою незамедлительную помощь, ибо нам дорог ваш талантливый, трудолюбивый народ. Небезразличны мы и к созданным его трудом культурным и историческим ценностям вашей столицы, многие из которых в случае падения астероида неизбежно должны погибнуть. Считаем необходимым также поставить вас в известность, что помощь нашу не оговариваем мы никакими условиями политического или экономического характера, ибо не сомневаемся, что в подобной ситуации вы поступили бы точно так же".

Кто-то из сенаторов многозначительно кашлянул, и мистер Кэсуэл метнул в его сторону недовольный взгляд. Затем он торпливо пробежал глазами заключительную часть Послания Советского правительства и заключил скороговоркой:

- Ну, дальше тут идет изложение уже известной нам советской доктрины о мирном сосуществовании. Документ этот будет размножен вскоре и роздан вам, так что все будут иметь возможность подробно с ним ознакомиться. А сейчас объявляю заседание сената закрытым, так как дальнейшее обсуждение вопроса, стоящего в повестке дня, в связи с Посланием Советского правительства, переносится на совместное заседание обеих палат Конгресса.

22. В штаб-квартире Дональда Роквелла-младшего

Теперь для всех было несомненно, что совместное заседание обеих палат Конгресса должно окончательно решить - принять или не принять помощь Советского Союза. Заседание это было назначено на вечер следующего дня с тем, чтобы дать возможность конгрессменам обстоятельнее ознакомиться с текстом Послания Советского правительства и всеми приложениями к нему. Не только жители Грэнд-Сити, но и вся страна с затаенным дыханием ждали этого решения.

Все вечерние газеты вышли в тот день с заголовками во всю полосу: "Советские астрономы утверждают, что астероид упадет на Грэнд-Сити", "Россия протягивает нам руку помощи", "Завтра решится судьба нашей столицы", "Мэр Грэнд-Сити призывает жителей столицы к спокойствию", "Сенатор Твиффорд предостерегает конгрессменов от поспешных решений"...

Прокомментировать последние события вечерние газеты не имели времени. Только одна "Сирена" успела к десяти часам вечера отпечатать экстренный выпуск. Зато все радиокompании развили энергичную деятельность, высказывая самые противоречивые точки зрения на происходящие и предстоящие события. Ошеломленные, растерянные и потрясенные всем этим, жители Грэнд-Сити всю ночь не сомкнули глаз...

Не спали в ту ночь и представители деловых кругов - директора крупнейших банков Грэнд-Сити, руководители финансовых групп и промышленных компаний. Собрал всех этих высокопоставленных лиц глава банкирского дома "Дональд Дж. Роквелл и К°" Дональд Джеймс Роквелл-младший в своей штаб-квартире в "Роквелл-центре". Он попросил председательствовать на этом собрании директора "Нэшонал банк оф Грэнд-Сити" мистера Фрэнсиса Фредендолла, а сам скромно сел в свое любимое кожаное кресло и с любопытством стал прислушиваться к речам своих младших партнеров.

Мистер Фрэнсис Фредендолл открыл собрание пространной речью и, судя по тому, как одобрительно кивал ему лысоватой головой Дональд Роквелл-младший, нетрудно было сообразить, что мультимиллионер не только во всем с ним согласен, но и сам, видимо, уполномочил его произнести эту речь.

А мистер Фредендолл начал свою речь с того, что выразил удивление, почему так нервозно и однобоко оценивают деловые круги сложившуюся обстановку. Все почему-то видят в предстоящем падении астероида сплошные бедствия, тогда как всякое явление, в том числе и эта грядущая космическая катастрофа, имеет две стороны. Так сказать, дебет и кредит. Он, мистер Фредендолл, не отрицает, конечно, что многие неприятности уже сейчас обнаружались со всей очевидностью. Резко сократились, например, заказы на продукцию почти всех столичных предприятий. Значительно уменьшился и оптовый, и розничный товарооборот. Падают цены на многие товары широкого потребления. Уменьшается объем перевозок всех видов транспорта. Стремительно падает курс акций на бирже.

Эту первую часть своей речи мистер Фредендолл закончил следующими словами:

- Как видите, господа, я ничего не приукрашиваю и докладываю вам обстановку во всей ее неприглядности.

Всем действительно понравились и спокойный тон, и трезвость оценки фактов мистером Фредендоллом. У Роквелла-младшего от удовольствия щеки покрылись морковным румянцем, резко обозначились красные жилки на носу.

Вдохновленный явно выраженным одобрением присутствующих, Фрэнсис Фредендолл после небольшой паузы продолжал развивать свою мысль. Теперь он изображал другую, положительную сторону явления. И тут главным, с его точки зрения, было то, что Конгресс на завтрашнем своем заседании должен будет утвердить дополнительные ассигнования на производство ракетного оружия, электронных вычислительных систем и радиолокационных установок.

Кто-то назвал предполагаемую довольно крупную сумму этих

дополнительных ассигнований, и все, как по команде, повернули головы в сторону Роквелла-младшего. Мультимиллионер, утвердительно кивнув головой, проговорил негромко:

- Да, примерно в этом размере.

- К тому же, господа, - продолжал Фредендолл, - уже сейчас заметно оживляется деловая активность соседних штатов в связи с предстоящим разрушением Грэнд-Сити. Растет стоимость земельных участков, увеличиваются заказы на строительные работы, поднимаются цены на жилую площадь. А если мы откажемся от помощи русских, представляете вы себе, какие грандиозные работы предстоят нам по эвакуации промышленных предприятий, учреждений и населения? Тотчас же все виды нашего транспорта будут полностью загружены. Огромная армия безработных окажется занятой на длительное время работами по демонтажу и эвакуации промышленных предприятий. А какой подъем деловой активности предстоит потом, когда придется восстанавливать разрушенную столицу? Самый же главный наш выигрыш, в случае отказа от помощи русских, будет в сохранении нашего престижа, если не сказать независимости, ибо нам с вами достаточно хорошо известно, к какой потере самостоятельности приводит всякое принятие помощи. В данном же случае наша зависимость от России может оказаться не столько экономической, сколько политической.

- Их пропагандистская идея мирного сосуществования непременно тогда восторжествует, - раздраженно проговорил кто-то из бизнесменов, сидевших в самом дальнем конце кабинета.

Обменялись репликами и другие представители деловых кругов. Только Дональд Роквелл-младший сохранял невозмутимое спокойствие. А когда снова восстановилась тишина, слова попросил пожилой, всеми уважаемый финансист, обладатель многомиллионного капитала, сенатор Стэнли Ирвинг.

- Я полагаю, что на этом неофициальном совещании, - начал он негромким, глуховатым голосом, - мы не будем говорить политических речей, а обменяемся мнениями по поводу обстановки, сложившейся куда более серьезно, чем доложил нам об этом уважаемый мистер Фредендолл. Для того, чтобы решить вопрос о принятии или не принятии помощи русских, давайте сначала трезво оценим, какой ущерб причинит нам потеря Грэнд-Сити. В связи с этим я напому вам кое-какие цифры.

Ирвинг степенно откашлялся, вытер рот большим клетчатым платком и продолжал:

- Кроме того, что Грэнд-Сити - столица нашего государства, а это имеет не только политическое, но и большое моральное значение, в нем представлены все основные отрасли промышленности нашего государства. В швейных предприятиях его занято, например, около сорока процентов швейников всей нашей страны, в полиграфической - около двадцати процентов всех наших рабочих-печатников. Удельный вес химической промышленности столицы составляет двадцать процентов, а металлообрабатывающей - около десяти. В Грэнд-Сити сосредоточено к тому же не менее одной четверти всей оптовой торговли и большой оборот розничной. К тому же через него проходит бо-

лее одной трети всей внешней торговли страны. Я уже не говорю о том, что Грэнд-Сити является крупнейшим узлом морских, речных, железнодорожных, автомобильных и авиационных сообщений.

Хотя Роквеллу-младшему не очень нравилось все то, о чем говорил Ирвинг, он делал вид, что слушает его с не меньшим вниманием, чем Фредендолла. Досаднее же всего было ему то, что и другие слушали этого финансиста не без интереса.

- А можно разве не считаться с тринадцатимиллионным населением Грэнд-Сити? - продолжал Ирвинг. - Куда мы его денем? Чем займем достаточно длительное время полтора миллиона рабочих и не меньшее число служащих?

Сделав небольшую паузу, Ирвинг улыбнулся:

- Не хотел я говорить о политике, но без этого, видно, не обойтись. Давайте теперь трезво посмотрим, каково соотношение сил по ту и по эту сторону "железного занавеса". В военном отношении перевеса мы, конечно, не имеем. Кое в чем даже уступаем. По лицам вашим вижу, что утверждение это вам явно не нравится, я и сам от него не в восторге, но что поделаешь... Вот точка зрения по этому вопросу нашего национального исследовательского института.

Ирвинг достал свою записную книжку и не спеша стал перелистывать ее.

- В докладе упомянутого мною исследовательского института, над составлением которого трудились шестьсот лучших наших экспертов, констатируется следующее:

"Запад утратил свое прежнее военное преимущество. Советский Союз в течение последнего десятилетия сумел не только сравняться, но, возможно, превзошел нашу страну в области военной техники".

- А теперь давайте взвесим, каково соотношение сил в области экономики, - продолжал Ирвинг, закрывая записную книжку и пряча ее во внутренний карман пиджака. - Тут у нас есть пока явный перевес. По производству продукции на душу населения мы обладаем в настоящее время двойным превосходством. Есть, значит, смысл принять вызов на экономическое соревнование с коммунистическим миром и приложить все усилия, чтобы и в этой области не дать им возможности выйти на первое место. Пусть мне теперь кто-нибудь скажет, что я нарисовал, в общих, конечно, чертах, неверную картину соотношения сил? - спокойно заключил Ирвинг, смело глядя в глаза присутствующих.

- Да, это так, но ведь преимуществ-то у нас гораздо больше, чем вы назвали, - заметил кто-то.

- Не спорю, - охотно согласился Ирвинг. - Но я умышленно не вдаюсь в детали, а беру лишь самое главное. Что же получится, если мы пожертвуем Грэнд-Сити? Представляете вы себе, какой выигрыш мы дадим русским в этом экономическом соревновании с нами? Потеря Грэнд-Сити равносильна для нас потере примерно пятнадцати процентов всего нашего экономического потенциала. А ведь русские, по опубликованным контрольным цифрам их семилетнего плана, намереваются осуществить сред-

негодовой прирост промышленной продукции в размере восьми и шести десятых процента, тогда как у нас этот прирост составляет всего лишь два процента.

Молчание, которое сохраняли бизнесмены во время выступления Ирвинга, оказалось обманчивым. С критикой его выступили сразу несколько человек, и хотя они не смогли опровергнуть его оценки сложившейся обстановки, нападки их обрушились главным образом на то, что Ирвинг, увлекшись экономическими соображениями, недооценил будто бы политического момента. Многие считали, что самым страшным, в случае принятия помощи русских, будет потеря веры в политику "с позиции силы".

Но кое-кто все-таки задумался. Кто-то заметил наивно:

- А нельзя разве как-нибудь использовать то обстоятельство, что не мы попросили помощи, а нам предложили ее?

Тотчас же последовала чья-то раздраженная реплика:

- Нашли чем утешиться.

А в первом часу ночи пришло сообщение из вычислительного центра Главной обсерватории, подтверждавшей правильность заявления советских астрономов о падении астероида на Грэнд-Сити. Но и это известие не помогло представителям деловых кругов прийти к единому мнению.

23. Тревожные дни Грэнд-Сити

События развивались теперь настолько стремительно и многообразно, что Каннинг просто не успевал прокомментировать всего этого в своей маленькой газете. Зато он полнее всех других газет дал текст Послания Советского правительства президенту республики. К тому же он печатал большое количество писем и резолюций многочисленных собраний интеллигенции Грэнд-Сити, требовавшей от правительства незамедлительного принятия помощи русских.

Самым же значительным событием считал Каннинг заявление руководителей двух крупнейших профсоюзов Грэнд-Сити о том, что они объявят забастовку, в случае если правительство примет решение об эвакуации столицы. В тот же день к заявлению этому присоединились и другие профсоюзы. В знак солидарности с профсоюзными организациями столицы грозили забастовками профсоюзы почти всех штатов республики. Под давлением масс вынуждены были поддержать требования рабочих даже многие реакционные профсоюзные лидеры.

"Мы не будем демонтировать наши предприятия", - говорили рабочие. "Мы откажемся перевозить промышленное оборудование", - заявили транспортники. Даже пенсионеры, домашние хозяйки и безработные заявляли во всеуслышание, что они никуда не уедут из родного города.

- Пусть нас вывозят силой, - истерически кричала какая-то пожилая женщина, несколько раз прорывавшаяся к зданию Конгресса сквозь строй полицейских. - Мы все ляжем на улицах перед нашими домами, и пусть лучше раздавит нас небесный ка-

мень, чем покинем мы дома, в которых родились...

Голоса этой обезумевшей женщины не стало слышно лишь после того, как ее посадили в полицейскую машину и уехали куда-то. Но многотысячная толпа, круглые сутки стоявшая вокруг здания Конгресса, не редела. Она скандировала свои требования так громко и так дружно, что заглушала голоса выступавших в Конгрессе сенаторов. Усиленные наряды полиции ничего не могли поделать с этим небывалым за всю историю Грэнд-Сити скоплением народа. Мэр города начал уже серьезно подумывать - не вызвать ли войска...

- Господи, что же это такое творится!.. - испуганно говорил какой-то пожилой, почтенный сенатор, глядя через плотно закрытое окно на площадь перед Конгрессом. - Я думал, что такое возможно лишь в истерической Франции или легкомысленной Италии... Что же это стало такое с нашим спокойным, добродушным народом?

- Память у вас коротка, уважаемый мистер Харрисон, - невесело усмехнулся стоявший с ним рядом сенатор Сэнфорд. - А "голодный поход" безработных в дни мирового экономического кризиса? А поход безработных ветеранов войны, против которых пришлось не только вывести войска, но и применить оружие? Да известно ли вам, сколько у нас было стачек за последние годы? Около сорока четырех тысяч! А в предвоенное десятилетие их было всего лишь двадцать тысяч, и участвовали в них в те годы только девять миллионов человек, а сейчас - более двадцати семи миллионов! "

- Распустили, избаловали мы рабочих нашей либеральной политикой, - вмешался в разговор третий сенатор. - А я бы вызвал все-таки войска и показал бы им, как митинговать!..

- Вот и напрасно, - возразил ему мистер Сэнфорд. - Я бы, напротив, в создавшейся обстановке удовлетворял их требования - принял бы помощь русских, но уж потом припомнил бы им все это!..

- Я тоже думаю, что принять их помощь нужно, - поддержал мистера Сэнфорда сенатор Харрисон. - Может ведь так случиться, что русские на этой самой помощи и оскандалятся. Не очень-то я уверен, что удастся им раскрошить астероид. Одно дело. запустить ракету в сторону луны, а другое дело - попасть в космическое тело, несущееся нам навстречу со скоростью почти в пять раз превышающей скорость этой ракеты. Вы представляете, как подорвут они свой авторитет, если только не разрушат астероид?

- Да, - вздохнул третий сенатор, - ради такого подрыва их авторитета - не пожалел бы я никаких жертв! Ни людей, ни города!

...Конгресс с тех пор, как было получено Послание Советского правительства, заседал уже второй день. И лишь к исходу третьего, после ожесточенных дебатов и голосования, принято было наконец решение не отвергать предложения Советского правительства.

- Ну-с, - устало проговорил Чарльз Каннинг, узнав об этом решении, - на первом этапе мы, кажется, победили. Но самое

трудное еще впереди...

24. Подготовка к космической битве

Не один месяц прошел в напряженной подготовке к обстрелу астероида. Всеми этими работами руководил по распоряжению главы правительства помощник военного министра Герберт Рэншэл. Он подобрал себе в помощники людей талантливых и энергичных. Не удалось только отстранить генерала Хазарда, пользовавшегося поддержкой многих конгрессменов и личным расположением военного министра. В штабе Рэншэла можно было встретить теперь не только генералов, адмиралов и военных инженеров всех корпусов армии, но и советских военных специалистов.

Приводился в боевую готовность и военноморской флот, которому предстояло сыграть в этой битве весьма существенную роль. Траектория полета астероида через атмосферу, как теперь было совершенно точно установлено, пересекала Атлантический океан с северо-востока на юго-запад на довольно значительном расстоянии. Вот тут-то, на всем протяжении этой траектории, и должны были подвергнуться обстрелу морской зенитной артиллерии наиболее крупные осколки астероида, образовавшиеся в результате воздействия на него ядерного оружия за пределами атмосферы.

Нелегкой была кропотливая работа по подготовке к "космической" битве, как называли теперь в печати предстоящее сражение с астероидом. Очень мешала этой работе нездоровая шумиха, поднятая некоторыми газетами, особенно "Сиреной". В ней еженедельно публиковались статьи каких-то никому не известных специалистов по метеоритике, которые сначала пытались доказать полную невозможность попасть в астероид, несущийся с космической скоростью. А потом, когда стало известно, что советские ученые и инженеры успешно проводят какие-то опыты по обстрелу целей, находящихся за три с лишним тысячи километров от земной поверхности, скептики "переменили пластинку".

Теперь они стали уверять, что обстрел астероида лишь усугубит бедствие. В доказательство своих утверждений приводили расчет, согласно которому при скорости вторжения в земную атмосферу, равной пятнадцати километрам в секунду, масса метеорного тела к моменту потери космической скорости, испаряясь, уменьшается почти в двадцать раз. При скорости же большей чем двадцать километров в секунду, согласно тем же расчетам, метеорное тело должно будто бы испариться совершенно.

- Это что же получается? - спросил Рэншэла генерал Хазард, протягивая ему газету. - Выходит, что астероид сам может сгореть в атмосфере, а обстрелом мы лишь снизим его скорость и он упадет на землю, почти не расплавившись?

- А вот мы сейчас спросим мнение по этому поводу русского специалиста, - проговорил Рэншэл, кивнув советскому инженеру Романову.

Переводчик повторил инженер-полковнику вопрос генерала Хазарда.

- Я уже знаю об этих статьях в ваших газетах, - ответил Романов. - Признаюсь - они меня удивляют. Создается такое впечатление, будто не на вашу столицу должен упасть астероид, а на город враждебного вам государства, и ваши газеты соревнуются в связи с этим в предсказаниях неизбежной гибели его.

- У нас свобода печати, мистер Романов, - не без высокомерия заметил на это Хазард. - И никто не может запретить издателю "Сирены" печатать то, что он находит нужным. Тем более, что печатает он не измышления шарлатанов, а серьезные соображения, основанные на точных научных данных.

- Странная у вас свобода печати, - пожал плечами инженер-полковник. - А что касается опубликованных "Сиреной" соображений, то они хотя и серьезные, но недостаточно точные. Многие наши советские, да и зарубежные ученые оспаривают величину убывания массы метеорного тела с потерей космической скорости. Но и в том случае, если расчеты эти окажутся верными - неприятностей все равно не избежать. Тунгусский метеорит, например, упавший у нас в Сибири в 1908 году, был встречным и имел космическую скорость около пятидесяти - шестидесяти километров в секунду. Вам, конечно, известно, что он натворил в нашей сибирской тайге.

- А что же даст нам обстрел астероида? - спросил Хазард.

- И в это тоже вселила в вас сомнения "Сирена"? - усмехнулся инженер-полковник Романов. - Могу вас успокоить, однако, - мы не промахнемся.

- Вы заявляете это вследствие традиционной уверенности в выполнимости всех ваших планов или есть более веские основания? - не без ехидства спросил Хазард.

- А у нас обычно не расходится одно с другим, - добродушно улыбнулся советский инженер-полковник. - Наша традиционная уверенность в выполнимости задуманного опирается на достаточно веские основания. Поясню примером. Для того, чтобы натренироваться в стрельбе по "космической", так сказать, мишени, мы подвесили в трех с половиной тысячах километрах над землей своеобразный репер - резиновый резервуар, наполненный сжатым газом. Достигнув заданной высоты, резервуар этот автоматически отделился от ракеты, а находившийся в нем сжатый газ стал заполнять и раздувать его резиновую оболочку до весьма внушительных размеров. Вот по этой-то цели мы и пристреливали наши баллистические ракеты.

Генерал Рэншэл, уже знавший о всех этих мероприятиях Советского правительства, любезно поблагодарил Романова и, оставшись наедине с Хазардом, спросил его:

- Ну, как, удовлетворили вас объяснения русского полковника? Похоже, что они всерьез готовятся к этой космической битве.

- Посмотрим, посмотрим... - задумчиво проговорил Хазард.

- Посмотрим, как еще это у них получится. Одно дело стрелять по мишени и совсем другое - по объекту, несущемуся с косми-

ческой скоростью...

Генерал Рэншэл достаточно хорошо знал Хазарда, чтобы не удивляться его отношению к русским. Разговору этому он не придавал особенного значения, гораздо более встревожило его другое.

Восемнадцатого мая, то есть буквально за три дня до вторжения астероида в земную атмосферу, явился к генералу Рэншэлу майор Райт и попросил уделить ему несколько минут для совершенно конфиденциального разговора.

- Только что получено экстренное сообщение Центральной сейсмической станции Грэнд-Сити, - взволнованно проговорил майор Райт. - По ее данным, в России, точнее - в Сибири, только что отмечен подземный толчок силою в несколько баллов.

- Землетрясение? - удивляясь, почему майор делает из этого тайну, спросил Рэншэл.

- Нет, едва ли. Толчок зарегистрирован не в сейсмической зоне.

- А что говорят по этому поводу наши сейсмологи? Чем объясняют этот толчок?

- Грандиозным взрывом.

- Взрывом? - вздрогнул Рэншэл. - Так вы, значит, думаете, что это дело рук Дэвиса?

- Почти не сомневаюсь в этом.

В тот же день генерал Рэншэл побывал у Гоуста, но тот сообщил ему все то же - о Дэвисе по-прежнему ничего не было известно.

С того дня с тревогой стал всматриваться Рэншэл в лица прикрепленных к его штабу советских специалистов, но они по-прежнему оставались приветливыми. Не поступало никаких тревожных сообщений и из государственного департамента. И все-таки на душе у Рэншэла было беспокойно...

25. Накануне

Весь май Джон Мунн был сам не свой. Чем ближе подходило время к двадцать первому числу, тем больше он нервничал, хотя с ним рядом была теперь Керри.

До сих пор помнил он с мельчайшими подробностями ту ночь, когда позвонил ему редактор "Прогресса". Заснуть больше он тогда не смог, а время до утра тянулось ужасно медленно. С рассветом оно, кажется, и вовсе остановилось...

В семь утра, хотя Джон и понимал, что в столь раннюю пору стучаться в чужую квартиру, по меньшей мере, неприлично, он все-таки был уже на Грин-стрит, 125. Войти в дом Каннинга он, однако, не решился и прошагал возле него около часу. Лишь в восемь осмелился нажать наконец кнопку звонка под медной табличкой: "Чарльз Дж. Каннинг, доктор филологии".

Вопреки опасениям, Керри встретила его приветливо, а когда Джон стал просить у нее прощения, сделала удивленные глаза. По правде сказать, Джон и сам не знал, в чем именно он

провинился и почему должен был просить прощения. Более того, до звонка Каннинга он считал, что прощения должна была просить у него Керри... Все так запуталось, однако, что Джон проговорил в полной растерянности:

- Я хорошо не знаю, в чем именно виноват, но в чем-то виноват безусловно...

Он хотел сказать еще что-то, но Керри рассмеялась:

- Ладно, ладно, хватит! Я вам прощаю, хотя тоже не знаю, за что именно.

И все как-то само собой уладилось. А вечером состоялся более интимный разговор, и Джон предложил Керри руку и сердце. Ни то, ни другое не было отвергнуто. Единственно, против чего Керри возражала, был отъезд ее из Грэнд-Сити. Свадьбу же назначила она на день вторжения астероида в земную атмосферу.

- Ты хочешь, чтобы и звездная "Керри" присутствовала на нашем торжестве? - попытался Джон превратить в шутку сумасбродную, как казалось ему, идею Керри.

- Нет, - спокойно ответила Керри, - я просто очень верю в то, что ни один даже самый маленький камешек не упадет на наш город, если только человечество объединит свои усилия.

И вот, когда до вторжения астероида в земную атмосферу остались считанные дни, Джой стал заметно нервничать.

- Что же ты переживаешь так, глупый, - ласково говорила ему Керри. - Не веришь разве точности своих расчетов или боишься, что не справится с твоим астероидом земная техника?

- Сам не знаю, что со мной, Керри, - ответил Джон. - Тревожно что-то... Может быть, мы не будем все-таки ждать этого рокового числа, а поженимся сегодня или завтра?

- Опять ты трусишь! - рассмеялась Керри. - Знала бы, что ты такой трусишка, ни за что бы не полюбила тебя. А поженимся мы все-таки двадцать первого мая. Астероид к нам пожалует около десяти, к десяти, значит, все будет кончено, а в одиннадцатый мы уже сможем сесть за стол в ресторане "Космос". Теперь ведь у нас модно все астрономическое. Вот и открыли недавно новый ресторан "Космос". Я там уже заказала наш свадебный обед. Не будем отставать от моды! Хозяин ресторана просто в восторге от моей затеи. Обещает приготовить какой-то умопомрачительный салат под названием "Галактика". Он теперь срочно изучает астрономию, и можешь не сомневаться, что соус будет называться какой-нибудь космической туманностью, а торт "Метагалактикой".

Все это, однако, не очень веселило Джона, но, чтобы не огорчать Керри, он сделал над собой усилие и спросил улыбаясь:

- Ну, а как обстоит дело с объявлением в газете о дне нашей свадьбы?

- О! - весело воскликнула Керри. - Самые солидные наши газеты буквально дрались друг с другом за право опубликовать его на своих страницах.

Начиная с девятнадцатого мая Джон уже почти не покидал стен обсерватории. Он знал, что телескопы всех стран мира обращены теперь на ту точку неба, в которой должна была появиться его "Керри". И вот она появилась наконец...

С каждым днем все большее количество астрономических инструментов ловило теперь в свои объективы астероид Джона Мунна. Как колоссальное ядро, с огромной скоростью неся он по гигантской дуге эллиптической орбиты к своему перигелию - кратчайшему расстоянию от Солнца. Совершала свой путь в космическом пространстве и наша Земля, все более сближаясь с той точкой орбиты астероида, в которой должно было произойти столкновение.

Джон Мунн знал, что советские артиллеристы пристреляли уже свои батареи баллистических ракет по космической цели и готовы были встретить незваного гостя задолго до того, как вторгнется он в земную атмосферу. Кто знает, однако, как будет протекать это необычное сражение?.. Малейшая ошибка в расчетах при столь колоссальных скоростях может ведь оказаться роковой для Грэнд-Сити...

Многомиллионный город будто вымер к этому времени. Выехали из него все правительственные учреждения, прекратились занятия в университетах. За несколько дней до этого вывезли в соседние штаты всех детей. Бежали из столицы почти все наиболее состоятельные граждане. Пустынно и уныло стало на ее площадях, проспектах и улицах, хотя весеннее солнце заливало их радостными потоками света.

Особенно великолепным было утро двадцать первого мая - безоблачное, безветренное. Однако это не веселило встревоженных жителей города. Они ходили весь день, задрав головы, будто могли увидеть там что-то. Настороженно прислушивались они к экстренным сообщениям радиостанций. До самого вечера никто не заходил в помещения, а с наступлением темноты, как в дни войны, завывали сирены воздушной тревоги и войска противовоздушной обороны стали загонять людей в бомбоубежища.

К двадцати одному часу астероид приблизился к Земле настолько, что уже можно было разглядеть его даже в полевой бинокль. А в двадцать один сорок пять он был уже всего лишь в четырех тысячах километров от поверхности земного шара.

Затаив дыхание следили теперь за ним не только коллеги Джона Мунна по Центральной обсерватории, но и астрономы почти всего Западного полушария.

На подступах к верхним слоям атмосферы Земли неся он со скоростью близкой к пятидесяти километрам в секунду, а запущенные ему навстречу баллистические ракеты развили вторую космическую скорость, равную одиннадцати с лишним километрам в секунду. Столкновение при таких скоростях не могло остаться бесследным для астероида, даже если бы ракеты не были начинены термоядерными зарядами.

Астрономы понимали, с какими невероятными трудностями связано попадание в астероид. При всей безукоризненности те-

оретических данных, приготовленных электронными машинами, и наличии некоторого практического опыта в стрельбе по цели, находящейся в космическом пространстве, избежать ошибки казалось им невозможным. Но они достаточно хорошо знали и предусмотрительность русских, которые, конечно, прекрасно понимали всю сложность своей задачи и приготовились, наверно, к любой неожиданности.

Не менее других верил в совершенство советской техники и Джон Мунн, однако попрежнему продолжал нервничать. Волнение его еще более возросло, когда увидел он, что первая баллистическая ракета пронеслась мимо астероида, не задев его.

Трудно было точно сказать, на каком расстоянии разминулись они, только взрыв водородной бомбы не причинил астероиду никакого ущерба. Бомба эта, помещавшаяся в баллистической ракете, взорвалась под воздействием импульса фотоэлементов, безукоризненно точно зарегистрировавших момент встречи с астероидом.

Вторая ракета, следовавшая за первой с интервалом в полторы секунды, тоже не столкнулась с астероидом, но ее водородный заряд взорвался уже ближе к нему и Джон заметил, как потемнела (видимо, сплавилась) часть его поверхности.

"Выходит, что и водородная бомба бессильна против него", - тревожно подумал Джон, хотя он и знал, что грандиозная сила ударной волны водородного взрыва не могла сказаться в полной мере в разряженном пространстве. Причинить значительный ущерб астероиду мог только взрыв водородной бомбы при прямом попадании.

Но вот третья ракета попала наконец в цель. Она отколола от астероида огромную глыбу и расплавила теперь вторую сторону небесного камня...

Радиолокационные установки через каждую тысячную долю секунды приносили в электронные вычислительные устройства все новые и новые данные. Это позволяло мгновенно вносить поправки в наводку ракет. По текущим координатам, направлению и скорости движения астероида с безукоризненной точностью определялись теперь координаты точек упреждения, и ракеты били по астероиду уже без промаха. Однако в связи с тем, что астероид, вернее - осколки его, все еще летели со значительной скоростью, спустя несколько секунд: достигли они верхних слоев атмосферы. Продолжать их обстрел водородными бомбами становилось рискованно из-за опасности радиоактивного заражения.

Обстоятельство это было учтено заранее, советские батареи баллистических ракет прекратили вскоре свою работу. Но теперь вступала в действие "воздушная броня" - Земля. С увеличением ее плотности все более нагревались осколки астероида, начиная светиться и плавиться.

На флагманском корабле генерала Рэншэла пришла теперь в действие система "Сейдж", в которой применялась гигантская электронная вычислительная установка. Она получала от радиолокационных станций дальнего обнаружения всю необходимую ей информацию, производила молниеносные вычисления и самостоя-

тельно приводила в боевую готовность из всех многочисленных средств противовоздушной обороны лишь те, которые в сложившейся обстановке являлись наиболее эффективными.

В это же самое время электронные вычислительные машины на других военных кораблях, сосредоточенных в различных зонах Атлантического океана, обрабатывали показания индикаторов дальности и кругового обзора своих радиолокационных установок. Они мгновенно готовили данные станциям орудийной наводки, сообщая все необходимые координаты приборам управления зенитным огнем.

По сигналам этих машин с грозным ревом взмывали в небо со всех стартовых площадок управляемые и самонаводящиеся снаряды. С предельной точностью работали и инфракрасные пеленгаторы. Улавливая своими термоэлементами тепловые лучи от раскаленных осколков астероида, они вырабатывали электрокоманды, указывающие направление на цель. Темная поверхность океана на огромном пространстве озарялась теперь выхлопами ракетных двигателей, ослепительными вспышками рвущихся снарядов, мощными лучами корабельных прожекторов...

В этом небывалом за всю историю человечества сражении, время в котором исчислялось сотыми и тысячными долями секунд, не только руки человека, но и мозг его не успевал реагировать на быстро меняющуюся обстановку. Успешно действовали тут лишь электронные вычислительные машины да радиолокационные установки. И как ни велика была скорость теперь уже довольно многочисленных частей астероида, радиоимпульсы радаров распространялись во много раз быстрее, успевая многократно отразиться и от осколков астероида, и от летящих им навстречу снарядов. Со столь же колоссальной скоростью обрабатывали показания локаторов электронные вычислительные машины.

Теперь работали почти все наиболее значительные средства противовоздушной обороны, и небо было густо исчерчено светящимися трассами их снарядов да звездным дождем метеоров - раскаленными осколками астероида.

Сражение это, к которому готовились почти целый год, длилось всего несколько минут. Знаменитые самозаводящиеся часы на здании Конгресса в Грэнд-Сити не успели еще отсчитать десяти ударов, как над океаном смолкли и гул реактивных двигателей, и грохот рвущихся снарядов, и свист осколков. Только светлые прямые полосы простирались теперь по темному небу вдоль траекторий осколков астероида, сгоревших в верхних слоях атмосферы, но и их искривляли уже стратосферные течения.

27. Торжество здравого смысла

А Грэнд-Сити все еще находился в тревоге, хотя несомненно было, что главная беда миновала. Горожане знали, что астероид разбили, раскрошили на мелкие части, многие из которых сгорели в атмосфере, а некоторые, потеряв свою космическую

скорость, упали в океан. Какая-то часть достигла все же не только побережья, но и восточных окраин Грэнд-Сити. Конечно, на эти мелкие осколки и на метеоритную пыль, которая висела еще в воздухе, можно было бы не обращать внимания, если бы не их радиоактивность.

Жители города, сидя в бомбоубежищах и прочих укрытиях, настороженно прислушивались теперь - не раздастся ли сигнал отбоя. А войсковые подразделения радиационной разведки обследовали уже каждую площадь, улицу, переулок и двор с помощью различных индикаторов, рентгенометров и радиометров. Участки, на которых обнаруживалась радиоактивность, тотчас же ограждались. Там, где она отсутствовала или была в допустимых пределах, ставились знаки свободного прохода.

На крышах высоких зданий брались пробы воздуха. То же самое проделывалось в атмосфере с помощью шаров-зондов. К счастью, ветер дул в сторону океана и радиоактивная метеоритная пыль не достигала материка.

Отбой был дан только в одиннадцать часов ночи, но движение было разрешено пока не по всем улицам. К площади Независимости, на которой находился ресторан "Космос", путь, к счастью, был свободен. Керри, Джон и Чарльз Каннинг с женой воспользовались этим и поспешили к давно приготовленному услужливым ресторатором свадебному столу.

А в полночь диктор центральной радиостанции, после сообщения об успешном предотвращении катастрофы, нависшей над Грэнд-Сити, пожелал счастья молодоженам - Керри Демпси и Джону Мунну, свадьба которых была в это время в полном разгаре.

- Празднованием этой свадьбы жизнь нашего города снова входит в свою обычную колею, - торжественно заключил диктор центральной радиостанции свое выступление.

Генерал Рэншэл, все еще находившийся на флагманском корабле, с которого он руководил обстрелом астероида, прослушав эту передачу, тяжело вздохнул:

- Хорошо хоть, что сегодня этих истинных патриотов помянули добрым словом, завтра о них уже и не вспомнят, наверно. Завтра и газеты, и радио будут прославлять иных героев. Не астронома Джона Мунна, первым обнаружившего опасность, нависшую над Грэнд-Сити, а редактора "Сирены", добившегося небывалых тиражей на раздувании этой опасности. И не тех, кто самоотверженно осуществляли оборону города от космического пришельца, а генерала Хазарда, заработавшего огромные деньги на тайных соглашениях с предпринимателями, выполнявшими срочные заказы военного министерства.

Майор Райт, к которому были обращены эти слова, мог бы добавить, что и генерала Рэншэла ждут вскоре неприятности из-за его слишком уж прогрессивного образа мыслей. Предполагалось даже, что заменит его не кто иной, как генерал Хазард. Но разве сообщишь такие неприятные вещи человеку, которого не только уважаешь, но и считаешь подлинным героем?

- Да, вы, конечно, правы, сэр, - с чувством горечи согласился с Рэншэлом майор Райт.

Он закурил сигарету, прошелся по мостику линкора и проговорил задумчиво:

- А русские, значит, оказались верными слову, несмотря ни на что...

- Что именно имеете вы в виду? - не понял генерал Рэншэл.

- Взрыв, который произошел у них в Сибири.

- А, это! - усмехнулся генерал и пояснил: - Ничего особенного там, оказывается, не произошло. Один из их военных инженеров объяснил мне, что они сами взорвали заряд длиной в семь километров и весом до тридцати тысяч тонн. Им нужно было изменить течение одной из их сибирских рек, и они с успехом сделали это.

- Но, позвольте, а где же тогда злополучный Дэвис? - недоуменно проговорил Райт. - Не провалился же он сквозь землю?..

- Девиса русские, конечно, поймали, в этом у меня нет ни малейшего сомнения. А шуму из-за этого же подняли по той причине, что, помогая нам, одержали такую политическую победу, в сравнении с которой даже самый грандиозный международный скандал - ничто. Они ведь живым конкретным примером доказали нашему народу и всему миру не только возможность, но и неизбежность мирного сосуществования.

- Вы считаете, значит, что теперь наша песенка спета? - упавшим голосом спросил майор Райт.

- Почему же спета? - удивился Рэншэл. - Просто нужно искать каких-то новых, более реальных путей успешного соревнования с коммунистической системой.

...А в это время Чарльз Каннинг произносил очередной свой тост за свадебным столом в ресторане "Космос":

- Мы уже достаточно выпили за здоровье молодых, и можно считать, что оно им обеспечено. Нужно позаботиться теперь и о их счастье, которое, к сожалению, зависит не только от того, как сложится их личная жизнь. Предлагаю поэтому выпить за торжество того самого здравого смысла в отношениях между народами, который так блистательно восторжествовал над безумием в эти исторические дни.

- А так как восторжествовал он не без нашего участия, - в тон своему редактору весело добавила Керри, - то выпьем и за тех, кто помогает торжеству этого здравого смысла!

ПЛЕННИКИ "БОЛЬШОГО ДЖО"

1. Непредвиденное...

Может быть, это было бы и не так страшно, если бы не по-

гас свет. А он погас почти тотчас же, как только дрогнул под ногами бетонированный пол. Изображение на телевизорах исчезло раньше, но экраны их все еще мерцали зеленоватым призрачным светом.

Все это было так неожиданно, что генерал Хазард, кажется, впервые в жизни растерялся. Ему показалось даже, что в подземном убежище никого больше не осталось в живых. Сам он по-прежнему сидел в кресле перед столом, на котором стояли телевизоры, но все его большое, грузное тело казалось ему парализованным. Пронизали ли его стремительные потоки нейтронов и гамма-лучей невидимой проникающей радиации, или это от страха только онемели так его конечности, он не знал... но все еще не решался шевельнуть ни рукой, ни ногой...

А ведь каким безопасным представлялся ему этот взрыв еще совсем недавно! Хазард лично осмотрел мощные бетонированные стены подземного убежища и стальные щиты, перекрывающие два его отсека. Все отличалось необычайной прочностью и добротностью отделки. Самый строгий инспектор безусловно не смог бы тут ни к чему придраться. Да и глубина была такая, что казалось не страшным очутиться даже под эпицентром взрыва "Большого Джо".

Самым же удивительным было не то, что дрогнула так эта подземная крепость, - вызывал недоумение сам факт ее сотрясения. Сила взрыва оказалась, значит, куда более значительной, чем предполагалось...

Генерал Хазард не был, конечно, таким храбрым, каким он старался казаться, но его нельзя было назвать и трусом. Однако в первое мгновение душа его если и не взвилась к небесам, то уж, вне всяких сомнений, ушла в пятки. Даже сознание, что он все еще жив, не очень обрадовало его: генерал почти не сомневался, что он безнадежно поражен лучевой болезнью.

"А что же с другими?.." - мелькнула на мгновение не очень тревожная мысль (теперь, когда он сам обречен, другие мало его интересовали). Но так как одиночество не могло, не пугать Хазарда, генерал решил все же удостовериться, действительно ли он один заживо погребен здесь или есть и еще кто-нибудь уцелевший.

- Эдди! - слабым голосом позвал он своего адъютанта.

- Да, сэр, - чуть слышно отозвался лейтенант Эдди Олд.

- Вы живы, Эдди?

- Кажется, сэр...

Хазард попробовал шевельнуть рукой. Это удалось ему без особого труда. Но зато он почувствовал вдруг, что его стало слегка поташнивать, а это, как он знал, являлось вернейшим признаком лучевой болезни. Ему, правда, было известно, что болезнь эта не могла сказаться столь скоро, что существуют какие-то стадии развития ее, но сейчас все это вылетело из головы и ощущение обреченности всецело владело его чувствами.

Генералу снова все стало безразличным. Он ни о чем больше не спрашивал адъютанта, продолжая по-прежнему неподвижно си-

деть, откинувшись на спинку кресла. До слуха его, однако, стали вскоре доноситься из противоположного конца подземелья чьи-то негромкие проклятия. Было несомненно, что тут находился и еще кто-то, кроме Эдди Олда.

- Зажгите же хоть что-нибудь, Сэм, - услышал он вскоре глуховатый голос Медоуза.

Значит, старик профессор тоже жив? А проклятия, доносящиеся из дальнего конца подземелья, принадлежат, конечно, радиотехнику Сэму Квелчу. Это он громыхает там какимито ящиками, отыскивая, видимо, аккумуляторы.

Вспыхнувший свет показался Хазарду таким ослепительно ярким, что он вздрогнул и зажмурился.

- Электростанция наша вышла из строя, - шелковая рубильником, проговорил Квелч таким будничным тоном, будто ничего особенного и не произошло.

- Ну, а телевизоры?.. Разве они выключились только из-за отсутствия питания? - снова раздался голос профессора Медоуза.

- Наверно, пострадал и передатчик, - не очень уверенно ответил Квелч.

"Как могут они болтать о таких пустяках?.." - с досадой подумал генерал Хазард.

- Вы бы поинтересовались лучше, как там в соседнем отсеке, - проговорил он устало. - Живы ли?

Эдди Олд, молодой щеголеватый лейтенант, уже возившийся некоторое время возле стального щита, перекрывавшего вход во второй отсек подземного убежища, ответил генералу:

- Похоже, что их защелкнуло там, как в мышеловке. Щит второго отсека, видимо, заклинился от сотрясения. Подъемный механизм его не работает.

- Ну так постучите им чем-нибудь! - начиная злиться, приказал Хазард. - Неужели сами не можете этого сообразить?

Злился же он не столько на своего адъютанта, сколько на профессора Медоуза, который должен же был сказать наконец, подверглись они облучению проникающей радиации или нет?

Лейтенант Олд чем-то металлическим стал бить в стальной щит. Подземелье наполнилось глухим, унылым гулом. А когда умолкли звуки, похожие на похоронный звон, все настороженно прислушались. Эдди Олд даже приложил ухо к стальной плите.

- Тишина, - проговорил наконец радиотехник.

- Да, - подтвердил лейтенант, - за щитом никаких признаков жизни.

- А не могла поразить их проникающая радиация или ударная волна? - с тревогой спросил Квелч.

- Не думаю, - ответил профессор. Генералу показалось, что Медоуз произнес это не очень уверенно, и он спросил его:

- Ну, а нас?

- У нас пока все благополучно, - ответил профессор. - Мы ведь не слышим щелчков счетчика зараженных частиц.

- А он не испортился?

- Другие дозиметрические приборы тоже не дают пока никаких показаний.

Профессор постучал ногтем по застекленной шкале одного из рентгенометров и предложил Хазарду лично взглянуть на негa, но генерал сделал вид, что его это мало интересует. Апатии его теперь как не бывало. Он довольно проворно поднялся со своего кресла и несколько раз прошелся по просторному помещению, разминая мышцы ног с таким усердием, будто просидел тут неподвижно не менее суток.

2. Хазарда снова начинает тошнить

- Ну-с, нужно что-то предпринимать, - проговорил генерал Хазард своим прежним начальническим тоном. - лейтенант Олд, проверьте, как обстоит дело с выходом из этой гробницы.

- Слушаюсь, сэр, - отозвался Эдди Олд, - только ведь это, наверно, рискованно...

- В каком смысле? - не понял Хазард.

- В смысле радиоактивности там, наверху.

- А как вы считаете, профессор?

- Пусть лейтенант подождет, - ответил Медоуз. - На всякий случай я проверю показания дозиметрической аппаратуры на поверхности скалы, под которой находится наше убежище. Дайте-ка мне ваш фонарик, - повернулся профессор к радиотехнику, возившемуся с телевизором.

Пока Медоуз регулировал свои приборы, связанные с установленными на поверхностискалы счетчиками радиоактивных частиц, Хазард подошел поближе к Квелчу.

- Ну, что тут у вас? Можете вы принять хоть что-нибудь?

- Телевизоры вроде в порядке, - отозвался радиотехник, поворачивая в разные стороны ручки настройки. - Я подключил их к аккумуляторам, питание они теперь имеют. Может быть, случилось что-то с антенной?.. Скорее всего, однако, вышла из строя передающая камера. Взрыв ведь был необычный. Наверно, и не рассчитывали на такой...

- Ну ладно, Квелч! - грубо оборвал его генерал Хазард. - Не вашего ума это дело.

Квелч был младшим офицером технических войск, для него окрик генерала был приказом.

- Слушаюсь, сэр, - покорно проговорил он, вытягивая руки по швам.

Хазард недовольно отвернулся от него и посмотрел в сторону профессора Медоуза. Тот все еще возился со своими приборами. Что-то смущало его в их показаниях. Это встревожило Хазарда.

- Ну-с, долго вы еще будете колдовать там, профессор? - стараясь шутливым тоном скрыть свою тревогу, спросил Хазард.

- Удивительная вещь, генерал, - пожимая плечами, отозвался Медоуз. - Счетчики показывают такую радиоактивность, какой не должно быть возле нашей скалы... Более тысячи рентгенов!

- А, может быть, счетчики ваши... - начал было Хазард, но Медоуз торопливо перебил его:

- Нет, нет, со счетчиками все в порядке. Вышли из строя только те, которые были ближе к эпицентру.

- Но ведь это же чертовски много - тысяча рентгенов! - испуганно воскликнул адъютант Хазарда.

- Порядочно, - не без прений ответил ему Медоуз, - если иметь в виду, что доза в шестьсот рентгенов считается почти смертельной.

Лейтенант Эдди Олд побледнел еще больше и не мог уже говорить ни слова.

- Но ведь это значит... - начал было Квелч, выключивший телевизоры и тоже подошедший к Медоузу, но профессор опередил его:

- Это значит, что мы в плену у "Большого Джо".

Бледное горбоносое лицо профессора, седая старомодная эспаньолка, высокая тощая фигура, длинные руки с костлявыми пальцами удивительно живо напомнили сейчас генералу Хазарду зловещий облик гетевского Мефистофеля.

- То есть как это в плену?! - удивленно воскликнул Хазард, снова почувствовав тошноту.

- А очень просто, - мрачно усмехнулся профессор, поглаживая свою бородку, - пока доза гамма-излучений не уменьшится хотя бы до ста рентгенов, выйти невредимыми отсюда невозможно.

- И сколько может продлиться это?

- На наш с вами век хватит, - безнадежно махнул рукой Медоуз. - Все зависит от того, какими радиоактивными продуктами покрыта поверхность нашей скалы. Полураспад стронция-90, например, составляет около тридцати лет, цезия-137 - тридцать три года, а технеция-99 - миллион лет.

- Со столь долгими периодами полураспада тут, наверно, не так уж много продуктов деления? - заметил Хазард.

- Но и не так уж мало, - возразил Медоуз. - Около двадцати процентов, а это - пятая часть.

- Зато радиоактивность остальных, насколько мне известно, должна уменьшиться в десять раз через семь часов после взрыва, - все еще бодрился генерал. - А через сорок девять часов - в сто раз.

- Ну что ж, посмотрим, - неопределенно проговорил профессор, не желая раньше времени разочаровывать с надеждой смотревших на него пленников "Большого Джо".

- А наведенная радиоактивность? - спросил Квелч. - Ее вы не принимаете разве в расчет?

Генерал не без удивления посмотрел на радиотехника. Откуда ему известны такие тонкости? Сам он чуть было не забыл о том, что под воздействием потока нейтронов находящиеся в почве химические элементы становятся радиоактивными...

- Не думаю, чтобы на поверхности нашей скалы могли оказаться цинк, кобальт, натрий и марганец, но кремний и кальций имеются вне всяких сомнений, - ответил на замечание Квелча профессор Медоуз. - Они действительно могут стать радиоактивными и испускать гамма- и бета-излучения.

Хазард хорошо знал, что альфа- и бета-лучи имели неболь-

шой радиус действия и легко поглощались различными веществами, в том числе и воздухом. Их внешнее воздействие на организм было сравнительно невелико. Зато гамма-лучи обладали большой проникаемостью и могли поразить любой орган человеческого тела.

При одной только мысли об этом по телу генерала Хазарда пробегала нервная дрожь. Одно дело - знать о том, что гамма-лучи, проникая в организм, начинают взаимодействовать там с его атомами, вызывая их распад на ионы и электроны, и совсем другое - самому быть подопытным кроликом в эксперименте подобного рода...

Может быть, однако, профессор Медоуз преувеличивает опасность? Он крупный специалист по вопросам ядерной физики (его поэтому и взяли в экспериментальную группу), но ведь он понятия не имеет о том, какую бомбу взорвали только что. Это вообще секрет для большей части участников ее испытания. А может быть, даже и для инициаторов ее... Вон ведь какую шутку она с ними сыграла! Вряд ли однако, радиоактивность зараженной ею местности может оказаться столь стойкой, как полагает Медоуз.

- Что же все-таки за бомбу взорвали сегодня? - дрожащим голосом спросил Эдди Олд, со страхом прислушивавшийся к разговору профессора с генералом Хазардом.

- В военном министерстве все так засекречено, дорогой Олд, - вздохнул Медоуз, - что даже я ничего толком не знаю об этом. Известно только, что это совершенно новая супербомба с шифрованным названием "Большой Джо".

- А разве это не "чистая" бомба? - спросил Квелч.

- Что значит "чистая"? - удивленно обернулся к нему Эдди Олд.

Медоузу, однако, удивление Олда показалось напускным, хотя он и не понимал, зачем было ему притворяться таким наивным. Всем ведь было известно, что такое "чистая" бомба. Об этом достаточно трубили последнее время все газеты.

- Что вы спрашиваете меня, Эдди? - пожал плечами Квелч. - Профессор с генералом лучше знают, что это такое.

- А вы разве не знаете этого, мистер Олд? - испытующе посмотрел профессор в глаза молодому лейтенанту, но они показались ему бесхитростными. - Под "чистой" принято у нас понимать водородную бомбу, поскольку взрывная сила ее определяется в основном термоядерными процессами, а не делением, как у атомной. Количество радиоактивных продуктов при взрыве такой бомбы обычно бывает невелико.

- Но позвольте, - сделал удивленные глаза радиотехник, - а чем же вызывается этот термоядерный процесс? Для него необходима ведь температура в несколько миллионов градусов, и она, насколько мне известно, достигается взрывом атомной бомбы, находящейся внутри водородной. О какой же "чистоте" может в таком случае идти речь?

- Пока "запалом" служит атомная бомба, какого-то количества продуктов деления, конечно, не избежать, - согласился Медоуз. - Однако их значительно меньше, чем при взрыве боль-

ших трехслойных водородных бомб.

Следовало бы, пожалуй, прервать эту дискуссию, но генерал Хазард решил, что пусть уж лучше они разговаривают, чем предаются мрачным размышлениям.

- А совершенно "чистую" пока, значит, создать не удастся?

- спросил Эдди Олд.

- В этой области ведутся работы, - ответил ему Медоуз. -

Некоторые наши научные советники уверяют правительство, что уже сейчас можно сделать бомбу девятидесятипроцентной "чистоты". А в дальнейшем, заменяя в водородных бомбах атомные детонаторы кумулятивными зарядами обычного взрывчатого вещества, может быть, удастся добиться и полной "чистоты".

Профессор, впрочем, очень сомневался в этом, ибо он лично всякую водородную бомбу считал достаточно "грязной". Он вообще не верил в возможность создания термоядерной бомбы, взрыв которой не сопровождался бы образованием радиоактивных изотопов.

- Вы говорите, "то для создания "чистой" бомбы потребуется еще несколько лет? - подсев поближе к профессору, спросил Квелч. - А все это время в поисках такой бомбы мы, значит, будем экспериментировать? И это будет, конечно, всякий раз связано с какими-нибудь неожиданностями, как, например, при испытании первой нашей трехфазной водородной бомбы?

- Все может быть, конечно, - согласился профессор Медоуз.

- Первая наша трехслойная, или трехфазная, бомба действительно несколько превзошла все наши ожидания, и коекто от нее изрядно пострадал.

- Я и говорю, что эти чертовы бомбы почти всегда оказываются с каким-нибудь дополнительным сюрпризом! - злобно заметил Квелч. - Все ведь думали тогда, что начинена, она, кроме урана-235, лишь тяжелой и сверхтяжелой водой, а там оказалось и еще что-то.

- Особенно хитрого, однако, ничего не было, - устало проговорил профессор Медоуз. Этот разговор начинал ему надоедать. - Вместо дейтерия и трития ее "начинили" тогда дейтеритом лития, а оболочку заполнили обычным ураном-328. В результате получился процесс: расщепление - ядерное соединение, - расщепление. И это более чем в десять раз превысило мощность обычной водородной бомбы.

- Ну и какую же местность она заразила? - с прежним озлоблением спросил радиотехник Квелч, и генерал Хазард отметил про себя, что этому человеку нельзя больше разрешать присутствовать при секретных испытаниях.

- Радиация, достигавшая опасной величины, возникла в тот раз на площади в восемнадцать тысяч квадратных километров, - все тем же равнодушным голосом дал справку профессор Медоуз.

- Доковыряемся мы в этих атомах! - снова возбужденно воскликнул Квелч. - Отправимся раньше времени в преисподнюю вместе со всей нашей планетой! Кто знает, что творится сейчас там, наверху?.. Может быть, начался уже цепной распад атмосферы... Посмотрели бы, что показывают ваши приборы, профессор.

Медоуз понимал, что Квелч говорит совершеннейшую ерунду, но бросил все же нервный взгляд на стрелки приборов. И хотя они показывали некоторое увеличение радиоактивности, профессор поспешил успокоить Квелча, что никакой цепной реакции воздуха не происходит и произойти не может.

3. Адмирал Диксон обещает помощь

Генерал Хазард знал, конечно, о взорванной бомбе несколько больше Медоуза, но и ему многое было не ясно. Он не прочь был, пожалуй, расспросить профессора о кое-каких физических принципах ее действия. Понимая, однако, как нервно настроены его офицеры, решил отложить этот разговор до другого раза. Он лично не видел пока ничего страшного в создавшейся обстановке, хотя что-то, видимо, сработало и не совсем так... Но там, наверху, уже знают, наверно, об этом и предпримут же что-нибудь для их спасения. Как-никак, а в плену этой бомбы оказались ведь не только он и профессор Медоуз (младших офицеров Хазард не принимал в расчет), но еще два полковника артиллерийской и инженерной службы да несколько ученых, специалистов по ядерной физике, заточенных в соседнем отсеке подземелья.

- Слушайте, Квелч, - строгим тоном обратился Хазард к радиотехнику, - хватит вам болтать тут разную ерунду. Если вы уже наладили свою рацию, немедленно свяжитесь с нашим авианосцем и доложите адмиралу Диксону обстановку.

- Слушаюсь, сэр, - без особого энтузиазма отозвался Квелч. - Не знаю только, в порядке ли наружная антенна. А без нее вряд ли удастся наладить связь.

Он склонился над радиостанцией, и все с напряженным вниманием стали наблюдать за выражением его дубленного ветрами всех морей и океанов грубоватого лица. Пока он то выкрикивал в микрофон, то выстукивал ключом радиотелеграфа свои позывные, генерал Хазард, чтобы хоть немного разрядить напряженную обстановку, решил сделать еще одно распоряжение.

- Эдди, - бодро обратился он к своему адъютанту, - займитесь-ка и вы делом. Учтите наши съестные припасы, - кто знает, сколько придется тут проторчать.

- Ясно, сэр, - ответил лейтенант Олд. - Только какие же у нас припасы? Никто ведь не собирался сюда надолго.

- Поменьше болтайте и делайте, что вам приказано! - нахмурился Хазард. - У каждого есть, наверное, что-нибудь в карманах. У меня в портфеле, например, вы обнаружите несколько бутербродов. А вон на том столе стоят две банки консервированных ананасов. Кое-что есть у меня и во фляге. - Хазард хитро подмигнул при этом. - А вы ведь сластена, Эдди, не может быть, чтобы у вас не нашлось одной-двух плиток шоколада. Действуйте же!

Без особого рвения принялся лейтенант выполнять приказание генерала и спустя несколько минут доложил:

- Обнаружено следующее, сэр: две банки консервированных

ананасов, два бутерброда с ветчиной, пачка печенья, три плитки шоколада, четыре пачки сигарет и одна фляга с коньяком.

- Да, конечно, маловато. Но ничего, думаю, что нам этого хватит. Ну, что там у вас? - повернулся генерал к Квелчу.

- Пока никто не отзывается, сэр.

- Может быть, действительно что-нибудь с антенной? - спросил Медоуз.

- Да нет, едва ли. Широковещательные станции удается ведь принимать.

- А ну-ка, поймите, пожалуйста, одну из них еще раз, - попросил радиотехника профессор.

Квелч переключил радиостанцию на прием и, покрутив немного ручку настройки, поймал музыку.

- Это, наверно, японская, - заметил Медоуз.

- Концерты будем слушать после, Квелч, - недовольно проговорил Хазард. - Занимайтесь своим делом.

Радиотехник снова стал выстукивать ключом свой позывной, а когда переключился на прием, в динамике его рации тонко заняла морзянка.

- Наконец-то! - с облегчением произнес Квелч и вытер рукавом кителя мокрый лоб.

Все сгрудились теперь возле радиостанции, с напряженным вниманием прислушиваясь, как радиотехник произносит по складам перевод текста, переданного с авианосца адмирала Диксона азбукой Морзе:

"Слы-шим вас... По-ня-ли... При-ни-ма-ем ме-ры... Будь-те мужест-вен-ны... Омар".

- "Омар", - пояснил Хазард, - это позывной адмирала Диксона.

Генерал теперь заметно повеселел. К нему полностью вернулась его самоуверенность. Если совсем еще недавно боролся он с желанием поделиться с профессором Медоузом тем, что было ему известно о взорванной бомбе, то теперь об этом не могло быть и речи.

"Военная тайна есть военная тайна", - самодовольно произнес он про себя и приказал Квелчу доложить Диксону обстановку.

Радист адмирала подтвердил прием радиограммы генерала Хазарда и назначил следующий радиосеанс через полчаса.

В ожидании очередного разговора с адмиралом Хазард распорядился выдать своему "гарнизону" треть учтенных Олдом продуктов.

- Коньяк выпьем перед тем, как покинуть это подземелье, - весело подмигнул он профессору Медоузу.

За пять минут до назначенного времени Квелч включил рацию.

- Пройдитесь слегка по эфиру, - приказал ему Хазард. - Любопытно, что там нового в мире. У меня такое впечатление, профессор, будто мы заточены тут уже целую вечность.

Из динамика раздалась отрывистая речь на непонятном языке.

- Это кто? - спросил генерал. - Опять японцы?

- Нет, китайцы, - ответил Медоуз.

Речь сменилась музыкой, потом опять заговорил кто-то.

- Французы?

- Да, французы.

- Откуда они?

- Видимо, из Камбоджи или Лаоса.

- Ну, ладно, хватит, - распорядился Хазард. - А то еще прозеваем "Омара".

Ровно в назначенное время торопливо и прерывисто на очень высокой ноте запела морзянка авианосца. Квелч едва успевал записывать, а когда Хазард прочел радиogramму адмирала Диксона, оказалось, что адмирал спрашивал: удалось ли им сделать фотоснимки телевизионной передачи взрыва "Большого Джо"?

Хазард велел Квелчу ответить, что снимков сделать не удалось, так как телекамера слишком быстро вышла из строя.

"Понял вас, - ответил адмирал. - Мы сейчас подвесим над островом новую телекамеру, можете включить свой телевизор".

- А о нас, значит, ни слова? - разочарованно проговорил Олд.

- Подождите, Эдди, - недовольно махнул на него рукой Хазард. - Квелч, видимо, не все еще принял.

- Все, сэр, - сердито буркнул радиотехник,

- Да, странно... - пожал плечами генерал и рассеянно включил телевизор.

Ожидая, пока прогреются лампы, он приказал Квелчу:

- Запросите их, имеют ли они связь с соседним отсеком?

Пока дробно стучал ключ радиотелеграфа, Хазард попросил Медоуза:

- Приготовьте им показания дозиметрических приборов, профессор. Что они - все то же показывают?

- Все то же, - ответил Медоуз.

- Изображение! - возбужденно проговорил Эдди Олд, сидевший ближе всех к телевизору и стал торопливо подкручивать ручку фокусировки.

На экране все отчетливее стало проступать изображение необъятного простора океана. Вначале он показался сплошной, тускло мерцающей темно-серой массой. Затем поверхность его начала постепенно светлеть. Обозначилось вскоре и желтоватое пятно острова Святого Патрика.

- Пожалуй, телекамеру подвесили они слишком высоко, - озабоченно заметил Квелч. - С такой высоты разве увидишь что-нибудь на нашем острове...

Небрежным движением руки отстранив радиотехника, подсел к телевизору и генерал Хазард.

- Ничего, - сказал он авторитетным тоном, - скоро камера опустится ниже. Хватит вам крутить ручку, Эдди! Все равно ведь ничего пока не удастся разглядеть.

- Как же ничего?! - воскликнул Олд. - А вон там, видите?

Вон то пятнышко. Это, наверно, авианосец адмирала Диксона.

- Да, пожалуй, - согласился Хазард. - У вас чертовски

острое зрение, Эдди. Но вы все-таки оставьте телевизор в покое. Ну, что там? - обратился он к радиотехнику, который снова стал записывать передачу с авианосца.

- Сообщают, что со вторым отсеком все еще нет связи.

- А о нашем спасении думают там что-нибудь?

- Должны скоро высыпать с самолета песок для дезактивации скалы, под которой находится наше убежище. Он прикроет зараженные участки и ослабит их радиоактивное излучение.

- Передайте им цифры профессора Медоуза, - распорядился Хазард.

После того как Квелч сообщил адмиралу сведения о радиоактивности поверхности скалы, ему было велено снова быть на приеме через час. Приказывалось также все переговоры в дальнейшем вести только шифром.

4. Пленники "Большого Джо" теряют надежду

Изображение острова Святого Патрика было теперь видно не только значительно четче, но и крупнее. А спустя еще несколько минут очертание его заполнило весь экран телевизора.

- Пожалуй, скоро можно будет разглядеть и нашу скалу, - заметил Эдди Олд. Видя каким бодрым стал его шеф, он тоже воспрянул духом и уже не сомневался более в скором спасении. Принялся даже записывать что-то в свой блокнот.

Минут через пять изображение на экранах стало медленно поворачиваться, будто кто-то начал осторожно перемещать передающую телевизионную камеру вокруг ее оптической оси. С каждой минутой это движение все ускорялось, пока не перешло в сплошное вращение. Перед глазами беспорядочно замелькали светлые и темные пятна, постепенно сливаясь в сплошной вращающийся серый диск. Затем электронно-лучевая трубка телевизора ярко вспыхнула вдруг и потухла. Только косые светлые линии торопливо бегали теперь по темному экрану...

- Что это такое, профессор? - недоуменно проговорил Хазард.

- Похоже на то, что аэростат с передающей камерой попал в какой-то воздушный вихрь, - ответил Медоуз.

- И что же он - разбился?

- Аэростат-то едва ли мог разбиться, а телевизионную камеру ударило, видимо, о скалы.

- А вихрь откуда? Почему он не унес аэростат в океан, а будто всосал его в самый центр острова? - спросил Квелч, выключая телевизор.

- Трудно оказать, чем вызвано такое явление, - задумчиво проговорил профессор. - На поверхности острова, видимо, вообще происходит что-то необычное...

- Вы думаете, что это от взрыва? - нахмурился Квелч.

- Весьма возможно.

- Да, взрыв был необычный. Отличный был взрыв! - неожи-

данно бодро заключил генерал Хазард.

Все удивленно посмотрели на него.

- Подобной бомбы ни у кого еще нет, - добавил он таким самодовольным тоном, будто "Большой Джо" был его собственным изобретением.

- А зачем она нам? - удивленно поднял брови Квелч. - Разве для того, чтобы удержаться на грани войны, недостаточно прежних бомб?

Генерал с нескрываемым превосходством посмотрел на этого простака Квелча и ответил снисходительным тоном, каким говорят с ребенком, задающим наивные вопросы взрослым людям:

- Для того, чтобы удержаться, может быть, и достаточно.

Но для того, чтобы перешагнуть через эту грань, нужна именно такая бомба. Вы, молодые люди, чертовски наивный народ!

Под молодыми людьми Хазард имел в виду не только Эдди Олда, но и Квелча, хотя радиотехнику было не менее сорока лет.

- Несмотря на военную форму, которую вы носите, - продолжал поучать своих офицеров генерал Хазард, - вы и понятия не имеете о той положительной моральной стороне, которую имеют войны. Это они создают мужественные, суровые, героические характеры. Без войн человеческое общество давно закисло бы и превратилось в стадо мирных, тупых и покорных людей, в общество учителей и клерков, потребительских союзов и благотворительных организаций. Простите за крепкое выражение, но плевать я хочу на нашу планету в виде скотного двора!

Юный Эдди Олд слушал патетическую речь атомного генерала с нескрываемым восхищением. Рассудительный и успевший ужево многом разочароваться, Сэм Квелч воспринял ее с неприязнью. А скептически настроенный и верящий только объективным экспериментальным данным профессор Медоуз тщетно пытался вспомнить, где он слышал уже или читал нечто подобное? Кажется, произнес эту варварскую сентенцию кто-то из отечественных философов, притом чуть ли не четверть века назад...

Томительно тянулось время до очередного разговора с адмиралом Диксоном. Но вот наконец застучал ключ радиотелеграфа. Ему отозвалось неторопливое попискивание морзянки.

Сообщение "Омара" на этот раз было малоутешительным. Оказывается, два самолета уже высыпали на скалу несколько тонн песка, чтобы ослабить радиоактивность излучения горной породы, но вихревой ветер мгновенно разметал песок по всему острову. Предпринимать новые попытки было, видимо, бессмысленно. Об этом, правда, ничего не говорилось в радиограмме, но это и без того легко было сообразить, раз следующий сеанс назначался только на пять часов утра.

Несколько минут после того, как Квелч расшифровал это сообщение, в подземелье царила гнетущая тишина.

- Похоже, что вихревой ветер рождается на самом острове... - проговорил наконец Квелч.

Генерал Хазард нахмурился и вопросительно посмотрел на Медоуза.

- Весьма возможно, - почти равнодушно отозвался профессор. - Мне трудно ответить на это более определенно. Взор-

ванная бомба была настолько засекречена, что я о ней ничего определенного не знаю. А о химическом составе местных горных пород ничего не известно не только мне, но, видимо, и штабу адмирала Диксона.

- Значит, положение наше... - начал было Квелч, но генерал раздраженно перебил его:

- Избавьте нас от ваших прогнозов, Квелч!

Генералу нужно было бы сказать что-нибудь такое, что внесло бы ясность в обстановку и ободрило его подчиненных, но он и сам начал понемногу терять свою уверенность. Однако он сделал вид, что его не беспокоит это новое осложнение и что он вообще не сомневается ни в чем. Деловито посмотрев на часы, он сделал знак лейтенанту Олду и очень бодро провозгласил:

- Ну-с, господа, прошу к столу! Пора и поужинать. Эдди, выдайте нам, пожалуйста, очередную порцию продовольствия. Пленники "Большого Джо" молча приняли мизерный паек. Посасывая свою дольку шоколада, Эдди Олд тяжело вздохнул:

- Эх, водички бы сейчас глоточек...

Никто ему не ответил, хотя жажду ощущали почти все, а вода находилась в отрезанном от них соседнем отсеке.

- А как у нас обстоит дело с вентиляцией, профессор? - спросил генерал Хазард, нарушая тягостное молчание. - Не могут просочиться к нам вместе с воздухом радиоактивные вещества?

- Не думаю, - ответил Медоуз, посмотрев на один из своих дозиметрических аппаратов. - Счетчики заряженных частиц пока этого не регистрируют. Видимо, фильтро-вентиляционная установка действует исправно.

- А теперь - спать! - скомандовал генерал. - Ни перин, ни пружинных матрацев тут, правда, нет, но зато в вашем распоряжении три стола. Спокойной ночи, господа!

Все стали не спеша устраиваться на столах, завидуя генералу, расположившемуся в мягких кожаных креслах, сдвинутых друг с другом. Один только Квелч все еще возился со своей рацией. Сменив лампы, он подключился к новому, более мощному аккумулятору. Потом выключил динамик, надел наушники и стал осторожно вращать ручку настройки.

Профессор Медоуз неподвижно лежал лицом к стене, погруженный в невеселые думы. Генерал Хазард тоже, казалось, не обращал никакого внимания на своего радиотехника. Только лейтенант Олд внимательно наблюдал за ним из-под прищуренных ресниц.

Прошло не менее получаса, а в подземелье все еще никто не смог заснуть. Скрипел пружинами своих кресел и генерал Хазард. А когда Квелчу показалось, что он заснул наконец, Хазард резко повернулся в его сторону и спросил:

- Ну, что там интересного, Квелч?

- Наши радиостанции плохо слышны, сэр, - отозвался Квелч.

- Говорят все больше японцы и китайцы. Да вот еще какая-то французская станция. И похоже, что о нашем "Большом Джо"...

- Э, чушь какую-нибудь несут! - пренебрежительно отмах-

нулся Хазард. - Выключайтесь-ка лучше и ложитесь спать. Завтра у вас будет много работы.

Квелч нехотя выполнил приказание генерала, но не успел он как следует устроиться на своем месте, как снова услышал голос Хазарда:

- Мистер Медоуз, вы не спите?

- Нет, генерал, - все еще лежа лицом к стене и не поворачиваясь к Хазарду, ответил профессор.

- Вы ведь, кажется, владеете французским?

- Да, генерал.

- Может быть, послушаем, что они там болтают?

- Если вас это интересует, пусть Квелч включит динамик, я переведу вам их передачу.

Квелч включил рацию. Не вставая со стола, Медоуз стал слушать французскую речь, коротко переводя Хазарду ее смысл.

- Они действительно говорят о каком-то мощном термоядерном взрыве. И даже об острове Святого Патрика... Будто он на всей своей площади радиоактивен... Что летчики, слишком низко пролетевшие над ним, заболели лучевой болезнью. Приключилось что-то даже с их самолетами...

- Ну, ладно, Квелч! - недовольно проговорил Хазард. - Хватит нам слушать этих неврастеников французов. Сочиняют там всякие бредни.

5. Секрет перестает быть секретом

Позывные "Омара" Квелч услышал ровно в пять утра. Торопливо отозвался и перешел на прием. Резкий, прерывистый звук морзянки, наполнивший гулкое помещение подземелья, поднял всех на ноги.

- Ну, что они там передают? - нетерпеливо спросил Хавард, ощущая ноющую боль во всем теле, - ночь, проведенная на сдвинутых креслах, давала себя знать.

Квелч, не отвечая, продолжал записывать цифры шифра радиограммы, а когда попытался расшифровать их, у него ничего не получилось.

- Долго вы будете копать? - повысил голос генерал Хазард.

- Придется попросить, чтобы повторили ключевую группу - не расшифровывается что-то...

- Ну, так запрашивайте же поскорее!

Когда наконец все было уточнено и расшифровано, Квелч с волнением прочел:

- "К сожалению, с помощью песка дезактивировать вашу скалу не удалось. Предпринимаем другие меры. Будьте на приеме через два часа. Не теряйте мужества. Омар".

Все молча выслушали это сообщение. Никто даже не попытался прокомментировать его. Всем очень хотелось верить, что эти "другие меры" будут более успешными, сомнения, однако, уже поселились в их сердцах. Менее всех склонен был заблуждаться в этом профессор Медоуз.

В шесть часов была роздана предпоследняя порция шоколада и печенья. В семь Квелч снова разговаривал с "Омаром". Обстановка была все та же: над островом по-прежнему бушевал какой-то странный ветер, а новых средств спасения все еще не было придумано. Следующий сеанс . назначался на двенадцать часов дня.

Мрачными сидели пленники "Большого Джо" каждый в своем углу. Хазард с трудом подавлял желание отпить из фляги хоть несколько глотков коньяку. Эдди Олд то вставал, то ложился на свой скрипучий стол до тех пор, пока генерал не прикрикнул на него:

- Хватит ерзать, Эдди, черт вас побери!

Лейтенант притих на некоторое время, потом осторожно поднялся и стал ходить по подземелью, действуя этим на нервы генерала еще больше, чем скрипом стола. Хазард хотел уже было снова прикрикнуть на него, но Эдди сам вдруг закричал испуганным голосом:

- Вода! К нам просачивается вода!..

Он бросился к дальней стене подземелья, сквозь едва заметную щель которой действительно просачивалась вода.

- Назад, Эдди! - резко остановил его Медоуз. - Не прикасайтесь к этой стене!

Профессор поспешно соскочил со стола и торопливо стал рыться в своих многообразных счетчиках радиоактивных частиц. Выбрав наконец тот, который был ему нужен, Медоуз сначала прислонил его к стене, а затем подставил под струйку воды, сочившуюся из трещины.

- Ну да, я так и знал! - негромко проговорил он, будто размышляя ввалух. - Вода радиоактивна... Значит, она просачивается откуда-то сверху, с поверхности скалы.

- Что вы там бормочете, профессор? - насторожился Хазард.

- Вода радиоактивна, - повторил Медоуз. - Пить ее нельзя.

Надо предпринять что-нибудь, чтобы она не растекалась по полу. Лучше всего, конечно, попробовать заделать щель в стене.

- Чем же ее заделать? - развел руками Квелч. - Нужен ведь цемент, а у нас нет даже глины.

- Попытаемся зашпаклевать, - спокойно заявил профессор. - Это я попробую сделать сам - тут нужна осторожность. Дайте мне кто-нибудь нож с длинным лезвием да пожертвуйте нижнюю рубашку, кому не жалко.

- Господи! - возбужденно воскликнул Квелч, сбрасывая с себя китель. - Какой тут может быть разговор о рубашке, когда речь идет о жизни...

- Только без паники, Квелч, - укоризненно проговорил Хазард.

Медоуз разорвал рубашку Квелча на несколько длинных полос и кортиком генерала Хазарда осторожно стал втискивать одну из них в трещину бетонной стены. Сначала ему не удавалось это, так как трещина была слишком тонкой, но вскоре один лоскут удалось все же впихнуть в среднюю часть щели. Зато внизу отвалился довольно большой кусок бетона, и вода в там месте стала сочиться гораздо сильнее.

- Бросьте вы это, профессор! - каким-то визгливым голосом воскликнул Хазард. - А то расковыряете стену так, что вода начнет бить фонтаном. Квелч, немедленно включайте рацию! Сообщите им, что к нам просачивается радиоактивная вода.

- Но нас никто сейчас не услышит, сэр, - растерянно заметил Квелч. - "Омар" включится ведь только около двенадцати...

- Делайте, что вам приказывают! - побагровел генерал. - Может быть, какая-нибудь из станций у них на приеме все время.

- Слушаюсь, сэр. А как передавать - шифром или открытым текстом?

- Некогда теперь возиться с шифром. Передавайте открытым текстом.

Квелч торопливо застучал ключом, то и дело переходя на прием, но ему никто не отзывался. А вода, между тем, все прибывала. У той части стены, где была трещина, образовалась уже целая лужа.

- Не отвечают... - Квелч принялся растирать палец, онемевший от напряженной работы ключом радиотелеграфа.

- Подавайте тогда международный сигнал бедствия! - уже совсем истерически прокричал генерал. - Может быть, услышит кто-нибудь и отзовется. Мы тогда попросим их срочно связаться с авианосцем адмирала Диксона.

Теперь Квелч непрерывно посылал в эфир только три буквы - SOS. Отозвалась ему спустя несколько минут какая-то станция на русском языке. Так как Квелч участвовал во второй мировой войне и длительное время находился в Мурманске, он довольно свободно понимал русскую речь.

Выяснилось, что посланный им сигнал бедствия приняло советское научно-исследовательское судно, совершавшее плавание в водах Тихого океана.

- Кто это отозвался вам? - настороженно спросил генерал.

"Сказать или не сказать, что это русские?..." - тревожно пронеслось в мозгу Квелча.

- Неясно пока, - уклончиво ответил он. - Уточню сейчас.

Но вместо того, чтобы сделать такой запрос, радиотехник очень коротко сообщил о себе и попросил русских связаться с авианосцем "Фоукен".

Квелчу ответили, что просьбу его тотчас же выполнят. Сообщили также, что догадываются, почему просящие помощи попали в столь бедственное положение...

- Ну?! - торопил Квелча Хазард. Выпуклый лоб его покрылся множеством мелких морщинок, мохнатые рыжие брови почти сошлись у переносицы, нижняя челюсть слетка отвисла. Прежней надменности как не бывало.

Квелч не без удовлетворения отметил эту перемену в лице генерала и ответил ему с деланной небрежностью:

- Это русские, сэр.

- Как?! - завопил Хазард, и лицо его снова преобразилось

- брови вздернулись, челюсть выпятилась вперед. - И вы вели с ними переговоры? Разгласили им военную тайну? Да знаете ли

вы, что за это...

Он, казалось, захлебнулся от гнева и не смог больше вымолвить ни слова. А Квелч возразил ему если и не очень дерзко, то уж во всяком случае с большим достоинством.

- Ничего я им не разгласил, генерал. Русские и без того знают об этой проклятой бомбе больше, чем мне известно. Может быть, и больше вашего тоже...

Сообщение это настолько удивило Хазарда, что он сразу вдруг присмирел и спросил растерянно:

- Но откуда?.. Как они могли узнать?

- Это уж я не знаю, сэр, - простодушно признался Квелч. - Только бомбу нашу они назвали македониевой и очень удивились, что мы вообще остались в живых.

- Македониевой! - воскликнул Медоуз, соскакивая со своего стола и устремляясь к Хазарду. - Так это, значит, действительно македониевая бомба?

- Да... - несколько смущенно признался генерал.

- Но ведь это же чистейшая авантюра! - возбужденно продолжал Медоуз. - Македонии - совершенно новый и очень плохо еще изученный трансурановый элемент. А вы, значит, использовали его для "запала" "Большого Джо"? И вот результат..

Нет, это больше чем авантюра! Даже теоретически мы ведь очень смутно представляли себе, что могло дать применение Македония в качестве взрывчатого вещества для "запала" водородной бомбы. Предполагалось, однако, что атомные ядра Македония не частично, как у плутония, а полностью успеют вступить в реакцию деления. Видимо, так оно и произошло. Понять не могу - почему у нас такая поспешность с испытанием этого "Большого Джо"?

- А как же! - злобно усмехнулся Квелч. - Мы ведь спешим перешагнуть поскорее за грань равновесия между войной и миром. Боимся, как бы планета наша не превратилась в скотный двор. А она, кажется, превратится скоро в сплошную братскую могилу.

Пораженный сообщением Квелча о том, что русским известен секрет взорванной бомбы, Хазард, казалось, перестал воспринимать происходящее вокруг. Зато Эдди Олд, так трясшийся от страха все это время, торопливо извлек из кармана темную коробочку и переключил в ней какие-то рычажки.

- Но как? Как, черт побери, они узнали это?! - снова яростно воскликнул Хазард. Глаза его вспыхнули злобой, и он схватил Квелча за горло.

- Это ты, мерзавец, проболтался, наверно?!

- Оставьте в покое Квелча, генерал, - проговорил вдруг Медоуз таким тоном, какого никак нельзя было ожидать от этого интеллигентного старика. - И не говорите ерунды. Как мог знать Квелч о том, что бомба македониевая, когда даже мне не было это известно?

- Но откуда же тогда осведомленность русских?..

- Да разве можно в наше время утаить не только факт испытания атомного или термоядерного оружия, но и технический состав его? Вы-то, мистер Хазард, должны же знать это?

- Но ведь взрыв "Большого Джо" был произведен в неблагоприятных для его обнаружения условиях, - повысил голос Хазард. - Мы взорвали его, во-первых, под землей, во-вторых, на острове в сейсмическом районе океана.

- А вы разве не знаете, что версия о невозможности отличить землетрясение от подземного ядерного взрыва уже развеяна? - удивился профессор Медоуз. - По характеру сейсмических волн, возникающих при землетрясениях и подземных взрывах, без особого труда определяют теперь их причину. А что касается нескольких незарегистрированных подземных взрывов, произведенных нами в этом году, то они были слишком малой мощности - менее одной килотонны. К тому же для обнаружения их применялась аппаратура, не соответствующая рекомендованной Женевским совещанием экспертов.

- Простите, профессор, - вмешался в разговор Квелч, - правильно ли я вас понял? Действительно можно, значит, распознать любой ядерный взрыв, как бы его ни скрывали?

- Конечно, мистер Квелч. Они обнаруживаются методом регистрации акустических и сейсмических волн, радиоимпульсов, световых и гамма-излучений.

- А химический состав их тоже можно обнаружить?

Медоуз ответил Квелчу и на этот вопрос, хотя он и догадывался, что генералу не очень нравятся его разъяснения. Но профессор был теперь настолько возмущен Хазардом и адмиралом Диксоном, скрывшими от него и, видимо, от некоторых других ученых химический состав "Большого Джо", что готов был выступить с разоблачением их перед кем угодно.

- Исследование атмосферы, - продолжал он свои пояснения, - на высоте от четырех до двенадцати километров, которое мы регулярно проводим, так же как и другие страны, дают нам все основные данные о произведенных атомных и термоядерных взрывах. Для этого достаточно лишь подвергнуть лабораторному анализу содержимое пробоотборников. Если при этом в их бумажных фильтрах обнаружатся пылинки плутония или урана, то тут имеет место атомный взрыв. Если же в щелочных поглотителях окажется радиоактивный углерод, а в замороженной воде - тритий, не останется сомнений, что произошел термоядерный взрыв. Я уже не говорю о том, что в пробах воздуха без труда обнаруживаются радиоактивные изотопы стронция, циркония, бария, иттрия, церия и другие осколки деления урана и трансурановых элементов.

- Так вы, значит, считаете, что о Македонии знали еще слишком мало, чтобы экспериментировать с ним? - мрачным голосом спросил Хазард.

- А чем же иным вы лично объясните то бедственное положение, в котором мы оказались? - Вопросом на вопрос ответил профессор. - Всякая авантюра в науке или политике рано или поздно кончается катастрофой, - убежденно заключил он.

Эдди Олд, все это время молча прислушивавшийся к разговору, стал вдруг что-то торопливо записывать. На столь необычное в создавшейся обстановке занятие юного лейтенанта обратил внимание Квелч. Он подозрительно покосился в сторону

лейтенанта и хмуро сдвинул брови. Но в это время запищала вдруг морзянка, и Квелч бросился к рации. Вслед за ним устремились и остальные.

6. Обреченные

Вот что прочитал Квелч, раскодировав новую шифровку адмирала Диксона:

"Категорически запрещаю пользоваться рацией для передач без особого на то разрешения".

- И это все? - удивился Хазард.

- А что же еще? - усмехнулся Квелч. - Что еще могут они передать? К тому же, судя по слышимости, авианосец "Фоукен" теперь значительно дальше от острова Святого Патрика, чем был утром. Видно, адмирал побаивается джина, которого сам же выпустил из нового трансуранового элемента. Разрешите выключить рацию, сэр? Нужно поэкономить питание.

- Нет, черт побери! - грозно сверкнул глазами Хазард. -

Не выключайте! Передайте им немедленно, что нам угрожает радиоактивная вода. Что там показывают ваши приборы, профессор?

- Все то же. Даже немного больше, - ответил Медоуз, всматриваясь в показания приборов.

- Ну, передавайте же! - крикнул Хазард Квелчу. - И можете это не шифровать.

Квелч торопливо отстучал сообщение Хазарда и перешел на прием, но динамик молчал. Было слышно только жесткое потрескивание разрядов атмосферного электричества.

- Повторите еще раз! - прохрипел Хазард. - Передавайте это до тех пор, пока не отзовутся. А чтобы аккумуляторы не разряжались, выключите освещение.

Подземелье погрузилось з непроглядную тьму, казалось лишь, что радиоактивная лужа в углу слегка светится холодным зеленоватым светом.

Все снова взобрались на столы. Даже генерал Хазард подобрал под себя ноги и сидел на своем "диване", как мусульманин во время намаза. Только Квелч оставался на цементном полу, продолжая ожесточенно стучать ключом радиотелеграфа.

Постепенно стук этот начал действовать на окончательно расшатавшиеся нервы Хазарда, и он хотел уже было приказать прекратить передачу, но в это время тяжело ухнуло что-то наверху, видимо на поверхности скалы. В подземелье тотчас же судорожно дрогнули стены...

- Точь-в-точь, как во время бомбежки, - заметил Квелч.

- Попробуйте-ка переключить рацию на прием, мистер Квелч, - тревожно проговорил Медоуз, торопливо слезая со своего стола.

- Вы думаете, что "Омар" объяснит нам, в чем дело? - иронически спросил Квелч, когда профессор присел с ним рядом на аккумуляторный ящик.

- Этого я как раз не думаю, - отозвался Медоуз. - Они-то,

видимо, менее всего намерены давать нам объяснения. Проверьте, принимает ли ваша рация вообще хоть что-нибудь.

Квелч опробовал последовательно все диапазоны волн, на которых работала его рация, но ни на одном из них не принял ни звука, если не считать, конечно, шума генерации самой радиостанции.

- Что же это по-вашему? - спросил он профессора.

- Наказание за нарушение приказа, - мрачно усмехнулся Медоуз.

- Значит, это они антенну нашу разбомбили?.. - изумился Квелч.

Никто не ответил ему. Даже генерал Хазард промолчал. Зато Эдди Олд заговорил вдруг каким-то плачущим, истерическим голосом:

- Не может быть... Не может этого быть! Они этого никогда не сделают!..

- Заткнись, молокосос! - прикрикнул на него Квелч. - И без того тошно. Готовься лучше к смерти, трус паршивый!

- А вы чего командуете? - разозлился Хазард. - Нечего храбреца из себя строить и распоряжаться тут!

- Я уже смотрел смерти в глаза, генерал, - спокойно, с достоинством ответил Квелч. - Не впервые с жизнью прощаюсь.

- А я не верю вам!.. - почти провизжал Эдди Олд. - Не верю, что вам не страшно! А рацию вы, наверно, сами испортили...

- Ну и не верь, - беззлобно отозвался Квелч, - не болтай только лишнего.

Несколько минут в подземелье было тихо, слышалось только, как скрипели пружины кресел под грузным телом генерала Хазарда.

Квелч тоже некоторое время лежал спокойно, потом вдруг резко вскочил и зажег карманный электрический фонарик. В желтоватом свете его все увидели Эдди Олда, укрепляющего что-то под столом радиотехника.

- Ты что это делаешь, мерзавец?! - закричал Квелч, хватая лейтенанта за руку, в которой тот судорожно сжимал какой-то темный предмет. - Что это у тебя? Магнитофончик? Я ведь радиотехник, и эти штуки хорошо знаю. Не сомневаюсь, что на нем клеймо комиссии по расследованию антипатриотической деятельности. Так ты это на них, значит, работаешь? Благонадежность нашу провераешь?

Слышно было, как Квелч ударил Олда. Тот глухо застонал и грохнулся на пол.

- Убирайся теперь подальше от меня, скотина! - снова заговорил Квелч, швырнув в лейтенанта отобранный у него магнитофон. - А штуку эту можешь у себя оставить. Продемонстрируешь ее на том свете кому-нибудь, кто там кадрами новопредставленных ведает. Может быть, у них неизвестен еще этот способ проверки благонадежности. А пистолетик я у тебя отберу на всякий случай.

С этими словами Квелч вынул из кобуры лейтенанта его пистолет и как ни в чем не бывало снова взобрался на свой стол.

Полежав немного молча, он проговорил со вздохом:

- Ну что за болванов вербует комиссия по расследованию в осведомители! Этот кретин не понимает даже, что идет вместе с нами ко дну. А вы разве не знали, генерал, что вам за адъютанта подсунули? Думали, верно, раз по рекомендации такой почтенной комиссии, значит, человек надежный, проверенный. А он, конечно, о каждом шаге вашем доносил: сколько раз с кем встречались, о чем разговаривали...

- Идите вы к черту, Квелч! - сердито пробурчал Хазард.

Квелч притих на некоторое время, потом заговорил снова:

- Думаю, что нам нет смысла экономить электроэнергию. Кто знает, куда мы попадем на том свете. Если в ад, то еще насидимся в потемках.

Никто не возражал. Квелч включил свет и внимательно стал рассматривать стену, из которой сочилась радиоактивная вода.

- Посмотрите-ка, профессор, - повернулся он к Медоузу, - кажется, вода стала просачиваться энергичнее. Вон уж сколько натекло! Похоже, что после бомбежки трещина в стене стала пошире...

- Да, вполне возможно, - равнодушно согласился профессор.

- Рано или поздно, а до нас, значит, она доберется - и тогда лучевая болезнь?

- Будем надеяться, что к тому времени нас спасут, - нехотя отозвался профессор, чтобы хоть сколько-нибудь успокоить радиотехника, к которому испытывал все большую симпатию.

Но Квелч, будто не расслышав его, продолжал:

- Говорят, это ужасно. Сначала душу выворачивающая рвота. Затем начинают вылезать волосы и облупливаться кожа, будто шкурка с ливерной колбасы. Бр-р!.. А потом? Исчезают куда-то белые кровяные шарики, да?

- Квелч! - буквально завопил Хазард, хватаясь за пистолет.

- Если вы тотчас не замолчите, я прострелю вашу идиотскую башку!

- Скажу вам только спасибо за это, - усмехнулся Квелч. -

По крайней мере сразу.

Больше, однако, Квелч не разговаривал. Молча лег он на свой стол, укрылся прорезиненным плащом и затих. Но теперь стали тихонько шептаться в своем углу Хазард и Олд.

- А по-моему, они взрывали нашу скалу, чтобы разметать покрывающий ее радиоактивный слой, - торопливо бормотал Эдди. - Как вы думаете, сэр?

- Пока, однако, разметали они, видимо, только одну нашу антенну, - хмуро отозвался Хазард.

- Конечно, они могли повредить и ее. Она ведь на самом верху...

- Почему же тогда всего один взрыв? А если хватило одного, почему никто не стучится в двери нашего подземелья?

- Может быть, решили, что взрывать опасно, и ищут других способов. Разве они могут оставить нас в таком положении? Вы же - крупная фигура. Вас не сегодня-завтра назначат помощником военного министра вместо Рэншэла... Я слышал, что это дело решенное. От Рэншэла давно ведь красным душком попахивает...

вает...

Вот эта-то уверенность, что генерала Хазарда, кандидата на пост помощника военного министра, не оставят в беде, и поддерживала в Эдди Олде надежду на спасение. Он и мысли не допускал, чтобы высокое начальство могло пожертвовать такой персоной, как Хазард.

Генерал же Хазард, лучше лейтенанта Олда знавший высшее начальство, очень сомневался, чтобы из одних только этих побуждений беспокоилось оно о его спасении. В Конгрессе действительно есть люди, которые предпринимают кое-что, чтобы он занял пост помощника министра. А в военном министерстве?.. Там и без него немало претендентов на эту должность. К тому же у Хазарда есть и враги. Да и с адмиралом Диксоном у него далеко не блестящие отношения...

А профессор Медоуз в это время с негодованием думал о "скоропостижном" испытании македониевой бомбы. Он почти не сомневался, что она наделала немало бед, последствия которых трудно даже предугадать. Теперь, конечно, предпринимается все возможное, чтобы скрыть катастрофу или хотя бы преуменьшить ее размеры. Весьма возможно, однако, что остров Святого Патрика на долгое время будет не только неприступным из-за своей зараженности, но и активно действующим источником отравления атмосферы радиоактивными веществами на весьма значительном пространстве.

Ну, а гибель нескольких ученых, генералов и офицеров? Э, да это ведь в конце концов совершеннейший пустяк в сравнении с политическим ущербом, который понесет теперь весь блок западных держав. Подумать только, какой козырь получают сторонники запрещения испытаний ядерного оружия! Где же тут в связи с таким скандалом думать о каких-то генералах, которых в условиях мирного времени и без того явное перепроизводство...

Но тут Квелч, который, казалось, мог заснуть даже в такой драматической обстановке, снова повернулся к профессору и чуть слышно произнес:

- Не знаю, что бы не отдал я сейчас, только бы хоть одним глазом посмотреть на кусочек голубого неба. Но ведь это смешно, правда? Не желание, а то, что за него уже отдать нечего...

Потом он вздохнул и добавил другим, холодным тоном:

- А вот для атомных вояк это хорошая наука. Да и для вас, ученых, тоже... Это ведь вы вскружили им головы сверхоружием. Обещали, наверно, в кратчайший срок обогнать Советский Союз по мощи военной техники. Вот они и экспериментируют теперь с такой лихорадочной поспешностью...

Медоуз молчал, и Квелчу показалось, что он уж очень обидел старика. А он не хотел этого делать. Профессор нравился ему, казался порядочным, честным человеком.

- Я ведь это не о вас лично, - снова заговорил Квелч заметно потеплевшим голосом. - Я о наших ученых вообще... Неужели же они не знали, что "Большой Джо" - не такая уж "чистая" бомба?

- Я лично этого не знал, Сэм, поверьте уж мне на слово...

Совість профессора Медоуза действительно была чиста, так как ему и самому теперь только стало окончательно ясно, зачем он был приглашен на испытание "Большого Джо". Им просто необходима была оценка радиоактивности новой бомбы таким специалистом, каким был он, профессор Медоуз.

- Ну, а вообще-то, скажите мне по совести, профессор, можно ли создать "чистую" бомбу? - заглядывая в глаза Медоузу, спросил Квелч. - Теперь ведь вам нечего бояться разглашения военной тайны: унесем ее вместе на тот свет.

- Что я могу ответить вам на это, Сэм? - задумчиво произнес Медоуз. - При желании можно было бы, пожалуй, создать и "чистую", окружив заряд водородной бомбы оболочкой из вещества, содержащего бор, поглощающий нейтроны. Но такая бомба чертовски дорого стоила бы, а сейчас у нас главная ставка на дешевизну изготовления ядерного оружия. В этом смысле "грязные" трехслойные бомбы самые дешевые. В них, как я, кажется, говорил уже вам, используется уран-238, а он стоит в тысячу раз дешевле, чем любая иная ядерная взрывчатка.

- А "чистую" бомбу, значит, и не собираются даже делать? - удивился Квелч.

- Если взвесить все хорошенько, то в ней, в "чистой" бомбе, вообще нет никакого смысла, - неожиданно заявил Медоуз.

- В случае войны радиоактивные осадки, вызванные применением обычной термоядерной бомбы, не будут ведь иметь большого значения в сравнении с ее взрывной силой. Так какой же тогда смысл в производстве этих дорогостоящих "чистых" бомб?

- Вся эта шумиха о "чистых" бомбах имеет, значит, чисто пропагандистские цели?! - воскликнул Квелч. - Конечно же, народ, не знающий всех этих тонкостей, легко сбить с толку. Тем более, что слово "чистая" очень уж обнадеживающее. А под прикрытием этой пропагандистской дымовой завесы лихорадочно ищут, значит, не только самую дешевую, но и самую разрушительную "грязную" бомбу?

- Похоже на то, Сэм... - согласился профессор.

- Да-а... - тяжело вздохнул Квелч. - Веселенькой становится жизнь на нашей планете! Не хочется, конечно, отдавать концы раньше времени, но ведь и жить в таком мире не очень-то приятно...

И они снова замолчали, думая каждый о своем. У Квелча была семья - жена и две дочери. Как-то они будут жить теперь без него?.. Профессор был одинок. Жена его давно умерла, а детей у них не было. Но и ему нелегко было расстаться с жизнью. Теперь отчетливее, чем когда-либо прежде, видел он, куда может завести "атомная истерия" его страну, если только здравый смысл нации не возьмет верх над безумием. И в этот здравый смысл своего народа он не терял веры даже теперь, будучи обреченным на смерть. Веру эту поддерживали в нем такие люди, как Квелч. Он хорошо знал, что их большинство и что именно они, а не хазарды представляют истинные интересы своего народа.

7. Последние минуты пленников "Большого Джо"

Утомленные, измученные невеселыми думами, голодные, люди забылись наконец тревожным сном. Не спал один только Квелч. Он все еще никак не мог смириться со своей беспомощностью. Была бы исправна рация, он попытался бы с ее помощью хотя бы рассказать людям об этом преступном эксперименте с "Большим Джо".

Кое-что он, правда, сообщил уже радисту русского научно-исследовательского судна, но он был тогда осторожен и рассказал только о своем бедственном положении. Но теперь бы он выложил все - и то, что сам знал, и то, о чем узнал от профессора Медоуза.

А что если все-таки попробовать включить рацию? Может быть, и уцелел какой-нибудь обломочек антенны?

Осторожно, стараясь не скрипеть досками стола, чтобы не разбудить профессора, Квелч спустился на бетонированный пол подземного убежища. Постоял немного, прислушиваясь к неспокойному дыханию генерала и лейтенанта Олда. Эдди шевелил во сне губами и невнятно бормотал что-то. Хазард дышал через нос, широко раздувая ноздри и негромко посвистывая. Только Медоуз лежал беззвучно, будто и не спал вовсе, а все еще думал о чем-то с закрытыми глазами.

Осторожно включив рацию, Квелч надел наушники и, до предела усилив громкость приема, стал поочередно прослушивать все диапазоны. В наушниках слышались лишь собственные шумы приемника, вызванные колебанием силы тока в цепях ламп. Если рация и принимала какие-то слабые сигналы, то они, видимо, оказывались ниже уровня собственных шумов приемника. И чем более усиливал Квелч прием, тем значительней возрастали и эти шумы...

А когда радиотехник, потеряв всякую надежду, хотел уже совсем выключить рацию, на коротком диапазоне волн он услышал вдруг чей-то голос. Язык, на котором велась передача, не был известен Квелчу, но ему важен был сам факт возможности приема. Если рация приняла что-то, она сможет, пожалуй, и передать. Пусть эта передача будет слабой, мощные радиостанции смогут все же принять ее. Нужно, значит, воспользоваться этой возможностью.

Квелч торопливо переключил рацию на передачу, но едва дотронулся до рукоятки телеграфного ключа, как, звеня пружинами, шумно приподнялся на своих креслах генерал Хазард.

- Ну что, Квелч, вы все еще пытаетесь связаться с кем-нибудь? - сонно проговорил он, протирая глаза...

- Пытаюсь, сэр, - ответил Квелч, посылая в эфир сигнал бедствия, которым рассчитывал скорее всего привлечь к себе внимание.

- Попробуйте, попробуйте, может быть, и удастся...

Генерал, однако, почти не верил в эту удачу. Да и что изменится, если и удастся связаться с кем-нибудь? Разве сможет

кто-нибудь помочь им? И все-таки какая-то смутная надежда теплилась еще где-то в глубине сознания Хазарда. Кто знает, может быть, и найдется все-таки способ спасти их из цепких объятий "Большого Джо"...

Генерал попытался снова уснуть, но жажда, которую он давно уже ощущал, с новой силой дала о себе знать. Он с тоской посмотрел на радиоактивную лужу в углу своей подземной тюрьмы и отвернулся с тяжелым вздохом. Но тут взгляд его упал на флягу с коньяком. А что если выпить глоточек? Смочить пересохшее горло...

Спустив ноги с кресел и проклиная шумные пружины, Хазард осмотрелся по сторонам. Похоже было, что профессор все еще спал. Не шевелился и Эдди Олд. Квелч сидел к нему спиной и так был занят своим делом, что едва ли мог обратить внимание на то, что собирался делать Хазард.

Хазард слегка дрожащей рукой поднес флягу с коньяком к пересохшим губам и отпил сначала небольшой глоток, потом еще два побольше. По телу сразу же разлилась приятная теплота. Казалось, что удалось утолить и жажду.

Положив флягу на прежнее место, Хазард снова улегся на кресла, но спустя несколько минут рука его опять протянулась за коньяком...

А Квелч все стучал и стучал ключом радиотелеграфа, неумолимо посылая в эфир три буквы, полные тревоги, отчаяния и надежды. И упорство его увенчалось наконец успехом - кто-то отозвался ему и попросил дать координаты.

Квелч, сам себе не веря, попросил подтвердить прием его сигнала и сообщить, кто его принял. Оказалось, что это какое-то норвежское судно, носящее древнее название столицы Норвегии - "Христиания". Квелч попросил пригласить в радиорубку кого-нибудь, знающего английский язык. Оказалось, что знал его и радист, но на всякий случай он пригласил еще и старшего помощника капитана.

Теперь уже с лихорадочной поспешностью стал выстукивать Квелч все, что хотел перед смертью поведать людям...

- Ну, вы связались уже с кем-нибудь, Квелч? - не совсем твердым голосом спросил вдруг Хазард.

- Связался, - небрежно ответил Квелч.

- Так что же вы, черт вас побери, не докладываете мне об этом?! - выпучил глаза Хазард. - Немедленно доложите!

Не отвечая, Квелч продолжал стучать ключом радиотелеграфа.

- Ах, так! - разъяренно закричал Хазард и с силой швырнул на пол теперь уже пустую флягу. - Подчиняться отказываешься, мерзавец?!

Профессор Медоуз и лейтенант Олд испуганно вскочили со своих мест. А генерал Хазард выхватил пистолет и, дико тараща глаза, продолжал орать:

- Сейчас же отвечай мне, с кем ты связался? Не хочешь?

Ну, так получай же!..

И он выстрелил, но промахнулся. А Квелч даже не повернулся в его сторону.

- Что вы делаете, генерал?! - испуганно воскликнул профессор Медоуз, бросаясь к Хазарду.

- Назад! - завопил окончательно опьяневший генерал. - Марш на места! А то я вас, господа либералы, живо всех перестреляю!

- Правильно, сэр! - подбадривал Хазарда трясущийся от страха, но раболепно улыбающийся Эдди Олд. - Так им и надо, красной сволочи, коммунистическим агентам!..

- А, и ты тоже еще здесь? - повернулся к нему обезумевший Хазард. - Фискал паршивый! Ты там в своем блокноте и обо мне что-нибудь написал? Ножку мне хочешь подставить? За пятку укусить? Так вот же тебе, мерзавец!..

Хазард, не целясь, выстрелил в своего адъютанта и, грозно помахивая пистолетом, крикнул Медоузу и Квелчу:

- Не смейте никто следовать за мной! Я первым выйду из этой мышеловки на свободу. А вы оставайтесь тут и сгнивайте заживо!..

И Хазард нетвердыми шагами направился к двери, ведущей к выходу из подземного убежища. Первый металлический заслон распахнул он без особого труда и, пошатываясь, стал подниматься по ступенькам. Со второй дверью пришлось повозиться, но и она открылась наконец. Последнюю он распахнул ударом ноги...

Остров Святого Патрика утопал в непроглядной мгле. Порывистый ветер обрушился на Хазарда и чуть не свалил его наземь. Но Хазард широко расставил ноги, низко нагнул голову и, ничего не видя перед собой, яростно, как на приступ, ринулся вперед.

Всего пять шагов сделал он по верхней площадке скалы, на какое-то мгновение повис над обрывом, подпираемый в грудь плотной волной воздушного потока, и тяжело рухнул вниз, на острые камни.

Ему не страшны были теперь ни гамма-излучения, ни потоки нейтронов. Не страшна была и лучевая болезнь...

8. Адмирал Диксон принимает решение

Несмотря на то что адмирал Диксон был в скверном настроении, доктор Фрэнсис Стоун решил все же потревожить его. Он знал Эдгара Диксона уже не первый год, так как служил вместе с ним старшим врачом на одном из военных кораблей, когда Диксон был еще контр-адмиралом.

Удивительным человеком был этот Стоун. Вот уже который год служил на флоте, но все никак не мог привыкнуть к качке и страдал морской болезнью. Ужасно боялся он и бомбежек. В годы войны душа Стоуна, по его словам, непрерывно обитала в пятках. Эдгар Диксон, хорошо знавший эти недостатки доктора, с удивлением спрашивал его:

- Какого же черта, Фрэнсис, вы с вашими дамскими нервами служите на флоте? В армии вам было бы куда спокойнее.

Они так долго служили вместе, что стали почти друзьями.

Разговаривая, они не стеснялись в выражениях.

- Все надеюсь, что страхи мои пройдут со временем, - отшучивался Стоун.

Когда доктор постучался в дверь адмиральской каюты, Диксон сидел за своим огромным письменным столом в глубокой задумчивости.

- Ну, что скажете, док? - хмуро спросил он Стоуна, все еще находясь в мрачном настроении из-за шифровки, полученной утром из министерства.

- Не очень-то приятные новости, адмирал.

- Ну?

Доктор мялся, не решаясь, видимо, продолжать.

- Ну! - повысил голос адмирал.

- Эти летчики, которые бомбили скалу на острове, тоже заболели...

- Лучевой?

- Да, Эдгар... По-моему, нам нужно поскорее уходить отсюда.

Адмирал ничего не ответил, только нервно забарабанил пальцами по краю письменного стола, заваленного лоциями и картами Океании. Хотя Эдгар Диксон и бодрился все эти дни, ни единым словом, ни выражением лица не давая понять, что он встревожен происходящим, Фрэнсис Стоун отчетливо видел теперь, как осунулся он вдруг и даже, пожалуй, постарел.

- А вы не ошиблись, Фрэнсис? - спросил Диксон после довольно продолжительного молчания.

- Нет, не ошибся. Все симптомы налицо. Особенно тревожит меня слишком уж быстрое уменьшение лейкоцитов в их крови. Надо уходить отсюда, адмирал!

- Как же я могу уйти, Фрэнсис, если мне строжайше предписано оставаться именно здесь? - беспомощно развел руками адмирал. Утомленное бессонной ночью, сухощавое лицо его выражало полную растерянность.

- За каким чертом? - почти выкрикнул Стоун.

- Приказано уточнить границу зараженных участков острова Святого Патрика. Оградить их, установить степень радиоактивности и устойчивость ее.

- Господи! Что же тут еще устанавливать? Заражен ведь весь остров. Да и океан вокруг него тоже, видимо, небезопасен...

- Вот это-то и тревожит меня более всего, - тяжело вздохнул Диксон. - Боюсь даже, что и наш авианосец...

Он не договорил, так как в дверь каюты постучали.

- Войдите! - крикнул адмирал, закуривая свою неизменную трубку.

В каюту вошел высокий, сутуловатый военный инженер Дадли.

- Ну-с? - спросил его Диксон, слегка приподняв густые черные брови с уже заметной проседью.

Дадли тревожно покосился в сторону доктора Стоуна.

- Докладывайте, - слегка повышая голос, проговорил Диксон.

- Мои опасения оправдались, сэр, - шепотом произнес инже-

нер. - Поражены не только палубные надстройки, но и весь корпус авианосца.

- А ангары под полетной палубой?

- Тоже, но несколько меньше.

- Дезактивизация ничего не дала разве?

- Мы промыли мощными струями из брандспойтов все, что было возможно, - ответил Дадли. - Но так как это не дало значительного эффекта, провели дезактивизацию еще и пескоструйным способом.

- И что же?

- Не помогло и это.

- Какой же выход из подобного положения?

- Рекомендуются в таких случаях поставить корабль на якорь, а команду высадить на берег. Через некоторое время радиоактивность корабля сама снизится до безопасных размеров.

- На какой же берег рекомендуете вы высадить команду? - невесело усмехнулся Диксон. - Не на остров же Святого Патрика?

Инженер Дадли беспомощно развел руками, а адмирал Диксон вышел из-за стола и медленно стал прохаживаться по пестрому ковру своей просторной каюты. Внешне казался он совершенно спокойным, но Стоуна не могло обмануть его показное хладнокровие. Даже Дадли, всегда представлявший Стоуну образцом выдержанности, показался ему теперь лишь искусно играющим роль бесстрашного человека.

- Ну, а каков же уровень радиации зараженных участков нашего авианосца? - продолжая прохаживаться по каюте, спросил адмирал.

- Примерно, двадцать пять-тридцать рентгенов в час.

- Это значит?..

- Какую дозу облучения считаете вы предельно допустимой, доктор? - не ответив адмиралу, обратился Дадли к Стоуну.

- Примерно пятьдесят - шестьдесят рентгенов в час, - не очень уверенно ответил доктор.

- Ну, тогда это значит, - повернулся Дадли к Диксону, - что в сравнительной безопасности сможем мы пробыть на авианосце не более двух часов.

Адмирал подошел к столу и не торопясь развернул лежавшую на нем крупномасштабную карту центральной части Океании.

- Мы находимся сейчас вот здесь, - ткнул он длинным костлявым пальцем в светло-синюю каемку неподалеку от западного берега Святого Патрика. - А ближайший к нам обитаемый остров Пура находится примерно в ста двадцати - ста тридцати километрах отсюда. Следовательно, для того, чтобы добраться до него?.. - адмирал замолчал и вопросительно посмотрел на инженера.

- Нужно немедленно сниматься с якоря, - закончил за него Дадли. - И лишь в том случае, если мы доведем мощность всех наших паровых турбин до двухсот шестидесяти тысяч лошадиных сил и разовьем скорость хода до шестидесяти километров в час (а это наша предельная скорость), мы будем там через два ча-

са.

- То есть как раз в то время, когда доза облучения станет опасной для жизни экипажа, - возбужденно заключил доктор Стоун.

- Спасибо за информацию, Дадли, - слегка наклонив голову в сторону инженера, проговорил адмирал Диксон. - Не буду вас больше задерживать. Немедленно радируйте в министерство о создавшейся обстановке.

Как только инженер вышел, адмирал Диксон включил микрофон и вызвал к себе офицера штурманской службы, ведавшего метеорологическими сводками.

- Вы сообщили мне утром, что над Гавайскими островами пронесется сильный ураган? - обратился Диксон к лейтенанту, когда тот вошел к нему в каюту.

- Совершенно верно, сэр, - торопливо отозвался лейтенант, протягивая адмиралу метеорологическую сводку. - Как раз только что из Гонолулу получено дополнительное сообщение: ураган меняет курс с Оста на Зюйд-Ост...

- Вы полагаете, значит, - прервал лейтенанта Диксон, - что он заденет теперь и остров Святого Патрика?

- Да, сэр. И мы окажемся почти в самом центре этого урагана, скорость которого достигает пятидесяти метров в секунду.

- Он заденет, в таком случае, и остров Пура? - спросил адмирал, всматриваясь в карту.

- Да, сэр.

- Спасибо, лейтенант. Можете идти.

- Боже мой! - испуганно воскликнул Фрэнсис Стоун. - Пятьдесят метров в секунду, это же сто восемьдесят километров в час! Ураган движется, значит, в три раза быстрее, чем наш авианосец!

- Только, пожалуйста, без истерики, Фрэнси, - поморщился Диксон. - И потом не скорость этого урагана самое страшное. Ужасно то, что сметет он на наш авианосец всю радиоактивную пыль со Святого Патрика, если мы тотчас же не уйдем отсюда.

Адмирал хотел сказать еще что-то, но в это время в каюту без стука вошел его адъютант с телеграфными бланками. Адмирал почти выхватил их у него из рук.

Прочитав одну из шифровок, он снял телефонную трубку и позвонил инженеру Дадли.

- Слушайте, Дадли, как у вас обстоит дело со спасательными средствами?

- В каком смысле, сэр?

- Они не подверглись радиоактивному заражению?

- Только что проверил все наши шлюпки и катера бета-гамма радиометрами, - ответил Дадли. - Зараженность их пока незначительна. Но она с каждой минутой увеличивается под влиянием радиации корпуса авианосца, верхней палубы и надстроек. Если вы думаете спасти людей - это нужно сделать возможно скорее.

- Хорошо, Дадли, я подумаю...

Лицо Диксона показалось теперь Стоуну еще более бледным и

озабоченным. Даже голос его звучал по-иному - глуше, неуверенней.

- Вот что, Фрэнси, - совсем расслабленно проговорил он, - мне ведь, по сути дела, не с кем, кроме вас, посоветоваться, поговорить откровенно. Положение у нас чертовски серьезное, если не сказать катастрофическое. Я сообщил в министерство, что авианосец наш подвергся радиоактивному заражению, и они мне ответили, чтобы я поступал по собственному усмотрению. Предписывается также скрыть от команды причину катастрофы на острове Святого Патрика. Что бы вы сделали на моем месте в такой обстановке, Фрэнси?

- Я бы им послал радиogramму с сообщением, что на авианосце не такие уж все кретины, чтобы ни о чем не догадываться, - зло отозвался Стоун. - Ну, а сами-то вы что же собираетесь делать?

- Нужно срочно уходить от Святого Патрика и высадить экипаж на любом ближайшем острове.

- Но до Пуры мы теперь уже не доберемся, - мрачно заметил Стоун.

- Да, пожалуй, - согласился Диксон. - На полпути нас может настигнуть ураган, и тогда о высадке нечего будет и думать. Придется, значит, посоветоваться со старшим штурманом.

Старший штурман, пожилой чернобородый офицер, спокойно выслушал адмирала, ничему не удивляясь, хотя Диксон считал необходимым сообщить ему все без утайки. Он молча разгладил широкой ладонью карту на столе адмирала и, внимательно всмотревшись в нее, прочертил синим карандашом жирную линию от острова Святого Патрика на запад, к группе небольших островков, в центре которых был самый крупный из них - остров Табу.

- Вот, - сказал он густым низким голосом, ткнув острием карандаша в маленькую точку на карте. - Нужно взять курс на этот остров.

- А успеем?

- Успеем. К Пуре нам нужно было бы идти навстречу урагану, а, двигаясь к Табу, мы будем уходить от него.

Адмирал отпустил старшего штурмана, приказав ему срочно готовить курс авианосца на остров Табу.

А когда корабль снялся с якоря и взял курс на остров Табу, Диксон спросил инженера Дадли:

- А самолеты наши, значит, совершенно непригодны для полетов?

- Они подверглись радиации сильнее всего, - ответил инженер.

- Надежда, значит, только на шлюпки и катера?

- Да, сэр. А еще более - на спасательные пояса.

- Посмотрите в таком случае, в каком состоянии мой, - улыбнулся Диксон. - Займитесь и моим катером. Погрузите в него все необходимое: воду, рацию, оружие.

- И дозиметрические приборы, сэр, - добавил Дадли.

- Как? - удивился Стоун. - Разве и там придется измерять радиоактивность?

- Весьма возможно, - неопределенно ответил инженер. - Мы уже столько лет испытывали в этом районе Тихого океана атомное и термоядерное оружие, что следует быть готовыми ко всяким неожиданностям. И потом, ураган понесет ведь вслед за нами и всю радиоактивную "перхоть" со Святого Патрика.

У инженера Дадли был мрачный характер - он шутил не улыбаясь.

- Ну и норовистое же это оружие, черт бы его побрал! - невольно вырвалось у Фрэнсиса Стоуна. Он даже плюнул с досады.

- Настоящее оружие самоубийц, - заметил на это Дадли таким тоном, что трудно было понять, шутит он или говорит серьезно.

- Но ничего, - неестественно бодрым голосом заключил адмирал, - мы его все-таки обуздаем!

- А пока оно отправило на тот свет Медоуза и нескольких военных специалистов во главе с бравым генералом Хазардом, - мрачно проговорил Стоун.

- Вы, значит, считаете, что с ними все уже кончено? - почти шепотом спросил Дадли.

- Не сомневаюсь в этом. Они скончаются, а может быть, уже и скончались в бетонном гробу подземного убежища, если не от лучевой болезни, то от голода.

А когда Дадли вышел, доктор спросил адмирала:

- Вас не будет мучить раскаяние, Эдгар, при воспоминании об этих несчастных, оставшихся на Святом Патрике?

- Но что же я могу еще сделать, черт побери?! Кажется, перепробовали для их спасения все средства...

- Да, но зачем было бомбить их антенну?

- А по-вашему, я должен был дать им возможность вопить о помощи и выбалтывать тайну "Большого Джо" на весь мир?

9. На острове Табу

Ураган настиг авианосец у рифов, неподалеку от острова Табу.

Хотя свежий бриз уже довольно давно сменился сильным ветром, первые удары урагана показались все-таки совершенно неожиданными. Он сразу же обрушил на авианосец такие волны, что гребни их стали возвышаться даже над его многометровыми бортами. Они подхватили тяжелый корабль, водоизмещением около семидесяти шести тысяч тонн, с такой легкостью, будто это была утлая лодочка, и с такой силой швырнули его на рифы, что скрежет брони авианосца слышен был даже сквозь ураган. Густые облака покрыли теперь все небо, океан стал темным, зловещим. На всем пространстве его виднелись лишь белые, бешено клубящиеся гребни.

Об организованной посадке в шлюпки и катера не могло быть и речи. Палубы авианосца захлестывали бушующие потоки воды, сплошная завеса брызг и летящей по ветру пены делали воздух непроницаемым. В грохоте волн, реве ветра, скрежете рушащихся

ся радиомачт не были слышны ни голоса офицеров, ни ругань матросов. Яростные волны беспрепятственно перекачивались по стальным дорожкам полетной палубы, обрывая нейлоновые тросы аварийных барьеров, сбрасывая за борт матросов вместе со шлюпками и катерами.

Адмирал Диксон, пытавшийся навести хоть какой-нибудь порядок, ничего не мог поделать с паникой, охватившей его подчиненных. Не только офицерам, но и всем матросам стало каким-то образом известно, что авианосец настолько заражен радиоактивностью, что дальнейшее пребывание на нем грозит тяжелым заболеванием-лучевой болезнью. Было известно также, что уже заболели ею два летчика и несколько матросов. Все стремились теперь поскорее покинуть смертоносный корабль. Даже свирепые волны разбушевавшегося океана казались им менее страшными.

Торопился покинуть авианосец и сам адмирал Диксон, тем более, что в его пребывании на корабле не было теперь никакой необходимости. Вокруг господствовала стихия. Не слушаясь офицеров, матросы бросались в катера и шлюпки. Многие, обвязавшись пробковыми поясами, сами выпрыгивали за борт.

Не без труда удалось Диксону разыскать инженера Дадли.
- Надо немедленно пробраться в радиорубку, - прокричал ему адмирал. - Стоун сообщил мне, что начальник связи серьезно болен. Боюсь, что он не смог отправить последней моей радиограммы. Я поручил, повторить ее старшему штурману, но его смыло за борт... Придется вам, Дадли, пробраться в одну из радиорубок и связаться с любой из ваших военно-морских баз. Вот текст. Боюсь, что вы не успеете его зашифровать. Посылайте так. Зашифруйте только название авианосца. Желаю удачи!..

В реве урагана Дадли не все расслышал, но он и без того понял, что ему нужно было сделать. С трудом пробравшись в радиорубку, он лишь после долгих усилий включил и отрегулировал радиостанцию. Послав а эфир позывной авианосца, Дадли переключился на прием и тотчас же был буквально оглушен грохотом электрических разрядов.

Принять что-нибудь в таких условиях было совершенно немислимо. Видимо, исключалась и передача. На всякий случай он все же передал несколько раз текст радиограммы Диксона, в надежде, что кто-нибудь примет ее и сообщит затем по адресу.

Поспешно выбравшись из радиорубки, Дадли заметил, что кормовая часть авианосца осела еще больше, чем прежде, а носовая задралась так высоко, что даже гигантские волны с прежней силой бушевавшего океана не могли уже ее достигнуть. Никого из живых на полетной палубе не было теперь видно. Наверно, все, кого не смыло в океан, успели покинуть авианосец.

Крепко держась за конец оборванного стального троса аэрофинишера, Дадли попытался разглядеть, что делалось вокруг, но налетевшая на него гигантская волна окатила его с головой, сбила с ног и вышвырнула за борт...

Но Дадли не растерялся. Он знал, что остров Табу находит-

ся где-то недалеко за рифами, и не сомневался, что волны рано или поздно выбросят его на берег. Пробковый пояс, которым Дадли заблаговременно подпоясался, хорошо держал его на поверхности океана, да он и сам был отличным пловцом и не боялся, что утонет. Пугал его лишь сам берег. Неизвестно было, каков он - крутой или пологий? Но разве можно было разглядеть хоть что-нибудь даже с высоты многометровых волн? Все пространство вокруг пронизывали брызги океанской воды да белые хлопья летящей по воздуху пены.

Как ни привычен был Дадли к заплывам на дальние дистанции, но и он начал вскоре выбиваться из сил. Его тошнило от непрерывно попадавшей в рот горько-соленой воды, шумело в ушах от рева волн, рябило в глазах от брызг и пены. Дадли уже с трудом переводил дыхание и не делал никаких попыток бороться с волнами. Чтобы сэкономить силы, он расслабил мышцы и держался теперь на воде лишь за счет пробкового пояса. А когда уже стал со страхом подумывать, что его пронесло, наверно, мимо острова, ударился вдруг обо что-то не очень твердое, но с такой силой, что тотчас же потерял сознание...

К счастью, бесчувственное состояние его длилось недолго. Видимо, всего несколько секунд. Открыв глаза, Дадли выплюнул изо рта горькую океанскую воду, протер глаза и осмотрелся по сторонам. В тусклом свете он увидел лишь мокрый песок пологого берега да пену рушащихся волн...

Собрав последние силы, Дадли отполз на несколько метров вверх по песчаному откосу и опять лишился чувств...

Когда он снова открыл глаза, то увидел над собой темное небо с крупными южными звездами и не слышал больше рева ветра. Видимо, ураган пронесся дальше или, обессилев, утомился наконец. Только океан все еще сердито шумел где-то недалеко, не в силах остепенить разбушевавшиеся волны.

Дадли посмотрел на свои герметические часы со светящимся циферблатом. Была полночь. До рассвета, значит, добрых три с лишним часа.

Поднявшись с мокрого песка, он почувствовал, как все его тело тряс озноб.

"Погреться бы теперь у костра..." - с тоскою подумал он и тут же вспомнил, что у него должна быть фляга с коньяком.

Ощупав свой промокший, облепленный песком и водорослями мундир, Дадли действительно обнаружил у пояса флягу. Отстегнув ее, дрожащими руками отвинтил пробку и прямо из горлышка отпил несколько глотков. Он так ослаб, что коньяк перехватил у него дыхание и показался невероятно крепким. Почти тотчас же по всему телу разлилось приятное тепло, постепенно стал прекращаться озноб.

Но что же делать теперь? Куда идти? Где искать остальных членов экипажа авианосца? Да и жив ли хоть кто-нибудь из них?

С этими невеселыми мыслями направился Дадли в глубь острова, ориентируясь по шуму прибоя за своей спиной. Вскоре наткнулся он на какое-то дерево. По шершавому волокнистому его стволу догадался, что это кокосовая пальма. Дальше пошел

осторожнее, опасаясь, что дорогу может преградить пальмовый лес или роща. Деревья действительно стали попадаться все чаще, однако они не могли составить еще не только леса, но и рощи.

А вскоре Дадли снова услышал шум океана, уже с противоположной стороны - с той, в которую шел. Значит, остров был не широк. Каков же он в длину?

Дадли повернул влево и снова пошел между стволами пальм. Теперь он не только нащупывал их руками, но и спотыкался о них, так как многие пальмы лежали на земле. Видимо, пронесшийся ураган вырвал их с корнем или сломал у самого основания.

Через полчаса, уже не только согревшись, но и вспотев от нелегкой ходьбы по зыбкому песку, Дадли заметил между пальмами огонек костра. Он почти не сомневался, что развел его кто-нибудь из спасшихся офицеров или матросов, так как знал, что остров Табу необитаем.

У костра действительно грелись двадцать три матроса и пять лейтенантов с авианосца адмирала Диксона. Они тоже узнали Дадли и приветствовали его радостными криками. Потеснившись, пригласили к костру.

- Это все, кто спасся? - спросил инженер.

- Пока - да, - ответил ему лейтенант-командер. - Мы пускали сигнальные ракеты и стреляли несколько раз из автомата. Все, кто услышал нас, собрались сюда, остальных будем искать утром. Полагаю, к тому же, что многих занесло на другие острова архипелага.

- А адмирал и другие офицеры?

- О них пока тоже ничего не известно. До острова добрались ведь всего две шлюпки. Остальные либо опрокинулись, либо разбились о рифы.

- Удалось ли спасти что-нибудь из средств связи и оружия?

- Почти ничего. Рацию упустили в воду еще при посадке.

Оружие тоже утонуло. Чудом уцелели ящик с ракетами, ракетница да один автомат.

- А продовольствие?

- Только ящик с галетами.

- Дела не блестящие, - вздохнул инженер. - Но ничего не поделаешь... Устраивайтесь, кто где сможет и ложитесь спать - завтра у нас будет много работы.

Сам Дадли расположился под пальмой, неподалеку от костра. Засыпая, он слышал, как переговаривались между собой матросы.

- Да-а, - задумчиво проговорил один из них, - задал нам жару "Большой Джо". Так от него улепетывали, что и не заметили даже, как на рифы напоролась...

- А кто знает, - возразил ему другой матрос, - может быть, и не случайно мы напоролась на них? Могли и нарочно посадить. Авианосец наш все равно теперь ни на что уже не годен из-за радиоактивности.

- Брось заливать! - недоверчиво усмехнулся кто-то.

- А знаете ли вы, ребята, что мы уже топили наши военные

корабли по той же самой причине? - включился в разговор матросов боцман Бридж, которого Дадли знал как человека неглупого и далеко не бездумно относящегося к жизни. - Больше того вам скажу - мы отбуксировали недавно в открытый океан и затопили там даже такой корабль, который пять лет назад находился в зоне испытания водородной бомбы.

10. Что посеешь, то и пожнешь...

Утром инженер Дадли, как старший по чину, взял на себя команду над уцелевшим экипажем авианосца. Разделив матросов на две группы, он поставил во главе каждой из них лейтенанта и приказал им самым тщательным образом прочесать остров вдоль и поперек. А когда обе команды, наспех перекусив галетами, разошлись в разные стороны, Дадли с помощью боцмана Бриджа стал подыскивать подходящую площадку для разбивки лагеря. Заметив при этом, что боцман подобрал под одной из пальм упавшие с нее кокосовые орехи, Дадли строго приказал ему:

- Только не вздумайте лакомиться кокосовым молоком, Бридж. Я запрещаю вам это!

- Почему, мистер Дадли? - удивился боцман.

- Что поделаешь, Бридж, нужно быть осторожным. Я приведу в порядок нашу дозиметрическую аппаратуру, и мы с вами проверим тогда эти орехи, пресную воду и вообще все, что может быть пригодно для пищи. И больше чтобы никаких вопросов по этому поводу! Ясно?

- Да уж яснее ясного, - уныло отозвался боцман.

Команды, посланные на поиски, вернулись в разное время. Первая привела с собой еще тринадцать матросов и семь младших офицеров, вторая принесла на носилках, сделанных из бамбука, адмирала Диксона. Рядом с ним, прихрамывая, шли доктор Стоун, два коммодора и лейтенант-коммандер. Вслед за ними двигалась небольшая группа матросов во главе с тремя мичманами.

Адмирал лежал с закрытыми глазами, голова его была забинтована.

- Что с ним? - шепотом спросил Дадли доктора.

- Ничего серьезного, - ответил доктор. - Катер наш разбил у самого берега, а нас слегка ушибло. Моторист утонул. Все, что было в катере, тоже пошло ко дну.

- А рация?

- И рация, - ответил за Стоуна лейтенант Перкинс.

- Положите тогда адмирала в тень под пальмами, я прикажу построить для него шалаш. А вам, доктор, придется пойти с лейтенантом Кларком и оказать помощь нескольким тяжелораненым, оставшимся на берегу.

- Да, но у меня же нет с собой ни лекарств, ни инструментов... - растерянно развел руками Стоун.

- Все равно вам нужно пойти к ним, доктор, - сурово повторил Дадли. - Это ваш долг.

К вечеру было построено несколько шалашей. В один из них внесли адмирала Диксона.

Он был в сознании, не стонал, ни на что не жаловался, но все еще не имел сил подняться на ноги.

Когда работа была закончена, Дадли выстроил весь свой гарнизон перед шалашами и произнес маленькую речь:

- Офицеры и матросы! Судьба забросила нас на этот не очень гостеприимный остров, и никто не знает, сколько нам придется здесь пробыть. Полагаю, что недолго. Командование, видимо, уже принимает меры для наших поисков. Сами мы, к сожалению, ничего больше не сможем сообщить о себе, так как все наши рации погибли. Но у нас есть ракеты, и мы сможем подать ими сигналы, как только заметим корабли в океане или самолеты в небе. С этой целью с сегодняшнего дня будут введены специальные посты наблюдения за океаном и воздухом. И вот еще что...

Дадли сделал небольшую паузу и внимательно посмотрел на людей, стоявших перед ним в плохо выровненном строю. Почти все они уже успели обрасти бородами и выглядели очень усталыми. У некоторых были ссадины, царапины и синяки. У трех матросов руки оказались на перевязях, сделанных из нательных трикотажных рубашек. Один из механиков тяжело опирался на бамбуковую палку. Не было никаких сомнений, что все эти люди хотели есть и пить. Вот по этой-то причине инженеру Дадли нелегко было закончить свою речь.

- Так вот, - продолжал он, несколько понизив голос и уже не глядя в глаза стоявшим перед ним матросам, - я должен предупредить вас еще кое о чем. Бог свидетель, ребята, как нелегко мне говорить вам об этом. Вы знаете, конечно, что кокосовые орехи, растущие на пальмах нашего острова, съедобны. Есть их, однако, я от имени адмирала Диксона категорически запрещаю. Нельзя также пить дождевую воду, выпавшую вчера во время урагана. Ее особенно нужно опасаться. Боюсь даже, что и рыба, которую посчастливится кому-нибудь из вас поймать в лагуне за коралловыми рифами, окажется непригодной для пищи. Вот и все. Надеюсь, вы избавите меня от вопросов о причинах подобных запретов?

Дадли помедлил немного, ожидая все же этих вопросов, но так как никто их не задавал, поспешил распустить строй. Зато, направляясь в шалаш адмирала, он услышал за своей спиной, как кто-то из матросов мрачно усмехнулся:

- Не мешало бы ему на прощание передать нам еще и привет от "Большого Джо"...

- Робинзону Крузо чертовски повезло попасть на необитаемый остров до того, как человечество пополнило арсенал своего оружия водородными бомбами, - философствовал в это время в шалаше адмирала доктор Стоун. Он сидел прямо на песке возле носилок Диксона, с трудом нащупывая пульс на запястье жилистой руки адмирала.

- А может быть, им не следовало этого говорить, - вяло произнес Диксон, как только Дадли вошел в его шалаш.

- Нет, сэр, этого нельзя было не сказать, - убежденно за-

явил Дадли. - Доктор подтвердит вам это.

- Да, это верно, Эдгар, - уныло согласился Стоун. - Вы не знаете, Дадли, сколько уже взорвано атомных и термоядерных бомб за весь период их испытания? - обратился он к инженеру.

- С 1945 года по сегодняшний день около ста пятидесяти.

Причем энергия, освобожденная этими взрывами, равна по мощности примерно трем тысячам атомных бомб, сброшенных в свое время на Хиросиму и Нагасаки.

- Представляете теперь, сколько продуктов радиоактивного распада накопилось за это время в атмосфере? - заключил Стоун. - Да еще мы сами подорвали всего в каких-нибудь двухстах километрах отсюда такую штуку, как "Большой Джо". И вот все эти радиоактивные вещества не только оседают теперь на поверхности земли, но и поглощаются растениями, плоды которых становятся от этого радиоактивными.

- А не слишком ли и вы, Фрэнси, и ваши коллеги по медицинскому миру преувеличиваете угрозу этой радиоактивности? - спросил Диксон. - Насколько мне известно, радиоактивная пыль существует извечно. Я бы даже сказал, что частицы радиоактивной пыли как бы составляют часть природных условий, к которым все время приходится приспосабливаться жизни на нашей планете.

- Какой-то естественный радиоактивный фон всегда, конечно, существовал, - согласился доктор Стоун. - Его порождают космические лучи и естественная радиоактивность горных пород. Но все эти излучения не велики, и жизнь, будучи замечательно изобретательной и находчивой химической структурой, не только отлично приспособилась к ним, но, видимо, научилась использовать их и для изменения своей наследственной конституции.

- Вот именно! - оживился адмирал Диксон. - Вы ведь имеете в виду воздействие радиоактивности на носителей наследственности?

- Да, Эдгар, я имею в виду мутации.

- А как вы смотрите на утверждение ряда ученых, что увеличение радиоактивного фона учащает мутации и тем самым открывает для человечества единственно возможный путь рождения гениев?

Дадли, считавший этот ученый разговор неуместным в создавшейся обстановке, не смог, однако, после этих слов адмирала не вступить в опор.

- Не знаю, кто утверждает именно это, сэр, но зато мне известны мнения подавляющего большинства крупнейших ученых мира о том, что почти все мутации, вызванные радиоактивностью, оказываются вредными.

- Да, это так, Эдгар, - подтвердил слова инженера доктор Стоун. - Для человека всякая такая мутация - отсроченная беда. Это утверждается большинством научных авторитетов. Влияние радиоактивных излучений на половые органы людей и наследственность - несомненно. В связи с этим лауреат Нобелевской премии профессор Миллер, открывший рентгеновские мутации, самым серьезным образом предостерегает нас:

"Не следует впадать в опасную ошибку, рассматривая человека, как такой вид, который способен длительное время благоденствовать, подвергая свою зародышевую плазму действию излучения. Зародышевая плазма представляет собой самое бесценное человеческое сокровище, не поддающееся восстановлению. Она уже подвержена такой изменчивости, которая, с учетом современных особенностей размножения человека, находится на самой крайней грани".

- Невеселая, в общем, перспектива, не только для всего человечества, но и для нас лично, - проговорил в заключение доктор Стоун с тяжелым вздохом.

- Я бы даже сказал - для нас особенно, - добавил Дадли.

- Почему же именно для нас? - удивился Диксон.

- Да потому что этот самый радиоактивный фон на нашем острове весьма значителен. Во всяком случае, много выше естественного.

- А вы ручаетесь за показания ваших дозиметрических приборов, Дадли? - встревоженно спросил адмирал. - Они ведь побывали в воде и могли испортиться.

- Наиболее точные приборы вообще, к сожалению, погибли, - ответил Дадли. - Уцелел только вот этот портативный дозиметр. Он хотя и не очень точно показывает степень радиации, но действует пока довольно исправно.

- Значит, кокосовое молоко на этих пальмах действительно радиоактивно? - разочарованно спросил Диксон.

- Действительно, сэр.

- А так хочется выпить чего-нибудь... - тяжело вздохнул адмирал и устало закрыл глаза.

"Что посеешь, то и пожнешь!" - очень хотелось заметить на это инженеру Дадли.

11. Спасение

На третий день пребывания на острове Табу матросов уже нельзя было удержаться от соблазна попробовать прохладного молока кокосовых орехов. Да и сам Дадли не был теперь уверен, что не последует вскоре их примеру. Адмирала кормили пока лишь раками-отшельниками, в теле которых не было обнаружено значительной радиоактивности. Но так как раков этих стали есть и матросы, они очень быстро перевелись и нужно было подумать о какой-то новой пище.

Боцман Бридж, на которого никакие запреты и запугивания совершенно не действовали, ел вообще все, что хоть в какой-то мере было съедобно, в том числе и причудливых рыбок, выловленных им в лагуне. А когда Дадли проверил дозиметром оставшиеся от них косточки, все они оказались радиоактивными. Но открытие это не испугало Бриджа, и он продолжал есть все, что ему удавалось поймать на острове или выловить в лагуне. Его примеру последовали вскоре не только все остальные матросы, но и лейтенант Кларк.

- И вам не стыдно проявлять такую слабость, лейтенант? -

с укоризной опросил его Дадли.

- А какая разница, от чего я подохну? - не очень учтиво ответил на это Кларк. - Голодная смерть ничем, наверно, не лучше смерти от лучевой болезни.

...А спасение все не приходило. Один раз, правда, над островом пролетел самолет, но, как на зло, затерялась где-то ракетница, а пока развели костер, самолет был уже так далеко, что, наверно, не заметил дыма. Костер жгли теперь почти круглые сутки, но ни самолетов, ни кораблей вблизи острова не наблюдалось.

- Похоже, что мою радиограмму никто не принял. Как вы полагаете, Дадли? - уже не в первый раз спрашивал Диксон.

- Не мудрено, сэр, - спокойно отвечал Дадли. - В тот день бушевала страшная гроза.

- А может быть, наш остров находится в такой зоне заражения, в которую вообще ни одно спасательное судно не решается войти? - высказал предположение доктор Стоун.

- Тоже вполне возможно, - согласился Дадли. - Движение радиоактивных облаков с выпадением радиоактивных осадков наблюдается обычно на расстоянии более трехсот пятидесяти километров. При этом доза проникающих излучений в течение тридцати шести часов составляет не менее трехсот рентгенов.

- А потом, после этих тридцати шести часов?

- Потом она будет постепенно понижаться. Нужно, значит, набраться терпения и ждать, когда район острова Табу станет безопасен. Тогда, возможно, к нему подойдет какое-нибудь судно, - невесело заключил Дадли.

А голод и жажда, между тем, все более давали себя знать. Теперь уже не только матросы и все офицеры пили кокосовый сок и ловили рыбу в лагуне, но и сам адмирал Диксон умолял доктора Стоуна дать ему выпить хоть один глоток кокосового молока. И Фрэнсис Стоун, махнув на все рукой, разрешил ему это.

Но вот и рыбу стало все труднее и труднее ловить в лагуне, так как среди красных коралловых глыб стали все чаще появляться акулы. Одна из этих хищниц чуть не откусила руку матросу Томми. После этого случая некоторое время пришлось довольствоваться лишь съедобными моллюсками.

- Господи! - с ужасом воскликнул доктор Стоун, как только увидел этих моллюсков в руках у боцмана Бриджа. - Выбросьте сейчас же эту гадость! Это ведь моллюск Peloris - аккумулятор радиоактивности.

- Э, доктор! - беспечно махнул рукой боцман. - Я уже столько съел всякой дряни, что скоро и сам начну излучать разные там альфа-, бета- и гамма-лучи.

- Нет, вы подумайте только, - возмущенно рассказывал об этом случае Стоун инженеру Дадли, - этот кретин Бридж ест моллюсков Peloris! Знаете ли вы, что, когда этих моллюсков выловили в Тихом океане, радиоактивность их оказалась в две тысячи раз выше, чем радиоактивность океанской воды, в которой они обитали.

- Нужно, значит, серьезно поговорить с матросами, - пред-

ложил Дадли. - И эта ваша задача, доктор. Объясните им, что радиоактивность океанской воды даже в двух тысячах километров от зоны испытания ядерного оружия все еще в двадцать раз выше нормы.

- Может быть, сказать им еще и то, что в результате наших экспериментов радиоактивность рыбы и планктона в значительной части Тихого океана в сотни и тысячи раз превышает радиоактивность океанской воды?

- А почему бы и не сообщить им этого? - опросил Дадли таким тоном, по которому доктор понял, что он не шутит. - Скажите им тогда еще и то, что японское правительство вынуждено теперь подвергать осмотру тысячи своих судов и сотни тысяч тонн рыбы выбрасывать за борт.

Видя, с каким волнением Дадли говорит обо всем этом, доктор Стоун решил, что действительно следует, пожалуй, побеседовать с матросами и офицерами.

- Ладно, - без особого энтузиазма заявил он. - Я поговорю с нашими парнями. Но, вместо того, чтобы запугивать их всеми этими ужасами, дам несколько практических советов.

И он действительно собрал в тот же день весь экипаж авианосца и произнес следующую речь:

- Офицеры и матросы! Мы попали с вами в трудную обстановку. Но мы - военные люди, а следовательно, люди дисциплинированные и мужественные. Наше поведение должно стать примером для тех, кто попадет в подобную же ситуацию...

- Ближе к делу! - выкрикнул кто-то хриплым голосом из задних рядов матросского строя.

- Не поведение наше будет примером для других, а наши радиоактивные трупы предостережением, - очень спокойно подал реплику боцман Бридж, стоявший в первых рядах матросов.

- Мне очень приятно. Бридж, что вы сохранили чувство юмора, - деланно улыбаясь, продолжал Стоун. - Пусть другие берут с вас пример. А для того, чтобы всем нам действительно не стать радиоактивными трупами, я хочу дать вам, ребята, несколько практических советов. Раз уж почти вся местная рыба в той или иной степени заражена, с этим обстоятельством ничего, следовательно, не поделаешь. Не советую вам в связи с этим употреблять тунца. Он особенно радиоактивен. Ловите лучше макрель, она, по-моему, менее опасна. И учтите, что во всякой рыбе больше всего радиоактивных веществ содержится в печени, желчном пузыре и сердце. Мышцы, следовательно, менее опасны, чем внутренние органы. Потрошите рыбу как следует и хорошенько промойте ее.

А когда Стоун вернулся в шалаш адмирала, Диксон спросил его:

- Что это за советы давали вы матросам, Фрэнси? Понимаете ли вы, что этими советами вы теперь почти официально разрешили нашему экипажу употреблять радиоактивные продукты?

- Но что поделаешь, Эдгар? Нужно же нашим матросам чем-то питаться. Боюсь, что нам с вами придется скоро переходить на радиоактивных моллюсков...

Радиоактивных моллюсков им, однако, не пришлось потребо-

вать, так как на следующий день к острову Табу подошло отечественное судно "Чэрити", оборудованное под плавучий госпиталь. На борту его, кроме медицинского персонала, во главе с доктором Юджином Хэпвортом, оказались также корреспондент газеты "Сирена" мистер Сидней Милберри и представитель крупнейшей в стране радиокompании Харви Моррисон.

Как только катер с "Чэрити" причалил к острову Табу, первым выпрыгнул из него высокий, стройный доктор Хэпворт. И тотчас же с радостным криком бросился к нему навстречу Фрэнсис Стоун:

- Дружище, Юджин! Вот так встреча! Какими ветрами занесло тебя в эту преисподнюю?..

- Радиоактивными, - усмехнулся Хэпворт.

- Ты не шути... - начал было сразу помрачневший Стоун, но Хэпворт перебил его:

- А я и не шучу, - сказал он серьезно, взглядываясь в похуевшее лицо своего друга. - С четырех островов мы уже вывезли все их население. Дошла очередь и до вашего. Вы ведь ближе всех к Святому Патрику, потому и добрались к вам не так скоро. Ну, как тут у вас?..

Стоун понял, что именно интересовало Хэпворта и ответил, понижая голос до шепота:

- Явные признаки у всех... Особенно у матросов. Кое у кого уже выпали волосы. Изъязвлены губы. Я, конечно, ничем не мог им помочь. У меня ни медикаментов, ни даже термометра... Ты, смотри, и сам будь тут поосторожнее.

- За нас не беспокойся, Фрэнси. Мы приняли цистеин. Он усилил сопротивляемость наших организмов радиоактивному облучению. Ну, а вам сразу же введем пенициллин, чтобы предохранить от инфекции.

- Придется, может быть, сделать и переливание крови.

- Сделаем и это, Фрэнси, ты не беспокойся.

...Спустя полчаса все оставшиеся в живых члены экипажа авианосца "Фоукен" были уже на борту "Чэрити". Многим из них сразу же сделали переливание крови. Приняты были все меры, какими только располагала современная медицинская наука в борьбе с лучевой болезнью, однако нерадостно было на душе у пострадавших, и не потому только, что многие из них находились в тяжелом состоянии, тяжело было другое. Но об этом не хотелось ни говорить, ни думать. Один только боцман Бридж отводил душу. Он поносил в бреду и президента республики, и адмирала Диксона, и "Большого Джо"...

Диксон, Стоун и Дадли лежали в отдельной каюте. Ухаживал за ними сам Хэпворт. Тоскливо было и у них на душе. Прошло уже немало времени с тех пор, как "Чэрити" снялась с якоря, но никто из них не проронил ни слова. Первым нарушил молчание Стоун.

- Знаете, какое предложение сделал мне полчаса назад сотрудник газеты "Сирена" Сидней Милберри? Он предложил в соавторстве с ним написать серию статей "О трагическом происшествии на острове Святого Патрика". А когда я ему заметил, что не обладаю литературным талантом, он лишь усмехнулся мо-

ей наивности и тотчас же развеял все мои сомнения, заявив: "С таким соавтором, как я, вам и не понадобится никаких талантов". А потом развил свою мысль настолько, что не оставалось уже никаких сомнений, что мне не только писать, но и рассказывать ему ничего не придется. Он все напишет сам, и не так как это было на самом деле, а как хотелось бы редактору газеты "Сирена", в соответствии с сочиненной этой же газетой версией о естественной радиоактивности острова Святого Патрика.

- Черт возьми, господи! - оживился вдруг и адмирал Диксон. - А ведь это идея! Она, пожалуй, даст нам возможность "реабилитировать" нашего "Большого Джо".

- Можете осуществить эту идею у радиокомментатора Харви Моррисона, - посоветовал адмиралу молчавший до сих пор инженер Дадли. - Вам даже не придется выступать по радио, за вас и напишут, и прочтут все что нужно.

Адмирал Диксон так был заинтересован возможностью любым способом поправить свою репутацию, что не заметил даже иронии в словах инженера. А Дадли стало вдруг от всего этого так тошно, что он попросил у Хэпворта разрешения выйти хоть на пять минут на свежий воздух. Доктор сжалился над ним и разрешил выйти на палубу.

Солнце только что скрылось за горизонтом. Океан медленно и плавно, будто укачивая, то поднимал, то опускал судно. Тихо, спокойно было все вокруг, но Дадли уже не мог ощущать красоту мира. Все в нем казалось отравленным, разрушенным, потерявшим смысл...

Но он не бросился за борт. Для этого у него, пожалуй, не хватило бы мужества. Была и еще одна причина - семья: жена, дети, старики родители. Он не мог, не имел права оставить их одних в этом чертовски скверно устроенном мире.

"Да и с чего, собственно, бросаться за борт?.." - задал он себе вопрос, походив по палубе и успокоившись немного. Что он, не знал разве раньше того, что узнал сейчас? Это Бридж, матросы и кое-кто из юных лейтенантов многого, видимо, не знали. Их это удивило, даже потрясло. И они этого не забудут. Может быть, даже попробуют бороться со злом, породившим все это. А он, военный инженер Дадли, знал все и раньше. Теперь только отведать это на собственной шкуре. Но он лично не способен бороться, он может лишь сочувствовать тем, кто борется, кто будет бороться. У него семья, он привык к достатку, его слишком хорошо оплачивают хозяева, чтобы поднять на них руку, возвысить голос...

Нет, на это он решительно не способен. Но и он теперь уже не совсем тот, каким был раньше. Он, кажется, сможет уже не только сочувствовать, но и помочь тем, кто будет бороться, потому что он-то лучше многих из них знает, чего будет стоить человечеству не только атомная война, но и продолжение испытания ядерного оружия.

Да, он, пожалуй, найдет теперь какую-нибудь возможность помочь людям в их борьбе...

1959 г.

СЛОВАРЬ

1. АВТОНОМНОУПРАВЛЯЕМАЯ СИСТЕМА - специальное устройство, которое самостоятельно в течение всего полета корректирует движение к цели снарядов, предназначенных для поражения стратегически важных целей.
2. АЛЬФА-ЛУЧИ - поток альфа-частиц, испускаемых радиоактивными веществами.
3. АЛЬФА-ЧАСТИЦЫ - ядра атомов гелия.
4. АСТРОГРАФ - астрономическая труба для фотографирования небесных светил.
5. АСТРОНАВИГАЦИОННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ - автономноуправляемая система, включающая в себя астрономические приборы для определения положения снаряда над земной поверхностью.
6. АСТРОФИЗИКА - раздел астрономии, изучающий строение небесных тел, их физические свойства и химический состав.
7. АСТРОФОТОМЕТР - прибор для определения яркости небесных светил.
8. БЕТА-ЛУЧИ - лучи, испускаемые радиоактивными веществами и представляющие поток быстрых электронов.
9. ГАММА-ЛУЧИ - один из трех видов лучей, испускаемых радиоактивными веществами. Гамма-лучи той же природы, что и рентгеновы, но с гораздо меньшей длиной волны и большей проникающей способностью.
10. ГЕОПОЛИТИКА - реакционная, лженаучная буржуазная теория, утверждающая, будто социальноэкономические отношения и развитие государства всецело определяются географическими, физическими и тому подобными условиями. Империалисты пытаются с помощью геополитики обосновать свои притязания на мировое господство.
11. ДЕЙТЕРИЙ - изотоп химического элемента водорода с массой 2. Его соединение с кислородом дает "тяжелую воду"..
12. ДИЭЛЕКТРИК - вещество, не проводящее электричества, непроводник, изолятор.
13. ИЗОТОПЫ - атомы одного и того же химического элемента, имеющие различные атомные веса, но почти не отличающиеся друг от друга своими химическими и физическими свойствами.
14. ИНФРАКРАСНЫЙ ПЕЛЕНГАТОР - устройство, улавливающее тепловое (инфракрасное) излучение, испускаемое в пространство нагретыми частями кораблей, самолетов и другими видами техники, и определяющее направление на них.
15. ИОНОСФЕРА - верхняя часть атмосферы, состоящая из нескольких слоев с большой электропроводимостью, обусловленной значительной концентрацией в них ионов и свободных электронов.
16. ИОНЫ - заряженные атомы. Отличаются от нормальных нейтральных атомов избытком или недостатком одного или нескольких электронов.

17. КИБЕРНЕТИКА - учение об управляющих устройствах, о передаче и переработке в них информации.
18. КИНЕСКОП - электронно-лучевая трубка с магнитным управлением.
19. КОАКСИАЛЬНЫЙ КАБЕЛЬ - высокочастотный кабель, с помощью которого осуществляются дальние передачи телевидения по проводам.
20. "КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ" - смещение линий в спектрах галактик к красному концу, свидетельствующее об удалении этих звездных систем Вселенной.
21. ЛЕЙКОЦИТЫ - белые кровяные тельца, бесцветные клетки крови животных и человека.
22. ЛУЧЕВАЯ БОЛЕЗНЬ - патологическое изменение, возникающее под влиянием воздействия на организм человека больших доз проникающих излучений.
23. МАТА ХАРИ - известная шпионка периода первой мировой войны.
24. МЕТАГАЛАКТИКА - совокупность всех известных ныне внегалактических туманностей, являющихся звездными системами, подобными нашей Галактике.
25. МУТАЦИЯ - изменение материальных носителей наследственности - генов, определяющее новообразование признаков и свойств организма.
26. НЕЙТРОН - входящая в состав ядра сложных атомов элементарная частица, лишенная электрического заряда. Масса нейтрона почти равна массе протона.
27. ПЛАНКТОН - совокупность очень мелких растительных и животных организмов, проводящих всю жизнь в воде во взвешенном состоянии и пассивно переносимых движением воды.
28. ПЛУТОНИЙ - искусственно полученный радиоактивный элемент с порядковым номером 94.
29. ПРОНИКАЮЩАЯ РАДИАЦИЯ - поток гамма-лучей и нейтронов, выпускаемый при атомном взрыве.
30. РАДИОРЕЛЕЙНАЯ ЛИНИЯ - линия связи, образуемая рядом приемно-передающих радиостанций.
31. СВЕТОВОЙ ГОД - астрономическая единица длины, равная расстоянию, которое свет проходит за один год.
32. СЕЙСМИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ - волны в земной коре, возникающие вследствие землетрясений.
33. ТЕЛЕТАЙП - буквопечатающий телеграфный аппарат.
34. ТЕРМОЭЛЕМЕНТ - спаянные пластинки или проволоки из двух различных металлов, дающих при нагреве одного слоя электрический ток.
35. ТОТАЛЬНЫЙ - полный, всеохватывающий, всеобъемлющий.
36. ТРАНСУРАНОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ - радиоактивные элементы, располагающиеся за ураном - последним химическим элементом таблицы Менделеева. Получены искусственно в результате ядерных реакций.
37. ТРИТИЙ - сверхтяжелый водород,
38. УРАН - радиоактивный элемент, порядковый номер 92, является сырьем для промышленного получения атомной энергии.
39. ЭЛЕКТРОНИКА - наука об электронных процессах в вакууме,

газах и полупроводниках.

40. ЭЛЕКТРОННО-ЛУЧЕВАЯ ТРУБКА - электровакуумный прибор, преобразующий электрические сигналы в видимые изображения.

41. ЭЛЕКТРОННАЯ ПУШКА - узел электровакуумных усилителей и генераторов, создающий мощный поток электронов.

42. ЭРОС - в древнегреческой мифологии - бог любви.